

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

№ 1 (96) 2021

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016.

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации

Подписной индекс по объединённому каталогу «Пресса России» 38836

Издаётся с июня 1997 г.

Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя: ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074

Адрес типографии: ул. Гончарова, 30, Иркутск, 664017

тел.(3952) 410-989, 410-215, факс (3952) 411-953

Телетайп: 231-333 «Дельта»

e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru

e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2021

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:

П. А. Капустюк, канд. экон. наук, начальник Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:

О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф., заместитель начальника Восточно-Сибирского института МВД России (по научной работе)

Члены редакционной коллегии:

О. А. Авдеева, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

А. В. Варданян, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., начальник кафедры криминологии и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России

Б. Я. Гаврилов, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области

А. Г. Елагин, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России

В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета

Д. А. Липинский, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры конституционного и административного права института права Тольяттинского государственного университета

И. В. Минникес, д-р юрид. наук, доц., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

И. А. Минникес, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры теории и истории государства и права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В. В. Николок, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия

С. Л. Нудель, д-р юрид. наук, доц., главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства; судопроизводства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

А. Л. Репецкая, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

И. В. Смолькова, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России

Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, проректор по научной работе и инновациям Центрально-Казахстанской академии

Н. Н. Цуканов, д-р юрид. наук, доц., зам. начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе)

В. В. Чуксина, д-р юрид. наук, доц., заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета

А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

В. А. Юсупов, д-р юрид. наук, проф., ректор Волгоградского института экономики, социологии и права

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии. Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 30 марта 2021 г. Дата выхода в свет 30 марта 2021 г.

Цена свободная

Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 33,0.

Тираж 1000 экз.

Первый завод 60 экз. Заказ № 14

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

VESTNIK OF EAST SIBERIAN INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 1 (96) 2021

The founder of the journal is Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registered with the Federal service
for supervision of communications, information technology and mass communications
(Roskomnadzor)

PI No. FS 77-64854 dated 10 February, 2016

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published, for the degree of doctor of science recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

Since June 1997

The journal is issued four times a year

664074, Irkutsk, Lermontov St. 110
Tel. (3952) 410-989, 410-215,
факс: (3952) 411-953,
Teletype: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2021

Editors

Chief Editor

P. A. Kapustuk, Candidate of Economics, Chief of East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

Deputy Chief Editor

O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor, Deputy Chief of East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation for Science

Editorial team

O. A. Avdeeva, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

A. V. Vardanyan, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminalistics Department of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russian Federation

B. Y. Gavrilov, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Department of the Management of Crime Investigation Units, Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

A. Yu. Golovin, Doctor of Law, the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Tula Region

A. G. Elagin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Management of the Activities of the Units of Ensuring the Public Order of the Center for Command and Staff Exercises of the Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

V. S. Ishigeev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University

D. A. Lipinsky, Doctor of Law, Professor, Professor of the Constitutional and Administrative Law Department of the Law Institute of the Togliatti State University

I. V. Minikes, Doctor of Law, Associate Professor, head of the Department of Theory and History of State and Law of RPA of the Ministry of Justice of Russia

I. A. Minikes, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of RPA of the Ministry of Justice of Russia

V. V. Nikolyuk, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Justice Department of the Russian State University of Justice

S. L. Nudel, Dr. Ju. Sci., Associate Professor, Chief Researcher of the Department of Criminal, Criminal Procedure Law; Judicial Proceedings of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

S. V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department of the Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

A. L. Repetskaya, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

E. V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department of the Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

I. V. Smolkova, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Criminal Proceedings Department of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminalistics Department of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, Vice Rector for Research and Innovation of The Central Kazakhstan Academy

N. N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head for scientific affairs of the Law Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

V. V. Chuksina, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of National Security Legal Support of the Baikal State University

A. V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operative-Investigative Activity of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation

V. A. Yusupov, Doctor of Law, Professor, Rector of the Volgograd Institute of Economics, Sociology and Law

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.

Passed for printing on March 30, 2021. Publication date: March 30, 2021

Price: free

Format 60 × 84/8

Conventional printed sheets 33,0. Issue 1000 copies

Fist issue 60 copies. Order No 14

Research and Editorial-Publishing Department

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Абакумова Е.Б. Эволюция института авторского права в контексте признания естественных прав человека.....	9
Егоров А.А. Вопросы гражданского и семейного права в трудах С.Е. Десницкого	17
Тяпкин М.О. Историко-правовой анализ «Наказа лесной страже Алтайского округа» (конец XIX – начало XX в.)	24
Шатилов С.П., Шатилова О.А. Роль правоохранительных органов в реализации социальной функции Советского государства в годы Великой Отечественной войны (на материалах Алтайского края).....	38

Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Васильева Н.В., Праскова С.В., Пятковская Ю.В. К вопросу о значении конституционного закрепления принципа свободы предпринимательской деятельности	49
Шелегов Ю.В. Конституционный суд Российской Федерации в механизме конституционно-правового регулирования.....	59

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Бегалиев Е.Н. О некоторых вопросах правового регулирования института блоггинга.....	70
Жарких И.А. Провокация преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств.....	78

Уголовный процесс

Конин В.В., Елаев А.А. Выявление и фиксация косвенных доказательств по налоговым преступлениям и их значимость для последующего доказывания события преступления	92
Лукьянова А. А. Ограничение свободы и личной неприкосновенности в уголовном процессе: от сущности к проблеме неопределенности правового статуса (положения)	102
Шпагина Ю. В. О современном состоянии сокращенной формы дознания	112

Судебная деятельность; прокурорская деятельность; правозащитная и правоохранительная деятельность

Можаева И.П., Ефремова Е.А. Квалификационные требования к сотрудникам, замещающим (претендующим на замещение) должности начальников органов предварительного следствия	124
---	-----

Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Варданын А.В. Противодействие предварительному расследованию: в продолжение научной дискуссии	137
Грибунов О.П. К вопросу о необходимости разработки узкоспециализированных методик расследования	146
Иванов П.И. Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» 25 лет.....	157
Михайлова Л.В. Пробелы лесного законодательства и их влияние на криминализацию лесной отрасли	169
Пимонов Б.В. «Полевая» идентификация человека	178
Чернявская М.С. Роль руководителя в управлении деятельностью негосударственной судебно-экспертной организации	188
Чиненов Е.В. Задачи начального этапа расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, и алгоритмы действий по их решению	199
Щербаченко А.К. Группа, совершающая мошенничество, как элемент базовой криминалистической характеристики	214

Административное право; административный процесс

Добров А.Н., Баранова С.А. Деятельность органов внутренних дел по осуществлению административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: проблемы и пути решения	222
Дубровин А.К. Проблемы подготовки и принятия управленческих решений в органах внутренних дел.....	231
Костин С.Г. Проблемы применения мер административной ответственности за правонарушения в сфере потребления алкогольной продукции.....	241
Пролетенкова С.Е., Беликов А.П. О концептуальных основах обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации.....	249
Информация для авторов	260

CONTENTS

Theory and history of law and state; history of law and state doctrines

Abakumova E. B. Evolution of the copyright institution in the context of recognition natural human rights	9
Egorov A. A. Issues of civil and family law in the works of S. E. Desnitsky	17
Tyapkin M. O. Historical and legal analysis of the «order to the forest guard of the altai district» (late XIX – early XX century)	24
Shatilov S. P., Shatilova O. A. The role of law enforcement agencies in the Implementation of the social function of the soviet state during the great patriotic war (on materials of the Altai territory)	38

Constitutional law; constitutional judicial process; municipal law

Vasilyeva N.V., Praskova S.V., Pyatkovskaya Yu.V. On the importance of the constitutional regulation of the principle of freedom of business	49
Shelegov Y. V. The constitutional court of the Russian Federation in the mechanism of constitutional legal regulation	59

Criminal law and criminology; criminal executive law

Begaliyev Y.N. On some issues of legal regulation of the blogging institute.....	70
Zharkikh I.A. Provocation of crimes in the sphere of illicit drug trafficking	78

Criminal proceeding

Konin V. V., Elaev A. A. Identification and recording of indirect evidence on tax crimes and their significance for subsequent proof of the crime event.....	92
Lukyanova A. A. Restriction of liberty and personal security in criminal process: from the essence to the problem of legal status uncertainty (regulations).....	102
Shpagina Yu. V. On the current state of the reduced form of pre-trial investigation	112

Judicial activity; prosecutorial activities; human rights and law enforcement

Mozhaeva I. P., Efremova E. A. Qualification requirements for employees who are replacing (applying for replacement) positions of heads of preliminary investigation bodies	124
--	-----

Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

Vardanyan A. V. Counteracting to the preliminary investigation: continuing the scientific discussion.....	137
--	-----

Gribunov O. P. revisiting the need for development of highly-specialized investigation methods	146
Ivanov P. I. The federal law «About police intelligence» is 25 years old	157
Mikhailova L. V. Gaps in forest legislation And their impact on the criminalization of the forest industry	169
Pimonov B. V. «Fieldwork» identification of a person	178
Chernyavskaya M. S. The role of a head in the management of nongovernmental forensic science forensic organizations.....	188
Chinenov E. V., Shatalov A. S. Tasks of the initial stage of investigation of economic crimes committed on railway transport and algorithms of actions to solve them.....	199
Scherbachenko A.K. The group committing fraud as part of the basic forensic characterization	214

Administrative law; administrative process

Dobrov A. N., Baranova S. A. Activities of internal affairs bodies on administrative supervision of persons released from detention centres: problems and solutions	222
Dubrovin A. K. Problems of preparation and adoption of managerial decisions in the internal affairs bodies	231
Kostin S. G. Problems of application of measures of administrative responsibility for offenses in the sphere of consumption of alcoholic beverages	241
Proletenkova S. E., Belikov A. P. On the conceptual framework for ensuring public safety in the Russian Federation.....	249
Information for autors	260

УДК 340.1

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-9-16

Абакумова Екатерина Борисовна
доцент кафедры гражданского права
Новосибирского военного
института им. генерала армии
И.К. Яковлева войск национальной
гвардии Российской Федерации;
старший научный сотрудник отдела
социальных и правовых исследований
института философии и права СО РАН
кандидат юридических наук
E-mail: civilization1981@mail.ru

Abakumova Ekaterina Borisovna
Associate Professor of Civil Law De-
partment of Novosibirsk military Institute
of the national guard of the Russian Fed-
eration named after General of the army I.
K. Yakovlev; Institute of philosophy and
law SB RAS
Candidate of Law,
E-mail: civilization1981@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА АВТОРСКОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ПРИЗНАНИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Введение: в статье рассматривается историческое развитие авторского права в контексте проблематики свободы личности и естественных прав человека.

Материалы и методы: основным методом, позволившим рассмотреть развитие авторского права во времени, явился историко-правовой метод исследования. Также применялись общенаучные методы: диалектический метод познания, системный подход, индукция, дедукция, аналогия, анализ, синтез и др.

Результаты исследования: в работе критически осмыслено утверждение о возникновении авторского права в связи с изобретением печатного станка в XV в. Было показано, что авторское право уходит корнями к Античности, когда появились базовые понятия данного правового института и первые средства юридической защиты неимущественных интересов авторов. Однако рабовладельческая формация препятствовала полноценному развитию авторского права как комплекса имущественных и неимущественных прав.

Распространение книгопечатания в средневековой Европе задало развитие института авторского права в сторону вопросов обеспечения имущественных интересов, причем изначально имущественных интересов не авторов, а книготорговцев и издателей. Вопросы неимущественных прав авторов стали подниматься после признания за человеком неотчуждаемых естественных прав.

Выводы и заключения: объективные предпосылки становления института авторских прав неразрывно связаны не столько со свободой самовыражения человека в творчестве (наличие цензуры не являлось существенным препятствием для развития данного института), сколько с общественным признанием основных прав и свобод человека. Установленная историко-правовая связь авторского права с идеей естественных прав человека показала, что она имела определяющее значение в формировании концепции неотчуждаемых и непередаваемых личных неимущественных прав автора.

Ключевые слова: авторское право, естественные права человека, охрана авторских прав, неимущественные права автора, имущественные права автора, этическая составляющая авторского права, копирайт.

EVOLUTION OF THE COPYRIGHT INSTITUTION IN THE CONTEXT OF RECOGNITION NATURAL HUMAN RIGHTS

Introduction: the article examines the historical development of copyright in the context of the problems of individual freedom and natural human rights.

Materials and Methods: the main method that allowed us to consider the development of copyright over time was the historical and legal research method. General scientific methods were also used: dialectical method of cognition, system approach, induction, deduction, analogy, analysis, synthesis, etc.

Results of the Study: the paper critically examines the claim about the origin of copyright in connection with the invention of the printing press in the XV century. It was shown that copyright goes back to Antiquity, when the basic concepts of this legal institution and the first means of legal protection of non-property interests of authors appeared. However, the slave-owning formation hindered the full development of copyright as a complex of property and non-property rights.

The spread of printing in medieval Europe set the direction for the development of the Institute of copyright in the direction of ensuring property interests, and initially the property interests of booksellers and publishers, not authors. Questions of non-property rights of authors began to be raised after the recognition of inalienable natural rights for a person.

Findings and Conclusions: the Objective prerequisites for the establishment of the Institute of copyright are inextricably linked not so much with the freedom of human expression in creative work (the presence of censorship was not a significant obstacle to the development of this institution), but with the public recognition of basic human rights and freedoms. The established historical and legal connection of copyright with the idea of natural human rights has shown that it was of decisive importance in the formation of the concept of inalienable and non-transferable personal non-property rights of the author.

Key words: copyright, natural human rights, copyright protection, non-property rights of the author, property rights of the author, the ethical component of copyright, copyright.

Феномен авторства является неотъемлемой частью процесса творчества. Автор и его творение неразрывно связаны между собой, личность автора находит свое выражение в объекте творчества, а объект творчества отражает внутренний мир автора. Поэтому стремление к обозначению и признанию авторства за объектами интеллектуальной деятельности было во все времена исторического развития человека разумного. Даже на древних наскальных рисунках эпохи палеолита ученые обнаруживают своеобразные автографы первобытных авторов – отпечаток ладони, обведенной в круг (абрис). Очевидно, что необходимость защиты авторства возникла, когда произведения искусства могли быть недобросовестно присвоены, а с развитием цивилизации такая защита получила свое юридическое оформление.

Доктрина связывает возникновение авторского права с изобретением И. Гуттенбергом печатного станка в середине XV в. Считается, что поскольку до этого момента «произведение как нематериальный объект фактически не отделялось от материального объекта, в котором оно было воплощено, то для регулирования подобного рода отношений не требовалось создания иного, кроме права собственности, правового института» [1, с. 115].

Следует заметить, что в Китае, Корее, Японии книгопечатание существовало задолго до его появления в средневековой Европе. Древнейшей печатной книгой признается китайская ксилографическая копия буддийской Алмазной сутры, сделанная в 868 г. мастером Ван Цзе для всеобщего бесплатного распространения [3, с. 14]. Однако социально-экономические условия в Восточной Азии были таковы, что, несмотря на широкое распространение книгопечатания, общественные предпосылки для возникновения механизма защиты интересов авторов и книгоиздателей не созрели.

Изобретение книгопечатания в Европе относится к эпохе завершения борьбы между демократией и аристократией, расцвета гуманизма и начала невиданного роста художественного творчества [8]. Полагаем, что именно свобода самовыражения и раскрепощение личности явились истинными предпосылками развития авторского права. Само же изобретение печатного станка, сыгравшее, безусловно, огромную роль в эволюции авторских прав, можно назвать лишь причиной, импульсом, задавшим определенное направление развития данного правового института.

Говоря об исторических корнях авторского права, нельзя не упомянуть книгу Д. А. Братусь «Авторское право и Древний Рим: исторический фундамент этической концепции», в которой проводится глубокий анализ объективных и субъективных причин зарождения авторского права [1]. Д. А. Братусь приходит к выводу, что авторское право в современном его понимании не могло возникнуть до полного отмирания рабства и производных от него форм зависимости. Вместе с тем он напоминает, что авторское право обладает весомой этической составляющей, и эта составляющая является исторически первой.

Укрепившаяся в цивилистической науке точка зрения, что возникновение авторского права обусловлено появлением возможности тиражирования произведений промышленным типографским способом, позволяющим достаточно быстро их распространять среди широкого круга лиц [7], приводит к восприятию авторского права в первую очередь с прагматических позиций. Д. А. Братусь оспаривает экономическую доминанту авторского права, выдвигая на передний план незаслуженно забытые его этические первоосновы.

Как пишет Д. А. Братусь, изначально авторство поддерживалось именно этическими мерами. Для античного социума характерно общественное осуждение плагиата, а статус творца высоко ценился и был под защитой государства. С развитием цивилистического аппарата эта «социальная ценность, возникшая естественным путем» [1, с. 223], приобрела некоторые признаки правовой категории. Д. А. Братусь называет следующие прообразы авторского права в античной социальной системе:

- на философском уровне разрабатываются идеология креативной свободы и фундаментальные положения о естественных правах;
- в трудах философов и цивилистов также легально закрепляются базовые понятия: автор, произведение, экземпляр, плагиатор, литературная собственность, исполнение, представление и многие другие специальные термины;
- апробируются и активно совершенствуются в хозяйственной жизни договорные конструкции, нацеленные на создание и оборот творений, «резервирование» рынков сбыта книг и произведений искусства;
- в общественном сознании, в деловом обиходе и на государственном уровне утверждается мысль о важном экономическом, политическом, культурном значении творческого труда;
- получает распространение практика выплаты своеобразных «авторских вознаграждений»;
- формируется комплекс средств юридической защиты (например, иск, препятствующий посягательству на чужую славу, разновидность иска об оскорблении – *actio iniuriarum*);
- вырабатываются и совершенствуются санкции за бесчестное заимствование («плагиаторы» наказывались изгнанием);
- профессиональное сообщество и «общественная совесть» в целом всячески поощряют честное, добросовестное творчество и порицают любые проявления интеллектуального «пиратства» [1, с. 222–223].

Вместе с тем Д. А. Братусь признает, что античное авторское право не смогло полноценно развить свой потенциал и осталось слишком далеким от его современного понимания. Объяснение этому автор видит в социально-экономических условиях рабовладельческой формации. Большую часть авторов в Древнем Риме составляли подневольные лица: рабы, вольноотпущенники, латины-италийцы, паломники, дедитиции и т. п. За данными лицами в те времена просто не мог признаваться весь комплекс субъективных гражданских прав. Именно в рабовладельческой ментальности, по мнению Д. А. Братусь, заключается препятствие трансформации объективных предпосылок авторского права древности в полноценный юридический институт.

Важнейшим фактором становления и развития интеллектуальных прав Д. А. Братусь называет «раскрепощение человека – не только физическое (в смысле освобождения от оков рабства), но также юридическое, моральное и психологическое (через официальное и повсеместное утверждение идей автономии личности, свободы совести и творчества)» [1, с. 225]. С этим тезисом сложно не согласиться.

Установившаяся в Европе после изобретения печатного станка система выдачи исключительных привилегий не предполагала учета личных неимущественных интересов авторов произведений. Более того, данная система защищала в первую очередь издателя как инвестора, предоставляя ему монополию на производство копий произведения. Само же произведение рассматривалось не как нематериальный объект, а как рукопись, т.е. как вещь [5].

Ситуация стала меняться с ростом популярности идеи естественных прав человека и гражданина в XVIII в., провозгласившей присутствие ряда неотъемлемых прав от рождения. К таким правам было отнесено право собственности, в том числе право литературной собственности. Ключевую роль в становлении концепции естественного права собственности автора на произведение сыграли труды Дж. Локка «Два трактата о правлении» (1690 г.) и Э. Юнга «Размышления об оригинальном творчестве» (1759 г.), получившие широкий резонанс в европейских странах. С критикой данной теории выступал Ж. Кондорсе (1776 г.), доказывая, что идеи, выраженные в творениях авторов, не могут быть плодами лишь одиночного разума, поскольку их появление происходит в условиях, созданных обществом, т.е. по существу они социальны. Ж. Кондорсе предложил альтернативную теорию «социального утилитаризма», в соответствии с которой идеи должны нести прежде всего социальную, а не индивидуальную выгоду [4, с. 25].

Первый в истории закон об авторском праве, изданный в 1710 г. английской королевой Анной, в своем названии демонстрирует преобладание общественного интереса: «Закон о поощрении образования путем закрепления за авторами или приобретателями копий печатных книг прав на последние на устанавливаемое настоящим законом время». В дальнейшем естественно-правовые корни авторского права были окончательно отвергнуты английской правовой системой в связи с делом Дональдсона и Бэкета (1774 г.), в котором оспаривались положения закона 1710 г. [4, с. 26]. Таким образом англосаксонская правовая семья пришла к установлению ограниченных прав собственности на результаты творчества, закрепив позитивистскую природу авторского права. Естественным же, напротив, признавалось свободное использование нематериальных результатов интеллектуального труда, а законодательное регулирование в данной сфере рассматривалось как обеспечивающее баланс индивидуальных и общественных интересов.

Указанные принципы были заложены в основу Конституции США (1787 г.), п. 8 разд. 8 ст. 1 которой гласит, что Конгресс имеет силу «содействовать развитию наук и полезных ремесел, закрепляя на определенный срок за авторами и изобретателями исключительные права на принадлежащие им сочинения и открытия» [2, с. 30]. Принятый в 1790 г. американский закон об авторском праве (Copyright Act) так же, как и английский закон об авторском праве 1710 г., определил отношение к произведению как к товару, копирование которого запрещается в силу монопольных прав того или иного

издателя. Личность автора в системе «copyright» не принималась во внимание, что обусловило, во-первых, отсутствие института личных неимущественных прав и, во-вторых, признание за юридическими лицами возможности первоначального приобретения авторских прав.

Таким образом, изобретение книгопечатания, последовавшая за ним выдача привилегий в виде монаршей милости и сформированная в дальнейшем на этой основе англосаксонская система «copyright» не привели к появлению авторского права в его сущностном значении. Творческий характер, оригинальность произведения в данной системе не имеют принципиального значения, она приспособлена охранять и повторяемые объекты. Определяющим выступает факт вложения труда и инвестиций в интеллектуальный продукт, на отдачу от которых вправе рассчитывать правообладатель.

В континентальной Европе победила естественно-правовая аргументация, задавшая иное направление развития института авторских прав. Здесь акцент был смещен не на объект, а на субъект права. Право собственности на нематериальный результат творческой деятельности признавалось за автором в силу его естественного происхождения. Проблема индивидуализации нематериальных объектов была решена немецким философом И. Г. Фихте (1791 г.), разграничившим форму и содержание (идеи) произведения. По мнению И. Г. Фихте, даже « витающие в воздухе » идеи излагаются каждым автором по-своему, поэтому именно в оригинальной форме выражения мыслей заключается уникальность произведения. Такое понимание произведения стало определяющим для теории авторского права, установив неразрывность связи творения с неповторимой личностью автора. Из осознания невозможности прервать данную связь передачей прав на опубликование издателю или обнародованием последовало признание за автором неотчуждаемых личных неимущественных прав [5].

Вопрос личных неимущественных прав автора стал основным пунктом, противопоставляющим континентальное европейское авторское право и англосаксонский «copyright». И хотя охрана моральных интересов авторов, возникающих в связи с созданными научными, литературными или художественными трудами, была признана на международном уровне (ст. 6bis Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г.; п. 2 ст. 27 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.; п. 1 ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.), но до конца XX в. указание на личные неимущественные права в американских и английских нормативных актах отсутствовало. И даже после включения соответствующих норм в законодательство изменения природы англосаксонского права «copyright» не произошло, оно «по-прежнему остается экономически ориентированным, рассматривающим произведение в качестве ординарного имущественного блага» [5].

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что авторское право как правовой институт прошло длительный и противоречивый эволюционный путь. В Англии, когда были разработаны основные базовые понятия и первые средства юридической защиты авторства, авторское право не получило должного развития ввиду ограничений рабовладельческого строя, не позволяющего наделять имущественными правами авторов из числа рабов и иностранцев. Противоположная тенденция в эволюции авторского права возникла после распространения книгопечатания в

средневековой Европе, когда во главу был поставлен имущественный интерес, что объясняется происходящей в ту эпоху демократизацией общества и зарождением капиталистических отношений. Фундаментом, на котором смогли быть выстроены специфические юридические конструкции авторского права, касающиеся неотчуждаемых и непередаваемых личных неимущественных прав, явилась теория естественных прав человека. В этой связи можно сделать вывод, что объективные основания формирования авторского права как комплекса имущественных и неимущественных прав, неразрывно связаны с установлением базовых прав и свобод человека, признанием их естественно-правовой природы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Братусь Д.А. Авторское право и Древний Рим: исторический фундамент этической концепции / вступ. слово проф. Б.М. Гонгало. – М.: Статут, 2018. – 288 с.
2. Волынкина М. В. Концепция «Исключительных прав» и понятие «Интеллектуальной собственности» в гражданском праве // Журнал российского права. – 2007. – № 6 (126). – С. 29–35.
3. История книги: учебник для вузов / под ред. А.А. Говорова и Т.Г. Куприяновой. – М.: Мир книги, 1998. – 346 с.
4. Карташева А.А. Философские предпосылки континентальной и англо-американской системы авторского права // Философия права. – 2012. – № 3 (52). – С. 23–26.
5. Кашанин А.В. Развитие взглядов на соотношение личных неимущественных и имущественных прав автора в континентальной доктрине авторского права // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://publications.hse.ru/articles/63908092> (дата обращения 11.06.2020).
6. Макаренко А.И. Проблемы определения объекта авторского права на этапе его становления в зарубежных странах // Общество и право. – 2011. – № 2 (34). – С. 114–118.
7. Полянская Е.М., Кадовбенко В.Д. История возникновения и развития авторского права в Российской Федерации и в зарубежных странах // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – № 4 – С. 115–122.
8. Самойленко Е.В., Нуркеев А. Изобретение, положившее конец средневековью // Репозиторий СКГУ. URL: <http://repository.nkzu.kz/5284/1/Изобретение%20положившее%20конец%20средневековью.pdf> (дата обращения 14.06.2020).

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bratus D. A. Copyright and Ancient Rome: the historical Foundation of the ethical concept / Intro. prof. B. M. Gongalo. – Moscow: Statute, 2018. – 288 p.
2. Volynkina M. V. the Concept of "Exclusive rights" and the concept of "Intellectual property" in civil law // Journal of Russian law. – 2007. – № 6 (126). – P. 29–35.
3. History of the book: textbook for universities / Ed. by A. A. Govorov and T. G. Kupriyanova. – Moscow: World of books, 1998. – 346 p.
4. Kartasheva A. A. Philosophical prerequisites of the continental and Anglo-American copyright system // Philosophy of law. – 2012. – № 3 (52). – P. 23–26.

5. Kashanin A.V. Development of views on the ratio of personal non–property and property rights of the author in the continental doctrine of copyright // National research University “Higher school of Economics”. URL: <https://publications.hse.ru/articles/63908092> (accessed 11.06.2020).

6. Makarenko A. I. Problems of determining the object of copyright at the stage of its formation in foreign countries // Society and the law. – 2011. – № 2 (34). – P. 114–118.

7. Polyanskaya E. M., Kadovbenko V. D. History of the origin and development of copyright in the Russian Federation and in foreign countries // Legal Bulletin of Samara University. – 2018. – № 4 – P. 115–122.

8. Samoylenko E. V., Nurkeev A. The invention that put an end to the middle ages // Repository of NKSU. URL: <http://repository.nkzu.kz/5284/1/Invention%20position%20concept%20crednevekovyu.pdf> (accessed 24.06.2020).

УДК 340.1

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-17-23

Егоров Александр Александрович

преподаватель кафедры теории государства
и права Московского государственного
юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
кандидат юридических наук
E-mail: Egorov.a90@mail.ru

Egorov Alexander Alexandrovich

Lecturer at the of Theory
of State and Law Department of the
Moscow State Law University named
after O. Kutafin (MSLA)
Candidate of Law,
E-mail: Egorov.a90@mail.ru

ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО И СЕМЕЙНОГО ПРАВА В ТРУДАХ С.Е. ДЕСНИЦКОГО

Введение: в статье обосновывается необходимость изучения фундаментальных основ юридической науки в контексте обращения к политико-правовому наследию отечественных просветителей второй половины XVIII в. посредством анализа общественно-политического строя нашего государства, а также степени развитости гражданского законодательства и науки гражданского права. В контексте гражданско-правовых воззрений первого русского профессора права С.Е. Десницкого анализируются право собственности как необходимое условие образования государства, правомочия собственника, виды вещей на основе критерия их свободы в гражданском обороте, обязательства и гражданско-правовые деликты. В рамках прообраза семейного права исследуются вопросы равенства в правах мужчин и женщин, добровольность вступления в брак соразмерных по возрасту лиц, а также правовой статус родителей и детей, включая свободу завещательного распоряжения.

Материалы и методы: эмпирическую основу исследования образуют первоисточники в виде трудов самого С.Е. Десницкого. Методологической основой исследования послужили диалектический, историко-правовой, структурно-правовой и формально-юридический методы.

Результаты исследования позволили уточнить ряд положений теории гражданского и семейного права С.Е. Десницкого, раскрыть их содержание и практическое значение.

Выводы и заключения: проанализированы неотъемлемый характер права собственности, виды правомочий собственника, классификация вещей на виды, гражданско-правовые деликты, правовая природа брака, правовой статус родителей и детей.

Ключевые слова: гражданское право, семейное право, право собственности, правомочия собственника, обязательства, гражданско-правовые деликты, брак.

ISSUES OF CIVIL AND FAMILY LAW IN THE WORKS OF S. E. DESNITSKY

Introduction: in the article, the author justifies the need to study the fundamental foundations of legal science in the context of addressing the political and legal heritage of domestic educators of the second half of the XVIII century by analyzing the socio-political system of our state, as well as the degree of development of civil legislation and the science of civil law. In the context of the civil law views of the first Russian Professor of Law, S. E. Desnitsky analyzes the right of ownership as a necessary condition for the formation of the state, the rights of the owner, the types of things based on the criterion of their freedom in civil turnover, obligations and civil law torts. The prototype of family law examines issues of equality in the rights of men and women, the voluntary marriage of persons of equal age, as well as the legal status of parents and children, including the freedom of testamentary disposition. In conclusion, the author substantiates the significance of S. E. Desnitsky's views on civil and family law.

Materials and Methods: the empirical basis of the research is formed by primary sources in the form of the works of S. E. Desnitsky himself. The research is based on dialectical, historical-legal, structural-legal and formal-legal methods.

Results of the Study: allowed us to clarify a number of provisions of the theory of civil and family law of S. E. Desnitsky, to reveal their content and practical significance.

Findings and Conclusions: the author analyzes the inherent nature of property rights, the types of rights of the owner, the classification of things into types, civil torts, the legal nature of marriage, the legal status of parents and children.

Key words: civil law, family law, property rights, rights of the owner, obligations, civil torts, marriage.

Прошлое не исчезает, а продолжает жить в накопленном социальном опыте, будучи диалектически взаимосвязано с настоящим. В этом смысле интерес к исследованию любых аспектов отечественной истории учений о праве и государстве не ограничивается сугубо познавательным аспектом. Очевидно, что любое реформирование жизни общества, включая государственно-правовое строительство, основывается на соответствующем теоретико-правовом базисе и представляет собой логический переход от прошлого к будущему через призму современности.

В современных условиях наблюдаемых видоизменений российского государства в целом, и его правовой материи, в частности, актуализируется интерес к фундаментальным основам юридической науки, в том числе к теоретико-правовому осмыслению отраслей гражданского и семейного права, их пониманию. Указанное обстоятельство обуславливает и инициирует повышение научного интереса к исследованию исторических особенностей становления и развития теоретико-правового осмысления цивилистики, к наследию отечественной юридической мысли в области организационных основ ее осуществления и правовых гарантий ее участников. В данном случае следует

обратиться к наследию одного из крупнейших представителей отечественного просвещения второй половины XVIII в. Семена Ефимовича Десницкого (1740–1789). Этот выбор представляет собой не просто дань уважения выдающемуся ученому. Период его творческой и общественно-политической деятельности стал отправной точкой для становления в нашей стране правовой науки и подготовки юристов в системе образования. С.Е. Десницкий одним из первых закончил юридический факультет Императорского Московского университета, преподавал там, проходил обучение в Глазго, став несколько позднее первым русским профессором права [2, с. 9–41]. Именно активное изучение права во второй половине XVIII в. способствовало тому, что XIX столетие вошло в российскую историю как «юридический век». Предвосхищая непосредственное обращение к доктринальному наследию С.Е. Десницкого, необходимо хотя бы самым общим образом охарактеризовать реальную политическую ситуацию, сложившуюся в Российской империи во второй половине XVIII в., показать причинно-следственную связь между условиями жизни населения и предложенными идеями в области гражданского и семейного права.

Основная масса населения была лишена имущественных прав, представляла собой объекты права собственности помещиков. Неудивительно, а, напротив, показательным, что прогрессивно мыслящие члены общества ратовали за законодательное закрепление прав зависимого населения, наделяя его землей и личными свободами. Разумеется, представители господствующего дворянства были категорически против проведения в жизнь этих ценностно-мировоззренческих установок. По справедливому замечанию П.С. Грацианского, вторая половина XVIII в. была ознаменована непримиримой идеологической борьбой между апологетами старых феодальных порядков и прогрессивно мыслящими, наиболее образованными членами русского общества [3, с. 6]. Представляется, что именно неприятие передовых юридических установок сторонниками феодально-крепостнического строя обусловило и практически полную неразвитость гражданского законодательства и науки гражданского права в стране. Изменившиеся общественные отношения по-прежнему регламентировались нормами Уложения царя Алексея Михайловича, гражданское право не преподавалось в учебных заведениях, не выступало объектом научных исследований и, следовательно, не нашло своего письменного выражения. Именно в таких конкретно-исторических условиях С.Е. Десницкий предложил проект своих воззрений по вопросам гражданского и семейного права. Представляется, что именно контекстом формирования его гражданско-правовой доктрины обусловлена особая ценность прогрессивных идей.

Как справедливо отмечает С.А. Покровский, гражданско-правовые взгляды С.Е. Десницкого основывались на буржуазной идеологии и имели антифеодальный характер, который выражался в протесте против любого ограничения частной собственности и феодальных привилегий, а также в признании вещей единственными объектами права собственности [10, с. 117]. Стремление экстраполировать эти прогрессивные идеи на условия жизни общества натолкнулось на уже упомянутые несовершенства социального строя, гражданского законодательства и доктринальной юридической мысли. Указанные обстоятельства предопределили отсутствие в трудах С.Е. Десницкого стройной системы гражданского права, ее казуистический характер,

нашедший свое выражение в своеобразном синкретизме, когда гражданско-правовые отношения рассматривались вкуче с вопросами государственного, уголовного и процессуального права. Тем не менее нужно понимать, что это был первый научный опыт осмысления вопросов гражданского и семейного права. С.Е. Десницкий не имел объективной возможности опираться на доктринальные наработки, апробированный опыт своих предшественников. Исходным пунктом его гражданско-правовой доктрины следует признать неотъемлемое для каждого человека право собственности.

«Человек, – писал он, – имеет природные права пользоваться беспрепятственно своею жизнью, здоровьем, честью и собственностью имения» [5, с. 261]. Прогрессивный характер этого постулата видится в особенностях правового положения помещичьих крестьян в условиях крепостничества: они были лишены возможности владеть не только землей, но и движимым имуществом, представляя собой объекты собственности своих помещиков. Как уже было отмечено, первый русский профессор права единственным объектом права собственности признавал вещи.

С.Е. Десницкий выделял две категории вещей: изъятые из гражданского оборота и находящиеся в этом обороте [5, с. 261]. К первым он относил вещи, которыми можно обладать по «праву божьему» (храмы, церковная утварь), а также «общие» вещи (воздух, вода, животные). Представляется, что данная классификация была направлена против практики абсолютистского государства произвольно изымать частную собственность.

Что же касается вещей, находящихся в свободном обороте, их С.Е. Десницкий делил на «компанейские», т.е. общественные (заводы и фабрики), а также на движимые и недвижимые, находящиеся в частной собственности. Таким образом, в свободном обороте могут находиться как вещи, приносящие пользу всему обществу, так и имущество, направленное на удовлетворение потребностей частных лиц. Помимо вещных прав, С.Е. Десницкому были известны и права обязательственные.

Рассматривая правовую природу происхождения обязательств, С.Е. Десницкий писал: «...рождаются от договоров и преступлений человеческих и от сего третьего и последнего предмета законов происходит разделение прав персональных на договоры и аки договоры, на преступления и аки преступления, коих, равномерно как и принадлежащих к ним челобитен, подробное истолкование составляет последнюю часть законоучения» [5, с. 262]. При всей неоднозначности положений, выдвинутых С.Е. Десницким, они представляют собой шаг вперед в развитии отечественной цивилистики. Кроме того, первый русский профессор права сформулировал представление о правомочиях собственника.

По его мнению, факт обладания вещью позволяет собственнику ее употреблять, отчуждать и взыскивать [7, с. 228]. Как видим, категории «использования» и «отчуждения» достаточно четко сформулированы. Однако вместо «владения» упоминается «взыскание». Возможно ученый полагал, что пользование вещью включает в себя и момент владения ею, так как не может без него осуществляться. По справедливому утверждению Н.А. Балабановой, С.Е. Десницкий ратовал за исторический подход в изучении возникновения и развития государственно-правовых явлений [1, с. 9]. В контексте возникновения и развития права собственности он выделял следующие со-

стояния общества: «дикое» (охота и собирательство), «пастушеское» (появление первых представлений о собственности), «хлебопашественное» (возникновение частной собственности на землю) и «коммерческое» (право частной собственности получает свое наиболее полное определение) [9, с. 246–258]. Как видим, единственным источником собственности С.Е. Десницкий считал труд в его различных формах. Выражая трудовую теорию собственности, С.Е. Десницкий считал ее основой любого общественного строя и закреплял гарантии ее государственной защиты.

Государство «по всей строгости прав» обеспечивает незыблемость института частной собственности на основе принципа: «что собственно мое, больше уже ничье, и я имею право взыскивать оное от целого света, и могу употреблять собственное по произволению и мстить всякому за похищение оногo» [6, с. 195]. Таким образом, просветитель вплотную подводит нас к мысли о феномене гражданского правонарушения.

С.Е. Десницкий классифицирует гражданские правонарушения на совершаемые с умыслом деликты и «маловажные обиды», когда ущерб проистекает вследствие неосторожности [4, с. 116]. В последнем случае речь идет о ситуациях неумышленной порчи позаимствованной лошади или случайной порчи чужой пашни своим скотом. Несмотря на самый общий вид предложенной градации, нельзя не отметить, что первый русский профессор права четко осознавал форму вины в гражданско-правовых деликтах. Наконец, следует обратиться к некоему прообразу семейного права, проблематика которого также разрабатывалась С.Е. Десницким.

Просветитель полагал, что «душевные женского пола дарования и качества» мужским «нимало» не уступают [8, с. 224]. Декларируя необходимость освобождения женщины от неограниченной власти мужа, С.Е. Десницкий выступал противником феодальных прав, обычаев и традиций, ратовал за экономическую независимость женщин. Более того, первый русский профессор права выступал за безусловную добровольность вступления в брак, а также учет возрастов и степени родства брачующихся. Союз мужчины и женщины, по его мнению, должен иметь моногамный характер и нести в себе социальную значимость, состоящую в рождении и воспитании детей. Отдельно следует остановиться на правовом статусе детей.

С.Е. Десницкий отстаивал не только обязанность родителей содержать своих детей, но и обязанность детей почитать и содержать своих престарелых родителей. «Законно приказуется, – писал он, – родителям кормить и воспитывать детей, равномерно, как и детям почитать и содержать при старости своих родителей в воздаяние за их попечение о себе в малолетстве» [6, с. 200]. Закрепляя взаимные права и обязанности родителей и детей, С.Е. Десницкий не сформулировал четкого представления о наследовании имущества. Он ограничился осознанием необходимости свободы завещательного распоряжения при одновременном запрете неправомерного лишения наследства.

Таким образом, С.Е. Десницкий в вопросы гражданского и семейного права вкладывал антифеодальную природу, руководствуясь передовыми буржуазными идеями. Разумеется, в контексте сегодняшнего дня его идеи кажутся незавершенными и не слишком структурированными. Вместе с тем необходимо понимать, что это был

первый серьезный научный опыт осмысления вопросов цивилистики, который для развития отечественной юриспруденции имеет несомненное значение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Балабанова Н.А. Государственно-правовые воззрения С.Е. Десницкого: дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2006. – 148 с.
2. Грацианский П.С. Десницкий. – М.: Юрид. лит., 1979. – 112 с.
3. Грацианский П.С. Политические и правовые взгляды С.Е. Десницкого: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1964. – 18 с.
4. Десницкий С.Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Юридические произведения русских прогрессивных мыслителей. Вторая половина VIII века / под общ. ред. С.А. Покровского. – М.: Госюриздат. 1959. – Т. 1. – С. 99–142.
5. Десницкий С.Е. Примечания к переводу книги Блэкстона «Истолкование аглинских законов» // Юридические произведения русских прогрессивных мыслителей. Вторая половина VIII века. – Т. 1. – С. 259–264.
6. Десницкий С.Е. Слово о причинах смертных казней по делам криминальным // Юридические произведения русских прогрессивных мыслителей. Вторая половина VIII века. – Т. 1. – С. 186–200.
7. Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства и о надобном возобновлении оногo в государственных высокопривилегированных училищах // Юридические произведения русских прогрессивных мыслителей. Вторая половина VIII века. – Т. 1. – С. 225–239.
8. Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оно приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими // Юридические произведения русских прогрессивных мыслителей. Вторая половина VIII века. – Т. 1. – С. 215–224.
9. Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежития // Юридические произведения русских прогрессивных мыслителей. Вторая половина VIII века. – Т. 1. – С. 242–258.
10. Покровский С.А. Политические и правовые взгляды С.Е. Десницкого. – М.: Госюриздат, 1955. – 167 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Balabanova N. A. State-legal views of S. E. Desnitsky: dis. ... cand. the faculty of law. Sciences. – Vladimir, 2006. – 148 p.
2. Graziansky P. S. Desnitsky. – M.: Yurid. lit., 1979. – 112 p.
3. Graziansky P. S. Political and legal views of S. E. Desnitsky: autoref. dis. ... Cand. the faculty of law. Sciences. – M., 1964. – 18 s.

4. Desnitsky S. E. The Idea of the establishment of legislative, judicial and punitive power in the Russian Empire // Legal works of Russian progressive thinkers. Second half of the VIII century. Under the General editorship Of S. A. Pokrovsky. – Vol. 1. – М.: Gosyurizdat, 1959. – P. 99–142.

5. Desnitsky S. E. Notes to the translation of the book of Blackstone " interpretation of English laws // Legal works of Russian progressive thinkers. Second half of the VIII century. – Vol. 1. – P. 259–264.

6. Desnitsky S. E. Slovo o prichinakh death penalty cases criminal // Legal works of Russian progressive thinkers. Second half of the VIII century. – Vol. 1. – P. 186–200.

7. Desnitsky S. E. Legal reasoning about the benefits of knowledge of domestic law and the need to renew it in the state highly patronized schools // Legal works of Russian progressive thinkers. Second half of the VIII century. – Vol. 1. – P. 225–239.

8. Desnitsky S.E. Legal reasoning about the beginning and origin of marriage among the original peoples and about the perfection to which it seems to be brought by the following peoples enlightened // Legal works of Russian progressive thinkers. Second half of the VIII century. – Vol. 1. – P. 215–224.

9. Desnitsky S. E. Legal reasoning about different concepts, what have peoples about property estates in various States of co-habitation // Legal works of Russian progressive thinkers. Second half of the VIII century. – Vol. 1. – P. 242–258.

10. Pokrovsky S. A. Political and legal views of S. E. Desnitsky. – М.: Gosyurizdat, 1955. – 167 p.

УДК 630*93(571.15)

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-24-37

Тяпкин Михаил Олегович
начальник кафедры теории
и истории права и государства
Барнаульского юридического
института МВД России
доктор исторических наук,
доцент
E-mail: tyapkin@rambler.ru

Tyapkin Mikhail Olegovich
Head of the Theory and History of Law and
State Department of the Barnaul Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Rus-
sian Federation
Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor
E-mail: tyapkin@rambler.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ «НАКАЗА ЛЕСНОЙ СТРАЖЕ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА» (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Введение: в статье анализируются три редакции «Наказа лесной страже Алтайского округа», являвшегося основным нормативным документом регионального масштаба, регламентировавшим все направления деятельности лесной стражи Алтайского округа в конце XIX – начале XX в.

Материалы и методы: правовой основой исследования является «Наказ лесной страже Алтайского округа», который в течение рассматриваемого периода имел три редакции (1897, 1909 и 1912 гг.). Методологической основой являются всеобщие (философские), общенаучные (анализ и синтез) и специальные (историко-правовой, сравнительно-правовой, историко-генетический) методы.

Результаты исследования: проанализировано содержание «Наказа лесной страже», показаны основные отличия каждой последующей редакции от предыдущей, определены направления развития системы правового регулирования деятельности лесной стражи в Алтайском округе на протяжении нескольких десятилетий в конце XIX – начале XX в.

Выводы и заключения: функционированию лесной стражи в Алтайском округе в конце XIX–начале XX в. уделялось большое внимание, поскольку она являлась основным инструментом реализации лесной политики. Модернизация лесной отрасли предполагала увеличение требований к организации и осуществлению деятельности лесной стражи, что находило отражение в совершенствовании правовых норм. «Наказ лесной страже» представлял собой должностную инструкцию, содержание которой расширялось по мере совершенствования в Алтайском округе системы лесопользования, лесоохраны и лесопользования. Наиболее удачной по структуре и содержанию стала третья редакция наказа, утвержденная в 1912 г.

Ключевые слова: лесная стража, лесной объездчик, Алтайский округ, «Наказ лесной страже», лесное хозяйство.

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE «ORDER TO THE FOREST GUARD OF THE ALTAI DISTRICT» (LATE XIX – EARLY XX CENTURY)

Introduction: The author analyzes three editions of the «Order to the forest guard of the Altai district», which was the basic regional regulative document and specified all directions of activity of the forest guard in this area in the late 19th – early 20th centuries.

Materials and Methods: the legal basis of the study is the "Order to the forest guard of the Altai district", which had been exposed to review three times: in 1897, 1909 and 1912. The methodological basis of the paper is a combination of general scientific logical methods (analysis, synthesis) and special methods (historical-legal, historical-comparative, comparative-legal, historical-genetic).

Results of the Study: the author analyzes the content of the "Order to the forest guard", shows substantial features of each edition, and determines the vectors of the development of the juridical regulation system of the forest guard activities in the Altai district at the end of the XIX - beginning of the XX centuries.

Findings and Conclusions: Forest guard activities were paid a lot of attention in the Altai district in the late 19th – early 20th centuries because of its important role as the main instrument of forest policy implementation. The modernization of the forestry increased requirements for the organization of the forest guard activities that has been reflected in the improvement of juridical norms. "Order to the forest guard" was a staff guide, which content expanded as the system of management, protection and use of forest was improved. The third edition of the "Order" in 1912 was the best both in the content and the structure.

Key words: forest guard, forest ranger, Altai district, «Order to the forest guard», forestry.

При характеристике истории развития лесного хозяйства в масштабах страны или отдельных ее регионов нельзя обойти стороной вопрос о развитии системы нормативного регулирования лесных отношений. В своих работах мы уже отмечали, что в Алтайском округе в конце XIX – начале XX в. действовали специальные «Правила по лесной части», регулировавшие важнейшие лесные отношения, дополнявшие, расширявшие и фактически заменявшие в региональном масштабе Лесной устав [1]. В рамках этой статьи мы хотели бы подвергнуть историко-правовому анализу одну из разновидностей локальных нормативно-правовых актов, регулировавших деятельность нижнего звена системы охраны лесов – лесной стражи. Речь идет о «Наказе лесной страже Алтайского округа».

Такая форма нормативных актов, как наказ довольно широко использовалась в дореволюционной законодательной практике. В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона наказом назывался «закон, определяющий порядок деятельности тех или других органов управления» или такой документ, который издается высшими должностными лицами «для руководства подчиненных им мест и лиц при применении закона» [2, с. 484]. Применительно к рассматриваемой теме более близким по смыслу является второе определение. Исходя из него, под наказом, на

наш взгляд, можно понимать должностную инструкцию или регламент, который разрабатывался в деперсонифицированном виде, носил универсальный характер и адресовался лицу (группе лиц), несшему службу на постоянной профессиональной основе. Наказы могли издаваться ведомствами и даже частными лицами. Издание наказов было обусловлено желанием начальника (учреждения, ведомства, владельца) дать своим подчиненным краткое, но внятное руководство в служебных вопросах.

Поскольку по форме и содержанию указы лесной страже представляли собой должностную инструкцию, предполагалось, что они должны быть всегда «под рукой», поэтому печатались отдельными брошюрами карманного формата. Экземпляр указа являлся обязательным служебным атрибутом, выдававшимся представителям лесной стражи наряду с оружием, должностными знаками различия и форменным обмундированием. Проверка деятельности лесной стражи со стороны начальников и контролеров подразумевала, помимо прочего, проверку наличия у служащих карманного экземпляра указа.

Указы, действовавшие на территории Алтайского округа ведомства Кабинета его императорского величества (далее – Кабинет), отличались по структуре и содержанию от таковых же документов, регламентирующих деятельность казенной лесной стражи. Специфика определялась, прежде всего, особенностями ведомственной принадлежности и нормативно-правовой основой функционирования лесного хозяйства в Алтайском округе. Указы лесной страже Алтайского округа являлись самостоятельными локальными нормативными актами, тогда как «Указ лесному объездчику (и леснику) при казенных лесах» нужно, на наш взгляд, рассматривать как составную и неотъемлемую часть Положения о казенной лесной страже 1869 г. Каждый раз после очередной модернизации системы правового регулирования лесных отношений, выразившейся в принятии новой редакции «Правил по лесной части Алтайского округа», кабинетской администрацией разрабатывался и утверждался новый Указ лесной страже, конкретизировавший некоторые положения Правил в части определения правового статуса служащих лесной стражи и принципов организации и осуществления служебной деятельности объездчиков. В свою очередь Указ казенной лесной страже 1869 г. оставался без изменений на протяжении всего дореволюционного периода, даже после принятия новых Лесных уставов.

Регламентации деятельности лесной стражи в Алтайском округе в конце XIX – начале XX в. уделялось особое внимание, что обуславливалось задачами, стоявшими перед всей системой лесоуправления и отдельными ее звеньями. После проведения в округе в 1896 г. административно-хозяйственной реформы была видоизменена схема управления земельно-лесным хозяйством. Кабинетская администрация взяла курс на коммерциализацию лесной отрасли, пытаясь найти наиболее приемлемый вариант эксплуатации лесных ресурсов. Однако реализация нового курса была затруднена тем, что между окружной администрацией и населением в сфере лесопользования существовала, по верному выражению Т.Н. Соболевой, «многолетняя конфронтация» [3, с. 75]. В конце XIX – начале XX в. к лесной страже стали предъявляться более высокие требования, поскольку от ее лояльности и профессионализма во многом зависела успешность реализации определенного Кабинетом направления развития лесной отрасли. Расходы на содержание лесной стражи были очень велики и в отдельных

имениях превышали половину доходов, получаемых от эксплуатации лесных и земельных ресурсов¹.

Первый «Наказ лесной страже Алтайского округа» был так же, как и «Правила по лесной части», утвержден управляющим Кабинетом. Произошло это 22 сентября 1897 г., т.е. спустя ровно пять месяцев после утверждения Правил [4]. Наказ 1897 г. состоял из шести глав («Права, обязанности и ответственность», «Порядок дозволенных заготовок леса», «Наблюдение за пастьбой скота», «Наблюдение за охотой в лесах», «Охранение лесов от пожаров», «Преследование самовольных порубок»), включавших в себя 65 параграфов. В тексте Наказа довольно часто встречаются нормы, отсылающие к тому или иному параграфу действующей редакции Правил по лесной части.

Первая глава «Права, обязанности и ответственность» состояла из 24 параграфов, в которых содержалась характеристика служебного статуса представителей лесной стражи Алтайского округа (§ 1–24). К лесной страже относились старшие и младшие объездчики, лесные смотрители и сторожа. Должностная категория «алтайских» объездчиков не была однородной. Они были разделены на две категории: объездчиков старшего и младшего окладов (объездчики младшего оклада получали месячное жалование в размере 15 руб., старшего – 20 руб.).

В Алтайском округе не использовалась традиционная для казенного лесного хозяйства схема, при которой низшим должностным лицом был лесник, а объездчик являлся начальником по отношению к нескольким лесникам. Само наименование должности «объездчик» предполагало, что он несет службу на лошади, поскольку в его ведении находилась обширная территория. Вероятно, именно по этой причине в Алтайском округе было принято решение не вводить должности пеших лесников, но сделать всю лесную стражу для повышения эффективности ее деятельности конной. Так, § 16 Наказа 1897 г. устанавливал, что объездчик должен был иметь как минимум одну лошадь, содержать ее за свой счет, осматривать вверенный ему участок преимущественно верхом и ни в коем случае не в телеге.

Еще одной ведомственной особенностью было наличие в округе должности лесного смотрителя, близкой по объему служебных полномочий к должности кондуктора в казенных лесах, но отнесенная к лесной страже. В Наказе не содержалось норм, прямо относившихся к этой должностной категории, зато они были в Правилах 1897 г. В соответствии с § 171 Правил смотрители назначались в наиболее удаленные от мест проживания помощников управляющих имениями участки (надзоры) для «ближайшего заведования» ими.

Наказ 1897 г. также содержал подробный перечень должностных обязанностей объездчика (§ 11). В частности, объездчики были обязаны четко знать границы своих объездов, охранять вверенные им лесные участки от пожаров, самовольных порубок и иных несанкционированных видов лесопользования (пастьба скота, заготовка сена, охота и т.п.), а также следить за появлением насекомых-вредителей. Кроме того, объездчики должны были по поручению лесной администрации выполнять разного рода лесные работы (клеймение деревьев, исправление межевых знаков, починка оград, сбор семян, лесопосадки), а также участвовать в освидетельствовании заготовленных

¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 153. Оп. 1. Д. 1. Л. 166.

в законном порядке лесоматериалов. Несмотря на ряд отличий организационного характера, лесная стража Алтайского округа имела схожий объем должностных прав и обязанностей, а также на равных основаниях с казенными лесниками и объездчиками несла ответственность за совершение должностных правонарушений.

Режим рабочего времени объездчиков был определен как ежедневный с оговоркой о том, что в течение недели объездчик должен был побывать во всех частях вверенной ему территории, усиливая надзор там, где возможно совершение самовольного лесопользования и иных нарушений. Без крайней необходимости объездчикам не разрешалось отлучаться из своих объездов, поэтому со своими непосредственными начальниками (помощниками управляющих имениями) они сносились путем подготовки письменных донесений, которые передавались путем своеобразной «эстафеты» от одного объездчика к другому, пока не достигали адресата. В Наказе отдельно оговаривалось, что донесения могли составляться в свободной форме без соблюдения каких-либо правил делопроизводства.

После описания должностных прав, обязанностей и общей характеристики порядка несения службы в Наказе шли конкретные указания по отдельным направлениям служебной деятельности лесной стражи.

Вторая глава «Порядок дозволенных заготовок леса» (§ 25–30) состояла из шести параграфов, в которых описывался порядок действий объездчика при осуществлении заготовителями законного лесопользования. Перед началом лесозаготовок объездчик должен был удостовериться в том, что все необходимые разрешительные документы у лесопользователя оформлены верно и не содержат противоречащих друг другу данных. Разрешив заготовку древесины, объездчик должен был наблюдать за тем, чтобы она осуществлялась в границах отведенной деляны, чтобы рубились только намеченные деревья (заклейменные или пронумерованные), чтобы не было переруба по количеству и сортаментам. После того как деревья были срублены, объездчик обязан проследить за их правильной укладкой в отведенных местах, и не мог разрешить вывозку древесины прежде ее освидетельствования помощником управляющего имением. После вывозки древесины с места заготовки объездчик обязан удостовериться в том, что покупатель убрал порубочные остатки, если это было предусмотрено договором.

Обязанности объездчиков по контролю за иными видами лесопользования определялись третьей и четвертой главами Наказа: «Наблюдение за пастьбой скота» (§ 31–38), «Наблюдение за охотой в лесах» (§ 39–43), соответственно. Смысл требований сводился к недопущению самовольного выпаса скота в недозволенных для этого местах или во внеурочное время, нарушений правил охоты и составлению по фактам потрав или самовольной охоты соответствующих актов и протоколов.

Пятая глава «Охранение лесов от пожаров» (§ 44–50) предписывала объездчикам строго следить за соблюдением всех противопожарных правил, действовавших в Томской губернии (в ее состав входил Алтайский округ), запретов на выжигание в лесах полей и раскладывание огня на расстоянии менее двух сажен (около 4 м) от леса, «мостов, огорожи, строений или собранного хлеба и сена» (§ 45). Другие параграфы пятой главы определяли порядок действий объездчиков при обнаружении лесного пожара, а также его тушении в зависимости от вида (низовой, верховой и торфяной).

Среди глав, содержащих перечень должностных обязанностей по конкретным направлениям деятельности объездчиков, самой объемной являлась последняя седьмая глава «Преследование самовольных порубок», состоявшая из четырнадцати параграфов (§ 51–65). В главе в отличие от предыдущих речь шла не только о лесоводческой, но и о административно-полицейской составляющей службы объездчиков. В частности, объездчик имел право при обнаружении лесонарушений изымать орудия преступления, скот и т.п., а самого подозреваемого задерживать и доставлять в ближайшее полицейское или сельское управление. Поскольку объездчикам предоставлялось право на постоянное ношение огнестрельного оружия, оговаривался порядок его применения, в том числе при задержании самовольных порубщиков, если возникала прямая угроза жизни и здоровью представителя лесной стражи. За необоснованное применение оружия, повлекшее за собой ранение или гибель человека, объездчики несли уголовную ответственность в общем порядке на основании Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

Самовольно заготовленные лесоматериалы, оставшиеся в пределах лесной дачи, объездчик был обязан конфисковать и охранять. Если же древесина была увезена, ее изъятие осуществлялось при содействии полиции и сельских властей. Отдельно оговаривалось, что объездчики не имели права без сотрудников полиции проникать в жилища лиц, подозреваемых в самовольной порубке леса (§ 57).

Порядку составления протокола о выявленном лесонарушении было посвящено несколько параграфов (§ 58–61). Процедура составления протокола была регламентирована довольно подробно, поскольку только правильно и без нарушений составленный протокол мог гарантировать быстрое прохождение всех досудебных процедур и принятие положительного судебного решения.

Таким образом, первый в своем роде «Наказ лесной страже Алтайского округа», принятый в 1897 г., отразил изменения, произошедшие в организации лесного хозяйства и затронувшие, в том числе, его низовой уровень – лесную стражу. Этот документ нельзя назвать совершенным ни по структуре, ни по содержанию. Целый ряд важных вопросов служебной деятельности объездчиков был попросту «выведен за рамки» Наказа. Новая система организации лесной службы в Алтайском округе находилась в состоянии поиска оптимальной модели функционирования, поэтому требовать совершенства от первого Наказа не приходится.

Дальнейшее развитие земельно-лесного хозяйства в Алтайском округе в начале XX в., а также опыт борьбы с массовыми самовольными порубками в период Первой русской революции заставили кабинетскую администрацию принять энергичные меры по реорганизации отрасли, прежде всего, в лесоохранной сфере. В августе 1908 г. были утверждены новые «Правила по лесной части Алтайского округа», а в сентябре 1909 г. «Наказ лесной страже Алтайского округа» [5].

Наказ 1909 г. состоял из 10 глав, содержащих в себе 86 параграфов. «Правила по лесной части» 1908 г. по сравнению с предыдущей редакцией 1897 г. были сокращены, но объем Наказа 1909 г. увеличился. Если в случае с Правилами уменьшение объема произошло за счет исключения из них ряда сугубо хозяйственных вопросов и переноса их в специально подготовленную «Инструкцию по лесной части», то Наказ, напротив, включил в себя ряд правовых новелл, а уже действовавшие нормы были доработаны и уточнены. В частности, были добавлены главы «Обязанности чинов

лесной стражи в отношении общественной безопасности», «Правила поведения», «Случаи, при которых объездчик употребляет оружие», «О подчиненности и обязанностях стражи в отношении лиц, инспектирующих их, ревизующих и контролирующих объезды». Вероятно, этим можно объяснить то, что подготовка Наказа затянулась и он был принят спустя год после утверждения «Правил по лесной части».

В первой главе Наказа «Права, обязанности и ответственность» (§ 1–27) было уточнено, что постоянной лесной стражей считались только старшие и младшие объездчики. К категории временной лесной стражи были отнесены также объездчики, нанимаемые для «усиления охраны от самовольных порубок и лесных пожаров», хозяйственные смотрители и нарядчики по хозяйственным заготовкам леса (§ 1). Должность лесного смотрителя не была упразднена, но к категории лесной стражи больше не относилась.

Организационная схема нижнего звена лесоохранного механизма претерпевала изменения, постепенно приближалась к модели, принятой в казенном лесном хозяйстве. Отличие старших от младших объездчиков перестало заключаться лишь в размере оклада, но приобрело более конкретные очертания. Старшие объездчики становились прямыми начальниками младших. Они контролировали состояние «надзора» – территории, включавшей в себя несколько «объездов», находившихся в ведении младших объездчиков. На должности старших объездчиков назначались кандидаты, имевшие хорошие рекомендации и опыт работы. Это было важно, поскольку им было дано право осуществлять некоторые коммерческие операции, связанные с отпуском древесины и освидетельствованием заготовленных лесоматериалов, а также составлять протоколы о лесонарушениях (§ 4).

Перечень должностных прав и полномочий объездчиков Алтайского округа не претерпел существенных изменений. Соответствующие параграфы двух Наказов содержали практически идентичные формулировки. Единственным существенным отличием стало введение в текст Наказа 1909 г. § 5 об обязанностях старшего объездчика, что было связано с изменениями, о которых мы уже упоминали. Также необходимо отметить, что первая глава Наказа 1909 г. была существенно расширена за счет внесения в нее норм, регулировавших вопросы материального обеспечения объездчиков. Так, впервые появились четкие указания на то, как предоставлялось казенное жилье (кордоны), осуществлялось снабжение дровами, выделение денежных средств для приобретения форменного обмундирования и т.д.

Вторая глава Наказа 1909 г. «Порядок ведения дозволенных заготовок леса» (§ 28–35) регламентировала служебную деятельность объездчиков при производстве разрешенных лесозаготовок. Формулировки некоторых статей этой части Наказа 1909 г. по сравнению с аналогичными статьями Наказа предыдущей редакции были уточнены, добавился параграф, предписывавший объездчикам при участии в хозяйственных заготовках леса, осуществлявшихся силами лесной администрации для нужд Алтайского округа, руководствоваться указаниями своих старших начальников (лесных смотрителей и помощников управляющих имениями), а также требованиями Инструкции по лесной части 1908 г.

Третья глава Наказа 1909 г. «Порядок преследования самовольных порубок» (§ 36–51) была «поднята» с последнего места, которое занимала в предыдущем Наказе, что, безусловно, свидетельствует о том, что окружная администрация учла опыт кре-

стьянских выступлений 1905–1907 гг., сопровождавшихся массовыми самовольными порубками. Однако говорить о принципиальных изменениях в механизме борьбы объездчиков с лесными порубками не приходится. Сам по себе механизм был уже достаточно отработан, а успешность его функционирования зависела от уровня профессионализма исполнителей.

Компетенция объездчиков в этой части оставалась прежней: не допускать нахождения в пределах охраняемой территории людей с подводами, пилами и топорами, но не имевших лесорубочных билетов; задерживать порубщиков, изымать у них лесоматериалы и орудия преступления; составлять протоколы; разыскивать лиц, подозреваемых в совершении самовольной порубки; с участием полиции и сельской администрации секвестровать ворованный лес; сообщать обо всех выявленных случаях самовольного лесопользования своему начальству. Наказ 1909 г. гораздо более четко определил порядок составления протоколов (§ 36, 44–47, 49–50).

Относительно определения роли объездчиков в надзоре за осуществлением других видов лесопользования Наказ 1909 г. также не вносил каких-либо принципиальных изменений и новшеств. Можно говорить о постепенном совершенствовании правоприменительного механизма. В частности, четвертая глава «Наблюдение за пастьбой скота» (§ 52–61) содержала более подробную пошаговую регламентацию действий объездчика при обнаружении им незаконной пастьбы скота и отравы молодняков, лесных посевов домашними животными или птицей. В эту же главу попали нормы, предписывавшие объездчику не допускать самовольного сенокосения в пределах лесных участков (§ 60), а также несанкционированной добычи золота, каменного угля, камня и других полезных ископаемых (§ 61).

Наименьшим изменениям подверглась глава, посвященная регламентации ведения охоты в лесах Алтайского округа (§ 72–76). Количество и содержание соответствующих параграфов (за исключением некоторых малозначительных уточнений) в Наказах 1909 и 1897 г. совпадает.

Охрана лесов от пожаров по-прежнему рассматривалась как одна из важнейших обязанностей всех представителей лесного ведомства, в том числе лесной стражи. В Наказе 1909 г. также присутствовала отдельная глава, регламентирующая порядок действий объездчиков по предупреждению и ликвидации лесных пожаров (§ 62–71). В новой редакции Наказа было уточнено, что объездчики должны следить за соблюдением правил пожарной безопасности в лесах не только летом, но и в течение всего года. Предписывалось также постоянно осматривать лесные участки, чтобы не пропустить появление дыма и других признаков лесного пожара. Объездчикам при проведении такой разведки рекомендовалось пользоваться естественными возвышенностями, постройками и даже взбираться на высокие деревья (§ 63).

Порядок действий объездчика при обнаружении лесного пожара оставался прежним. Он должен был не только уведомить своего начальника, но и «лично и настойчиво просить ближайших старост и сотских о созыве рабочих для прекращения пожара» (§ 64). Рабочие должны были являться на пожар с необходимыми орудиями труда. Технология борьбы с огнем не изменилась: действия объездчика зависели от вида пожара и тех распоряжений, которые давал ему управляющий именем или его помощник, руководившие тушением. Содержание главы было увеличено за счет включения в нее нескольких новых параграфов. В частности, в перечень обязанностей

объездчика стало входить составление списка рабочих, участвовавших в тушении, а также оформление акта о лесном пожаре с указанием причин, имён подозреваемых в умышленном или неумышленном поджоге, примерной площади и характера повреждений леса (§ 69–70).

Основным новшеством Наказа 1909 г. стало включение в него нескольких глав, которые регламентировали служебный статус объездчиков, устанавливая пределы их полномочий как представителей лесной полиции и определяя правила несения службы.

В отдельную главу, состоявшую всего из одного параграфа (§ 77), был вынесен вопрос об участии лесной стражи в обеспечении общественной безопасности. Собственно сама норма о том, что объездчики обязаны сообщать полиции об обнаружении в лесах преступников, беглых и дезертиров, была не нова, однако составители Наказа посчитали нужным выделить ее в самостоятельную главу.

Схожим образом поступили с правилами применения объездчиками огнестрельного оружия (§ 78–81). Их также вынесли в отдельную главу, причем это единственное место в Наказе 1909 г., которое было прямо заимствовано из действовавшего Лесного устава 1905 г. В этой составляющей служебной деятельности объездчики Алтайского округа имели одинаковые полномочия с представителями казенной лесной стражи. Единообразие в таком серьезном вопросе, имеющем непосредственную связь с общегосударственным уголовным законодательством, выглядит вполне обоснованным.

Опыт борьбы с массовыми самовольными порубками периода Первой русской революции привел кабинетскую администрацию к мысли о необходимости изменения принципа комплектования лесной стражи. В начале XX в. среди служащих лесной стражи преобладало местное крестьянское население, что открывало широкий простор для разного рода злоупотреблений и преступлений по службе.

Изменения реализовывались по двум направлениям: увеличение численности объездчиков и повышение их профессионального уровня и лояльности к интересам Кабинета. В 1908 г. в округе насчитывалось 730 объездчиков (689 младших и 41 старших), в 1910 г. – 1024 (931 и 93 соответственно); к 1914 г. была установлена оптимальная численность лесной стражи в 1277 человек, предполагавшая соотношение старших и младших объездчиков в пропорции 1:6 (1097 младших объездчиков и 180 старших) [6, с. 123].

Реализация второго направления требовала организационных усилий и планомерной работы. При комплектовании должностей лесных объездчиков приоритет стал отдаваться увольнявшимся в запас из армии нижним чинам, с обязательным предоставлением рекомендаций армейских командиров. Статистика говорит о том, что процент бывших военнослужащих среди объездчиков неуклонно возрастал (с 64 в 1908 г. до 93 % в 1914 г.) [6, с. 122].

Лесная служба становилась более организованной, приобретала атрибуты воинской (единое обмундирование со специальными знаками отличия, вооружение, принесение присяги, строгая служебная дисциплина и субординация). Наказ рекомендовал объездчикам соблюдать правила воинской дисциплины, при встрече с начальствующими лицами «отдавать честь и отвечать на приветствие по-военному» (§ 82), держать себя «приличествующе своему званию», не допускать «превышения власти, относиться к делу честно и неподкупно» (§ 83), при общении с населением

«избегать недоразумений», предъявляя свои требования «спокойно и вежливо, но твердо и настойчиво» (§ 84). Хотя Наказ 1909 г. и разрешал объездчикам составлять служебные донесения своим начальникам в произвольной форме (§ 13), но в приложении уже был размещен бланк рапорта, хотя и простейший по форме.

Дисциплина поддерживалась установлением строгих правил субординации. Наказ определял не только прямых начальников лесной стражи, но и устанавливал круг должностных лиц, имевших право инспектировать, ревизовать и контролировать деятельность объездчиков. К первым относились руководители специально созданного в Алтайском округе органа – Инспекции лесной стражи, отвечавшей также за первоначальную профессиональную подготовку кандидатов в объездчики. В течение нескольких недель желающие служить в лесной страже изучали особенности произрастания лесов, получали навыки измерения и клеймения деревьев, узнавали о содержании основных лесохозяйственных операций, проходили стажировку в имениях.

Таким образом, Наказ 1909 г. не имел принципиальных отличий от предыдущей редакции. Изменения носили редакционный характер, поскольку сама система управления лесным хозяйством оставалась в прежнем виде. Вместе с тем Наказ четко отразил тенденцию на увеличение внимания администрации Алтайского округа к деятельности лесной стражи. Для Наказа 1909 г. характерна более четкая регламентация служебной деятельности и определение круга прав и должностных обязанностей объездчиков.

Последний «Наказ лесной страже Алтайского округа» дореволюционного периода был утвержден управляющим Кабинетом 2 марта 1912 г., спустя почти год после того, как Николай II утвердил новую редакцию Правил по лесной части [7].

В 1911 г. в Алтайском округе была проведена очередная административно-хозяйственная реформа, в результате которой введена классическая модель лесного хозяйства, основным элементом которой являлось лесничество. Лесоохрана определялась как одно из ведущих направлений деятельности вновь созданных административно-хозяйственных единиц. Функционированию лесной стражи продолжало уделяться большое внимание. Практика комплектования объездчиков из отслуживших срочную службу нижних воинских чинов приносила свои положительные результаты, а повышение должностных окладов лесной стражи, произошедшее в общегосударственном масштабе в 1908 г., делало лесную службу более привлекательной.

Модернизация лесной стражи Алтайского округа нашла отражение в правовых нормах. Наказ 1912 г. был довольно объемным документом, состоявшим из 144 параграфов, объединенных в 14 глав. Документ был больше по объему, чем предыдущие в полтора-два раза, прежде всего за счет расширения круга регулируемых направлений служебной деятельности лесной стражи. Так, в структуре Наказа впервые появились главы, содержавшие описание вооружения и форменного обмундирования лесной стражи, устанавливавшие правила ношения формы, определявшие обязанности объездчиков по надзору за оброчными статьями, находившимися в аренде и т.д. Содержание тех глав, которые традиционно входили в наказания более ранних редакций, было существенно расширено. Кроме того, в Наказ включены в качестве приложений выдержки из Лесного устава 1905 г., «Правил по лесной части Алтайского округа» 1911 г., а также «Правил о порядке действий и отчетности по нарушениям имущественных интересов Кабинета его величества в Алтайском округе».

В первой главе Наказа 1912 г. «Подразделение лесной стражи, ее права и имущества» (§ 1–20) нашла отражение новая система управления земельно-лесным хозяйством Алтайского округа. Было указано, что лесничества подразделялись на надзоры и объезды, которые находились в ведении старших и младших объездчиков, соответственно. Впервые в Наказе была упомянута должность пешего лесника, которая могла вводиться в лесничествах по мере необходимости, а по объему полномочий соответствовала должности младшего объездчика.

В первой главе устанавливались правила поступления на службу и увольнения с нее, оговаривались ограничения и преимущества должности объездчика. Здесь же содержалось весьма подробное описание всех видов довольствия лесной стражи: указывался размер денежного содержания, снабжения объездчиков дровами, определялся порядок пользования служебными кордонами, сенокосными и пахотными землями, занятия охотой и различными видами побочного лесопользования.

Объездчики должны были проживать в специально построенных кордонах на территории охраняемых лесных дач. К началу 1908 г. в Алтайском округе только чуть более 20 % объездчиков проживали на кордонах. После принятия в 1911 г. единых правил постройки кордонов, их число постоянно возрастало: 405 в 1911 г., 737 в 1913 г., 772 в 1915 г., 799 в 1916 г., что позволило обеспечить казенным жильем более 60 % служащих лесной стражи¹.

Вторая глава «Общие обязанности лесной стражи» состояла из семнадцати параграфов (§ 21–37), в которых довольно ясно и доходчиво перечислены основные принципы несения государственной лесной службы. Объездчикам предписывалось свято хранить присягу, оберегать вверенное имущество, не допускать самовольного лесопользования, не отлучаться из охраняемых ими территорий, точно знать границы объездов и обходов, выполнять необходимые лесные работы, соблюдать моральные принципы: не пьянствовать, не принимать подарков и «не делать потачки никому» (§ 25), при этом не допуская со своей стороны самоуправных действий, грубости и жестокости по отношению к нарушителям.

В следующих главах общие обязанности лесной стражи конкретизировались. Так, третья глава содержала перечень обязанностей объездчиков по надзору за отпуском и заготовками леса (§ 38–48), четвертая – по надзору за арендными землями и другими оброчными статьями (§ 49–60), пятая – по охранению леса от самовольных порубок, похищений и повреждений (§ 61–78), шестая – по охране лесов от пожаров (§ 79–89), седьмая – по охране лесов и земель от завладения и самовольного пользования (§ 90–105), наконец, восьмая – по охране общественной безопасности (§ 106). Отдельная глава была посвящена регламентации деятельности старшего объездчика как лица, начальствующего над младшими объездчиками (§ 111–115). Существенных изменений в перечне обязанностей объездчиков не произошло.

Несколько глав посвящены регламентации той части деятельности лесной стражи, которая напрямую определялась ее военизированным характером. В Наказе специально оговаривалось, что при исполнении своих должностных обязанностей объездчики должны «быть одеты по форме, при оружии и знаках своей должности;

¹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4407. Л. 24 об.; Д. 4482. Л. 3 об.

так как только при этом всякий обязан повиноваться в лесах законным требованиям чинов лесной стражи, как лиц составляющих лесную полицию» (§ 7).

Поскольку Наказ 1912 г. был утвержден после принятия в Алтайском округе «Инструкции по комплектованию, обучению и регистрации лесной стражи, вооружению и довольствию ее, а также установлению за ней надзора», он почти буквально воспроизвел некоторые нормы Инструкции, определявшие военизированный характер службы объездчиков [8].

Впервые в Наказе была полностью описана форменная одежда алтайского объездчика, установлены сроки ее носки, определен порядок выдачи лесной страже огнестрельного оружия и боеприпасов: глава 11 «Вооружение стражи» (§ 116–123); глава 12 «Описание форменной одежды лесной стражи» (§ 124–128). Все эти вопросы были сняты с лесничих и переданы в ведение Инспекции лесной стражи Алтайского округа. Инспекция, кроме того, проводила большую работу по комплектованию должностей объездчиков, теоретическому и практическому обучению кандидатов, кадровому учету, обеспечению объездчиков всеми видами денежного и материального довольствия, осуществляла надзор за их служебной деятельностью. Значение этой деятельности для лесного хозяйства Алтайского округа нельзя недооценивать. После начала Первой мировой войны в действующую армию были призваны инспектор лесной стражи и его помощник, а деятельность Инспекции была временно приостановлена. Осенью 1916 г. Кабинет признал, что упразднение Инспекции лесной стражи негативно сказалось на состоянии лесоохраны, поэтому предложено восстановить Инспекцию во главе с офицером, как лицом, «знакомым с порядками введения дисциплины, необходимой для установления в среде стражи сознания своей моральной силы»¹.

Военизированный характер службы лесной стражи предполагал наличие строгой воинской дисциплины и субординации. В Наказе этому уделено существенное внимание. Глава 13 «О подчиненности и порядке сношений чинов лесной стражи» (§ 129–141) устанавливала правила поведения объездчиков на службе, порядок взаимоотношения с начальниками. Прямыми начальниками объездчиков являлись начальник Алтайского округа, лесничие и их помощники. Однако этим круг руководителей лесной стражи не ограничивался. Была выстроена довольно стройная система надзора за деятельностью лесной стражи, элементами которой являлись не только прямые начальники, но и так называемые начальствующие, инспектирующие и контролирующие лица (§ 130).

К начальствующим относились помощник начальника округа, заведующий лесной частью и районный старший лесничий. Они, наряду с прямыми начальниками, имели право «всесторонне проверять действия лесной стражи» и «давать по всему, касающемуся службы, руководящие указания и единовременные приказания» (§ 131). Указания, распоряжения и замечания должны были заноситься в специальную «памятную книжку» – еще один непреходящий атрибут, предназначенный для постоянного ношения. В свою очередь объездчики обязаны предоставлять начальствующим лицам все необходимые сведения и выполнять их распоряжения.

Инспектирующими начальниками по отношению к объездчикам являлись инспектор лесной стражи и его помощник (§ 132). Их компетенция заключалась в про-

¹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4658. Л. 10.

верке знания объездчиками своих служебных обязанностей, положений Наказа, соблюдения ими правил ношения формы, содержания оружия и т.п.

Наконец, к лицам, контролирующим деятельность лесной стражи, относились заведующий алтайским отделением контроля Министерства императорского двора и районный контролер отделения. Они имели право требовать от объездчиков сведений о движении денежных сумм, состоянии вверенного им казенного имущества, находившихся на ответственном хранении лесоматериалов и др. Ими же проверялась документация «об отпуске леса растущего, хозяйственно заготовленного, секвестрованного и валежного» (§ 133). За все выявленные нарушения объездчики могли подвергаться материальной, дисциплинарной и уголовной ответственности.

Освобождение лесничих от решения вопросов, не относившихся к хозяйственным, а также установление многоступенчатого контроля за деятельностью лесной стражи возымело положительный эффект. Профессиональный уровень и степень благонадежности объездчиков к началу Первой мировой войны существенно выросли. К сожалению, начавшиеся военные действия и последовавшие за этим мобилизации нанесли лесному хозяйству Алтайского округа весьма болезненный удар. Подавляющее большинство объездчиков находились в запасе и подлежали призыву, поэтому в 1914 г. из состоявших на службе 1277 объездчиков были мобилизованы 1061¹. Экстренными мерами администрации округа удалось восстановить довоенную численность лесной стражи, но на следующий год ситуация повторилась: в армию были призваны еще более тысячи объездчиков. Эти обстоятельства в условиях набиравшего остроту социально-экономического кризиса ослабили систему лесоохраны и способствовали быстрому разрастанию протестных движений в ходе революционных событий 1917–1918 гг.

Наказ 1912 г. отличается от двух предшествующих редакций проработанностью, более логичным и стройным внутренним содержанием. В нем нашел отражение процесс модернизации лесной отрасли Алтайского округа, совершенствования системы лесоуправления, лесоохраны и лесопользования.

Таким образом, в течение рассматриваемого периода в Алтайском округе действовало три редакции «Наказа лесной страже», сравнительно-правовой анализ которых позволяет говорить о поступательном развитии системы правового регулирования лесных отношений и всего земельно-лесного хозяйства. Основной задачей Наказов являлась регламентация служебной деятельности лесной стражи, как важнейшего инструмента, с помощью которого осуществлялась реализация ведомственной лесной политики Кабинета в рамках отдельно взятого региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Тяпкин М.О. Правовое регулирование лесных отношений в Алтайском округе в конце XIX–начале XX в. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 2 (93). – С. 25–42.

2. Наказ // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1897. – Т. ХХА.

¹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4482. Л. 3.

3. Соболева Т.Н. Хозяйственное межевание кабинетских земель и лесоустройство в Алтайском округе (1896–1911 гг.) // XX век: исторический опыт аграрного освоения Сибири. – Красноярск, 1993. – С. 73–77.

4. Наказ лесной страже Алтайского округа 1897 г. – Барнаул: Типо-литография при Главном управлении Алтайского округа, 1898. – 57 с.

5. Наказ лесной страже Алтайского округа 1909 г. – Барнаул: Типо-литография Главного управления Алтайского округа, 1909. – 77 с.

6. Обзор деятельности округа за пятилетие (1911–1915 гг.). – Барнаул: Типо-графия Управления Алтайского округа, 1916. – 196 с.

7. Наказ лесной страже Алтайского округа 1912 г. // Сборник правил, приказов и циркуляров по Алтайскому округу ведомства Кабинета Е.И.В. Т. 1. – Барнаул: Типо-литография управления Алтайского округа, 1913. – С. 701–730.

8. Инструкция по комплектованию, обучению и регистрации лесной стражи Алтайского округа, вооружению и довольствию ее, а также установлению за ней надзора 1911 г. // Сборник правил, приказов и циркуляров по Алтайскому округу ведомства Кабинета Е.И.В. Т. 1. – Барнаул: Типо-литография управления Алтайского округа, 1913. – С. 567–574.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Tyapkin M.O. Law regulation of forest relations in the Altai region in the late XIX–early XX century // Vestnik of East Siberian Institute of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation. – 2020 – No. 2 (93). – P. 25–42.

2. Order // Encyclopedic Dictionary / F.A. Brockhaus, I.A. Efron. – SPb, 1897. – Т. XXА.

3. Soboleva T.N. Economic land surveying of Kabinet lands and forestry in the Altai district (1896–1911) // XX century: historical experience of the agrarian development of Siberia. – Krasnoyarsk, 1993. – P. 73–77.

4. Order to the forest guard of the Altai district 1897. – Barnaul, 1898 – 57 p.

5. Order to the forest guard of the Altai district 1909. – Barnaul, 1909 – 77 p.

6. Review of the district's activities over the five years (1911–1915). – Barnaul, 1916. – 196 p.

7. Order to the forest guard of the Altai district 1912 // Collection of rules, orders and circulars in the Altai district of the department of the Kabinet of H.I.M. Т. 1. – Barnaul, 1913. – P. 701–730.

8. Instructions for recruiting, training and registering the forest guards of the Altai district, arming and keeping it, as well as establishing supervision over it in 1911 // Collection of rules, orders and circulars in the Altai district of the department of the Kabinet of H.I.M. Т. 1. – Barnaul, 1913. – P. 567–574.

УДК 347.962:355.48

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-38-48

Шатилов Сергей Петрович

доцент кафедры теории и истории
права и государства Барнаульского
юридического института
МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: shatilov_sp@mail.ru

Shatilov Sergey Petrovich

associate Professor of the Department of Theory
and History of Law and State , Barnaul Law In-
stitute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia,
associate professor, candidate of legal sciences
E-mail: shatilov_sp@mail.ru

Шатилова Оксана Анатольевна

старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Барнаульского юридического
института МВД России
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: shatilova_oa@mail.ru

Shatilova Oksana Anatolyevna

senior lecturer of the department of criminal law
and criminology of the Barnaul Law Institute of
the Ministry of Internal Affairs of Russia associ-
ate professor, candidate of historical
sciences
E-mail: shatilova_oa@mail

**РОЛЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В РЕАЛИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)**

Введение: в статье на основе архивных материалов, нормативных правовых актов анализируется контрольно-надзорная деятельность правоохранительных органов Алтайского края в годы Великой Отечественной войны за работой учреждений здравоохранения, образования и других, занимающихся вопросами социального обеспечения. Рассматриваются случаи оказания материальной помощи сотрудниками правоохранительных органов лицам, оказавшимся в трудных условиях, обусловленных чрезвычайной ситуацией.

Материалы и методы: методологической основой исследования являются принципы историзма, объективности и системности. Исходя из этих и других методологических принципов в статье использован определенный набор методов научного познания: конкретно-исторический; ретроспективный; сравнительный и формально-юридический.

Результаты исследования позволили обосновать основные направления деятельности правоохранительных органов Алтайского края по реализации социальной функции Советского государства в годы Великой Отечественной войны, выявить мето-

ды контроля и надзора за законностью в деятельности социальных учреждений, обозначить основные формы оказания материальной помощи населению.

Выводы и заключения: в ходе проведенного исследования сформулированы выводы о том, что контрольно-надзорная функция осуществлялась достаточно эффективно, несмотря на условия военного времени. Деятельность правоохранительных органов в реализации социальной функции способствовала обеспечению нуждающегося населения продовольственными и промышленными товарами.

Ключевые слова: Великая Отечественная война (1941–1945 гг.), социальная функция, органы милиции, органы прокуратуры, контрольно-надзорная деятельность, материальная помощь, Алтайский край.

THE ROLE OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE IMPLEMENTATION OF THE SOCIAL FUNCTION OF THE SOVIET STATE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON MATERIALS OF THE ALTAI TERRITORY)

Introduction: on the basis of archival materials, normative legal acts, the article analyzes the control and supervision activities of law enforcement agencies of the Altai territory during the Great Patriotic War for the work of health care, education, etc., dealing with social security. Cases of rendering material assistance by law enforcement officers to persons who found themselves in difficult conditions due to the emergency situation are considered.

Materials and Methods: the methodological basis of the research is the principles of historicism, objectivity and consistency. Based on these and other methodological principles, the article uses a certain set of methods of scientific cognition: concrete historical method; retrospective method; comparative method; formal legal method.

Results of the Study allowed us to substantiate the main activities of law enforcement agencies of the Altai territory to implement the social function of the Soviet Union state during the Great Patriotic War, to identify methods of control and supervision of the legality of the activities of social institutions. The main forms of providing material assistance to the population are outlined.

Findings and Conclusions: the study concludes that the control and supervision function was carried out quite effectively despite the conditions of wartime. The activities of law enforcement agencies in the implementation of the social function contributed to the provision of food and industrial goods to the needy population.

Key words: the Great Patriotic War (1941–1945), social function, police, prosecutors, control and supervision, financial assistance, Altai territory.

Как может показаться на первый взгляд, социальная функция Советского государства в годы Великой Отечественной войны отошла на второй план и ей не уделялось должного внимания. Однако для стабилизации общественных отношений в чрезвычайных ситуациях, таких как военное положение, необходимо было создавать условия для нормальной жизнедеятельности общества. Органы государственной власти уделяли значительное внимание народному образованию, здравоохранению, науке и культуре. Насколько это было возможно в военное время обеспечивали приемлемый уровень жизни всех граждан Советского государства и создавали условия для тех, кто в силу различных объективных причин не мог полноценно трудиться (больные, инвалиды, инвалиды войны, пенсионеры, дети). Не следует забывать, что Советский Союз был социалистическим государством, а социализм даже в своем названии подразумевает социальную направленность деятельности государства, что, в свою очередь, нашло отражение в Конституции СССР 1936 г. В ней среди основных прав граждан были закреплены: право на материальное обеспечение в старости и в случаях нетрудоспособности; право на получение всеми трудящимися медицинской помощи; право на образование. Реализация социальных прав советских граждан осложнялась тем, что в годы войны в основном развивалась военная промышленность, продукция которой не подлежала распределению, а продукцию сельского хозяйства максимально отправляли на фронт, минимально – в тыл. В связи с чем в годы Великой Отечественной войны органы власти оказались в трудном положении при осуществлении социальных задач, стоящих перед государством, требующих усилия всех государственных органов [5, с. 71].

Территорию Союза Советских Социалистических Республик в указанный период можно разделить на оккупированную, территорию, находящуюся в непосредственной близости от театра военных действий, сюда же следует отнести блокадные территории, освобожденные районы и тыловую территорию. Алтайский край являлся тыловым регионом на многие сотни километров удаленным от линии фронта. С началом войны значение края существенно изменилось, из малоосвоенного, сельскохозяйственного он стал превращаться в крупный промышленный регион, от которого требовалось ресурсное обеспечение действующей армии и флота, так как важной составной частью перестройки государства на военный лад становится эвакуация населения из прифронтовых районов в тыловые. На 1 июля 1943 г. численность эвакуированного населения в Алтайский край составила 151,6 тыс. человек [6, с. 39]. Следовательно возросла нагрузка на местные органы власти, занимающиеся оказанием социальной помощи населению края, немаловажная роль в этом принадлежала правоохранительным органам.

Кроме исполнения своих функциональных обязанностей, правоохранительные органы осуществляли контрольно-надзорные функции за деятельностью учреждений здравоохранения, образования и других, занимавшихся вопросами социального обеспечения, выявляли должностных лиц, нарушивших социальные права граждан, привлекали их к юридической ответственности. Это направление их деятельности было обусловлено гражданской позицией, основанной на принципе гуманности. На протяжении всей войны сотрудники правоохранительных органов оказывали материальную помощь лицам, находящимся в трудных, а порой невыносимых условиях (воен-

нослужащим Красной Армии, их семьям, жителям освобожденных от немецких войск районов и т.д.).

Правоохранительные органы осуществляли контроль и надзор за функционированием эвакуированных учебных учреждений, детских домов, за оказанием надлежющего медицинского обслуживания жителей края, помощи семьям военнослужащих, инвалидам. Работа сотрудников правоохранительных органов заключалась в том, что если к ним поступала жалоба или оперативная информация на ненадлежащую работу социальных органов, проводилась проверка по данным фактам и если она подтверждалась, то информация направлялась первому секретарю краевого комитета ВКП(б) для принятия дисциплинарных или административных мер [7, с. 55].

Пристальное внимание в годы Великой Отечественной войны правоохранительные органы уделяли надзору за функционированием эвакуированных учебных учреждений. Сотрудники прокуратуры, органов милиции занимались сбором информации о том, проводятся ли занятия, имеет ли место насилие со стороны учителей по отношению к учащимся, как организовано питание обучаемых, каково качество пищи, а также в каком состоянии находится материально-техническая база учебных заведений [2, с.17].

Так, сотрудники УНКВД по Алтайскому краю выявили случаи ненадлежащего обращения к обучаемым со стороны руководства эвакуированного из г. Харькова ремесленного училища связи №10. Учащаяся Д. с разрешения дежурного коменданта отлучилась на почту, в связи с чем пришла в столовую с опозданием. Не разобравшись в причине, директор училища лишил ученицу обеда¹. Заведующий учебной частью училища за то, что ученица, имея на руках больничный лист, ушла из общежития без разрешения коменданта в кино, принял решение не пускать ее в общежитие, через какое-то время заместитель директора по политической части данное решение отменил².

В ремесленном училище № 11, эвакуированном из г. Серпухово, сотрудниками УНКВД по Алтайскому края были установлены факты того, что работа по подготовке квалифицированного трудового резерва велась ненадлежащим образом, училище не было обеспечено необходимым инструментом и материалами для проведения практических занятий. Так, на четыре учебные группы с общим количеством 44 человека было в наличии шесть слесарных тисков, половина из которых находилась в нерабочем состоянии, 15 слесарных пил не пригодных к работе. В результате учащиеся не получали практических навыков необходимых для работы на предприятиях военной промышленности³.

Проведение теоретических занятий тоже вызывало затруднения, связанные с отсутствием помещений, а также учебников, учебных пособий, тетрадей и чертежных инструментов⁴. Все это приводило к тому, что учащиеся прогуливали занятия, нарушали распорядок дня и как следствие снижалась успеваемость.

¹ Государственный архив Алтайского края (далее ГААК). Ф. 1. Оп. 18. Д. 158. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 4–6.

Если до войны в Алтайском крае насчитывалось 47 детских домов, то в период войны их количество увеличилось еще на 46 учреждений [5, с. 67]. Данные обстоятельства в свою очередь вызвали ряд проблем: во-первых, отсутствие надлежащей материально-технической базы для их размещения; во-вторых, кадровый «голод» педагогов и воспитателей; в-третьих, прием на работу неквалифицированных работников, что являлось причиной использования некоторыми из них непедagogических, а иногда и противозаконных методов в обучении и воспитании.

В исследуемый период сотрудники правоохранительных органов, зная о данных проблемах и сложностях в детских домах, стали уделять особое внимание контролю и надзору за содержанием, обучением и воспитанием детей.

В детском доме № 1 села Змеиногорское Алтайского края сотрудниками УНКВД был выявлен ряд грубых нарушений. Здание не отапливалось, во время приема пищи дети укрывались одеялами, помещения находились в антисанитарных условиях, окна заложены кирпичами и в помещениях было темно. Плохо было организовано питание, овощи, выращенные на собственном подсобном хозяйстве, хранились ненадлежащим образом. Качественные продукты расходовались на приготовление обедов для администрации. В столовой отсутствовали скамейки, дети были вынуждены принимать пищу стоя. Нехватка посуды приводила к тому, что прием пищи продолжался несколько часов.

В результате таких условий в детском доме из 201 человек 161 являлись больными. Из них у 35 был понос; 20 болели часоткой; 15 – цингой; 10 – детским параличом; 10 – фурункулезом; 65 – физической недоразвитостью; 6 – иными болезнями¹.

Некоторые учителя и воспитатели халатно относились к своим служебным обязанностям, не уделяли должного времени обучаемым, в результате последние были предоставлены сами себе. Воспитательная работа в детском доме не планировалась. Учащиеся имели низкую успеваемость, в некоторых классах она достигала не более 50 %².

В годы Великой Отечественной войны недостаточное продовольственное обеспечение населения страны способствовало ослаблению иммунитета у граждан всех возрастов, что вызвало рост различных заболеваний. Так, увеличилась детская смертность от таких заболеваний, как туберкулез легких, корь, коклюш и других инфекций. Только от заболевания корью за 11 месяцев 1941 г. в крае умерли 890 человек³. В Усть-Пристанском районе за январь 1942 г. было зарегистрировано 111 случаев сыпного тифа среди детей, эвакуированных из Калининградской области⁴.

Уход на фронт квалифицированного медицинского персонала привел к тому, что врачей-специалистов катастрофически не хватало. Только в г. Барнауле было два хирурга, один отоларинголог, три психиатра, в других городах и районах Алтайского края таких специалистов не было⁵. В Павловском районе за первую половину января

¹ ГААК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 158. Л. 387–388.

² Там же. Л. 387–389.

³ Там же. Д. 156. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 9.

1942 г. было зарегистрировано 15 случаев сыпного тифа, фельдшер все эти случаи вел под диагнозом «грипп»¹.

Произошло сокращение в лечебно-инспекторской группе, оказывавшей практическую помощь в организации лечебно-профилактической работы в районах края. Данное направление деятельности было возложено на медицинскую сестру, которая не имела опыта работы и знаний². В некоторых районах края в нарушение указаний Крайкома и Краисполкома руководители с целью экономии денежных средств сокращали заведующих районными отделами здравоохранения, возлагая их обязанности на некомпетентных лиц³. Данные обстоятельства послужили причинами ухудшения медицинского обслуживания населения, отсутствия контроля со стороны квалифицированных должностных лиц в сфере здравоохранения за работой медицинского персонала. Так, в Парфеновском районе врач К. не оказала своевременно неотложную медицинскую помощь больному ребенку, в результате чего он умер⁴.

С 28 сентября по 5 октября 1942 г. в родильном доме № 2 Барнаульского горздрава умерли 11 новорожденных. Высокая смертность детей объяснялась отсутствием отопления. Дети простывали и умирали в первые дни жизни. На 5 октября 1942 г. при наличии наряда на 25 м³, дров было вывезено только 5 м³, чего явно было недостаточно⁵. Все эти обстоятельства вызвали необходимость усилить работу правоохранительных органов по надзору за медицинским обслуживанием населения.

С началом Великой Отечественной войны одной из многочисленных социальных групп населения Советского Союза становятся семьи военнослужащих. В Алтайском крае на 1 января 1944 г. их насчитывалось 340 080⁶. Такое количество семей в крае было обусловлено двумя причинами: во-первых, в связи с призывом населения в ряды РККА; во-вторых, многие семьи фронтовиков были эвакуированы в тыловые районы из прифронтовых областей страны.

Семьи военнослужащих оказались в тяжелом бытовом и материальном положении. Эвакуированные семьи лишились крыши над головой, работы и имущества, взяв с собой только документы, деньги и необходимые для проживания вещи. Семьи военнослужащих, живущие в Алтайском крае, также оказались незащищенными в связи с уходом в армию мужчин, являвшихся в большинстве случаев единственными кормильцами.

В годы войны в результате массового призыва населения страны в ряды Красной Армии родители, жены, дети получили статус членов семей военнослужащих. Это им давало право на получение дополнительных льгот, а именно: предоставление жилья, продуктов питания, вещей, корма для скота, трудоспособные члены семей военнослужащих трудоустраивались в колхозы, совхозы, предприятия, им выплачивались денежные пособия и т.д.

¹ ГААК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 156. Л. 11.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 7 об.

⁵ Там же. Д. 157. Л. 286.

⁶ Там же. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 616. Л. 2.

Сотрудники правоохранительных органов осуществляли контрольно-надзорную деятельность за строгим исполнением законов всеми органами власти в сфере охраны интересов семей военнослужащих, кроме того они рассматривали жалобы, поступавшие от военнослужащих и членов их семей, о ненадлежащем оказании материальной помощи.

Сотрудники правоохранительных органов следили за работой комиссий по определению пособий семьям военнослужащих, чтобы помощь оказывалась не формально, жалобы от семей военнослужащих рассматривались в установленные законом сроки [8, с. 44].

Так, были выявлены факты нарушения сроков рассмотрения заявлений комиссией в Тогульском, Рубцовском, Егорьевском и других районах края. На момент проверки работы комиссии по определению пособий семьям военнослужащих по Топчихинскому району не рассмотренными в течение 2 месяцев находилось более 300 заявлений. В Кулундинском районе более 70 заявлений не было рассмотрено в течение месяца¹.

Кроме того сотрудники правоохранительных органов Алтайского края выявляли факты необоснованного отказа в получении пособий, неправильного их начисления, перерасхода средств и т.д.

Так, К., являвшаяся нетрудоспособной, имела на иждивении двух несовершеннолетних детей, муж находился в рядах Красной Армии. Без всяких на то оснований комиссия г. Рубцовска в пособии ей отказала. Последняя не получала пособие на протяжении двух месяцев². В Тюменцевском районе жене красноармейца К., имевшей на иждивении трех несовершеннолетних детей, вместо 75 руб. выплачивалось 50 руб.³

По фактам ненадлежащего оказания материальной помощи членам семей военнослужащих последние писали жалобы в органы прокуратуры Алтайского края⁴. Поступавшие жалобы подлежали строгому специальному учету. В районных прокуратурах все жалобы анализировались, обобщались и принимались кардинальные меры в целях ликвидации и недопущения в дальнейшем нарушений законности.

Со стороны руководства органов прокуратуры устанавливался строгий контроль за рассмотрением жалоб вплоть до окончательного их разрешения. Органами прокуратуры Алтайского края за 1942 г. было вынесено протестов о правах военнослужащих – 89, представлений за 1942 г. – 25⁵. О результатах проверок по жалобам красноармейцев и членов их семей в обязательном порядке сообщалось заинтересованным лицам⁶.

На первое полугодие 1942 г. на учете органов социального обеспечения Алтайского края насчитывалось инвалидов – 13 705 человек, из них инвалидов 1 группы

¹ ГААК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 158. Л. 480.

² Там же. Л. 481.

³ Там же. Л. 482.

⁴ Там же. Д. 106. Л. 92.

⁵ Там же. Ф. 1–1474. Оп. 78. Д. 612. Л. 4 об.–6 об.

⁶ Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 256.

– 156; 2 группы – 7096; 3 группы – 6453¹, с каждым годом войны эта цифра только увеличивалась [1, с. 176].

Правоохранительные органы осуществляли надзор за деятельностью районных собесов, районных исполкомов по оказанию помощи инвалидам, выявляли факты бюрократического отношения к инвалидам, неоказания материальной помощи, помощи в трудоустройстве и т.д.

Так, сотрудниками УНКВД по Алтайскому краю было установлено, что в Змеиногорском районе райсобес и местные органы власти не проводили учета инвалидов по их трудовой квалификации, не выявляли возможности для их трудоустройства и обучения новым профессиям, не владели информацией какое количество инвалидов работает, а какое еще не трудоустроено [10, с. 50]. Одной из причин было то, что местные органы власти ненадлежащим образом подошли к вопросу подбора кадров для работы в органах социального обеспечения. В Ойротской автономной области заведующим Усть-Коксинским собесом был назначен гр. Нечков, демобилизованный по состоянию здоровья из Красной Армии. Он страдал от последствий участия в боевых действиях, злоупотреблял спиртными напитками, испытывал постоянные сложности в работе, которую ранее ему не приходилось выполнять, и как следствие ненадлежащим образом относился к выполнению возложенных на него служебных обязанностей. Так, в период перерегистрации военнообязанных одного военнослужащего, находящегося на излечении и пользующегося отсрочкой, взял на учет как инвалида 1 группы².

Иногда правоохранительными органами выявлялись случаи бюрократического отношения к нуждам инвалидов со стороны работников райсобесов и органов местной власти. В Усть-Пристанском районе сотрудниками милиции был установлен факт, что инвалид Н. неоднократно обращался в райсобес по вопросу обеспечения его дровами, однако помощь ему не была оказана. В Топчихинском районе инвалид 2 группы Ф. неоднократно обращался к председателю колхоза им. Буденного гр. П. с просьбой устроить его на более легкую работу, но последний ему в этом отказывал, кроме того, в течение месяца ему не выдавали хлеба. Инвалид войны А. долгое время по вине райсобеса проживал в совершенно не пригодной для жилья землянке, также ему не была предоставлена работа и он не обеспечивался продуктами питания³.

Другим направлением деятельности правоохранительных органов по оказанию помощи населению в социальной сфере в годы войны являлась материальная помощь военнослужащим Красной Армии, их семьям и жителям освобожденных районов от немецких войск.

Возможная угроза гибели государства и всего советского народа независимо от политических взглядов, идеологических пристрастий, религиозных воззрений, социального происхождения, отношения к официальной власти и партии большевиков, тех или иных личных обид и утрат способствовала подъему моральных сил, готовности к подвигу и самопожертвованию.

¹ ГААК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 158. Л. 261.

² Там же. Л. 262.

³ Там же. Л. 263.

В первые дни войны были мобилизованы все государственные ресурсы как людские, так и материальные. Выдвинутый высшими органами государственной власти лозунг: «Все для фронта, все для победы!» стал определяющим в жизни и деятельности советского народа [3, с. 15]. На призыв население страны отозвалось патриотическим подъемом, который вылился во всенародное движение помощи фронту, осуществляемое в разнообразных формах: в создании Фонда обороны; в реализации военных государственных займов и денежно-вещевых лотерей; в сборе теплых вещей и подарков для бойцов и офицеров Красной Армии и т.д.

Активное участие в оказании материальной помощи фронту принимали сотрудники правоохранительных органов Алтайского края. На митингах и собраниях личному составу правоохранительных органов разъяснялось политическое значение Фонда обороны Родины, каким образом будут использованы собранные средства, как они будут способствовать усилению Красной Армии. Руководящий состав правоохранительных органов организовывал поступление денег, теплых вещей и продуктов в Фонд обороны. Так, сотрудники УНКВД по Алтайскому краю на общем собрании 5 августа 1941 г. приняли решение «ежемесячно, вплоть до окончания войны отчислять в Народный фонд обороны однодневную заработную плату» [1, с. 192]. Уже к 26 сентября 1941 г. личным составом УНКВД по Алтайскому краю было собрано и сдано в Фонд обороны более 300 различных вещей¹, к 9 ноября 1941 г. работники УНКВД по Алтайскому краю собрали на подарки 2 116 руб., к 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции – 10 246 руб. Кроме того, сотрудники милиции края сдали около 500 теплых вещей².

На протяжении всей Великой Отечественной войны во исполнение постановлений СНК СССР «О выпуске государственного военного займа» партийными органами правоохранительных органов была проведена большая работа по разъяснению личному составу задач размещения военного государственного займа. Так, если по первому военному государственному займу общая подписка правоохранительных органов составила 103 % к фонду заработной платы, то во втором – 114 %, по третьему – 120,1 % и по четвертому – 125 %³.

В исследуемый период сотрудники правоохранительных органов оказывали материальную помощь семьям коллег, находящимся в Красной Армии. Так, 15 февраля 1943 г. на заседании президиума краевой коллегии адвокатов было принято решение об оказании помощи семьям адвокатов, находящихся в действующей армии. При реализации данного решения были проведены следующие мероприятия: взяты на учет все семьи адвокатов, призванных в РККА; обследованы жилищные условия и материальное положение семей; создана комиссия по оказанию помощи семьям; создан фонд помощи семьям, в который направлялись денежные отчисления и собранные вещи. Также оказывалась разовая материальная помощь семьям адвокатов, нахо-

¹ ГААК. Ф. 440. Оп. 1. Д. 27. Л. 21, 24.

² Там же. Л. 40, 70.

³ Там же. Л. 111; Д. 30. Л. 11.

дившихся в РККА. Например, семье адвоката Н. было выделено 500 руб., адвоката А. 300 руб.¹

После освобождения территорий Советского Союза от немецких войск сотрудники правоохранительных органов оказывали материальную помощь жителям этих территорий. Так, на открытом партийном собрании УНКВД по Алтайскому краю 27 августа 1943 г. была поддержана инициатива партийных организаций Железнодорожного района г. Барнаула о сборе денежных средств, вещей и подарков для населения освобожденного Харькова².

Во исполнение телеграфного сообщения народного комиссара юстиции РСФСР о создании единого фонда помощи коллегиям адвокатов освобожденных от немцев областей коллегией адвокатов Алтайского края было принято решение о перечислении 25 тыс. руб.³

На основании вышеизложенного авторы пришли к следующим выводам.

1. В годы Великой Отечественной войны правоохранительные органы осуществляя контрольно-надзорную деятельность, способствовали тому, чтобы социальные органы при оказании нуждающемуся населению Алтайского края помощи руководствовались принципом законности.

2. Принимая участие в формировании государственных займов, денежно-вещевых лотерей, сотрудники правоохранительных органов не только позволили Советскому государству вкладывать существенные денежные суммы в оборонную промышленность, обеспечение выпуска оружия и боевой техники, но и способствовали бесперебойному поступлению вещевого и продуктового довольствия военнослужащим РККА.

3. Сотрудники правоохранительных органов Алтайского края, оказывая материальную помощь нуждающимся, спасли сотни, тысячи жизней как жителей Алтайского края, так и за его пределами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Базаров, Ф.Е. Советская милиция Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1971. – 216 с.

2. Блинова В.В. Деятельность органов НКВД Южного Урала в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2008. – 30 с.

3. Гогин А.А. К вопросу о некоторых аспектах советского законодательства периода Великой Отечественной войны // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. – 2015. – № 3 (22). – С. 12–16.

4. Голубых Н.В., Чашников В.А. Деятельность органов милиции на Урале в период Великой Отечественной войны // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2015. – № 2. – С. 2–7.

¹ ГААК. Ф. 487. Оп. 1. Д. 5. Л. 8 об.

² Там же. Ф. 440. Оп. 1. Д. 25. Л. 3.

³ Там же. Ф. 487. Оп. 1. Д. 4. Л. 44 об.

5. Ипполитов П.Л. Реализация функции защиты Отечества в организации и деятельности местных органов власти в Западной Сибири в период Великой Отечественной войны (1941–1945): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 203 с.
6. Снегирева Л. И. Состав населения, эвакуированного в западносибирский тыл в годы Великой Отечественной войны // Вестник ТГПУ. – 2015. – № 2 (155). – С. 38–43.
7. Тарасова Л.Я. Деятельность органов образования и медицины по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в период Великой Отечественной войны // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2010. – № 3. – С. 54–56.
8. Хмелева А.В. Страницы истории: следствие в годы Великой Отечественной войны // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2015. – № 2 (4). – С. 42–47.
9. Шатилов С.П., Шатилова О.А. Правоохранительная деятельность в годы Великой Отечественной войны // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2007. – № 11. – С. 69–73.
10. Шевляков А.С. Политический контроль над колхозным крестьянством в годы Великой Отечественной войны (на материалах Сибири) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 6 (26). – С. 48–53.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bazarov, F. E. the Soviet militia of Western Siberia during the great Patriotic war (June 1941-1945): dis. ... Cand. east. sciences'. – Tomsk, 1971. – 216 p.
2. Blinova V. V. The activities of the NKVD of the southern Urals during the great Patriotic war: abstract. dis. ... Cand. istor. sciences'. – Orenburg, 2008. – 30 p.
3. Gogin A. A. To the question of some aspects of the Soviet legislation of the period of the great Patriotic war // Vector of science TSU. Series: Legal Sciences. – 2015. – No. 3 (22). – P. 12–16.
4. Golubykh N. V., Chashnikov V. A. The activities of the police in the Urals during the great Patriotic war // Bulletin of the Ural law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2015. – No. 2. – P. 2–7.
5. Ippolitov P. L. Realization of the function of protection of the Fatherland in the organization and activity of local authorities in Western Siberia during the great Patriotic war (1941–1945). : dis. ... Cand. the faculty of law. sciences'. – Moscow, 2006. – 203 p.
6. Snegirev, L. I. the Composition of the population evacuated to the West Siberian rear during the great Patriotic war // Bulletin of TSPU. – 2015. – No. 2 (155). – P. 38–43.
7. Tarasova L. ya. Activity of bodies of education and medicine to combat child homelessness and neglect during the great Patriotic war // Bulletin of the Altai Academy of Economics and law. – 2010. – No. 3. – P. 54–56.
8. Khmeleva A.V. Pages of history: investigation during the great Patriotic war // Bulletin Of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. – 2015. – No. 2 (4). – P. 42–47.
9. Shatilov S. P., Shatilova O. A. law Enforcement activity during the great Patriotic war // Bulletin of the Altai Academy of Economics and law. – 2007. – No. 11. – P. 69–73.
10. Shevlyakov A. S. Political control over the collective farm peasantry during the great Patriotic war (on the materials of Siberia) // Vestnik of Tomsk state University. History. – 2013. – No. 6 (26). – P. 48–53.

УДК 342.7

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-49-58

Васильева Наталья Викторовна
зав. кафедрой предпринимательского
и финансового права Байкальского
государственного университета
доктор юридических наук, доцент
E-mail: nativi@yandex.ru

Vasilyeva Natalia Viktorovna
Head of Business and Financial Law
Department, Baikal State University
Doctor of Law, Associate Professor
E-mail: nativi@yandex.ru)

Праскова Светлана Васильевна
старший научный сотрудник Института
правовых исследований Байкальского
государственного университета
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: savap@mail.ru)

Praskova Svetlana Vasilyevna
Senior Researcher of the Institute of Legal
Research, Baikal State University
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: savap@mail.ru)

Пятковская Юлия Валерьевна
профессор кафедры предпринимательско-
го и финансового права Байкальского
государственного университета
доктор юридических наук, доцент
E-mail: julart@yandex.ru)

Pyatkovskaya Yulia Valeryevna
Professor of Business and Financial
Law Department, Baikal State University
Doctor of Law, Associate Professor
E-mail: julart@yandex.ru)

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Введение: статья посвящена исследованию легального закрепления принципа свободы предпринимательской деятельности. Проанализированы конституционные нормы различных государств с целью выявления моделей конституционного закрепления принципа свободы предпринимательской деятельности. Проведено исследование положений Конституции Российской Федерации и отраслевого законодательства, позволяющее сформулировать выводы о значении конституционного закрепления обозначенного принципа.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составили общенаучные методы диалектического познания правовой действительности, системно-структурный, формально-логический, позволяющие логически осмыслить содержание законодательных положений о свободе предпринимательской деятельности, а также частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, сравнительно-исторический, позволяющие выявить особенности в закреплении составляющих принципа свободы предпринимательской деятельности.

Результаты исследования: авторы пришли к выводу, что принцип свободы предпринимательской деятельности является интегрированным (надотраслевым) принципом права. Он находит свое закрепление в совокупности положений Конституции Российской Федерации. К содержанию рассматриваемого принципа можно отнести такие принципы гражданского законодательства, как неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств.

Выводы и заключения: исходя из выявленного Конституционным судом Российской Федерации универсального (интегрированного) характера принципа свободы предпринимательской деятельности, его закрепление в рамках отраслевого законодательства представляется невозможным. В этой связи обосновано его отражение в ряде конституционных положений, что позволяет, с одной стороны, регулировать свободу предпринимательства в рамках более универсальных конституционных принципов – свободы экономической деятельности, единства экономического пространства и т.п., с другой – применять данный принцип в качестве основы ряда отраслей российского законодательства.

Ключевые слова: конституционные принципы, принципы гражданского права, свобода экономической деятельности, предпринимательская деятельность.

ON THE IMPORTANCE OF THE CONSTITUTIONAL REGULATION OF THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF BUSINESS

Introduction: the article is devoted to the study of the legal consolidation of the principle of freedom of entrepreneurial activity. The article analyzes the constitutional norms of various states in order to identify models of constitutional consolidation of the principle of freedom of entrepreneurial activity. A study of the provisions of the Constitution of the Russian Federation and sectoral legislation is carried out, which allows formulating conclusions about the meaning of the constitutional consolidation of the indicated principle.

Materials and Methods: the methodological basis of the study was made up of general scientific methods of dialectical cognition of legal reality, systemic-structural, formal-logical, allowing to logically comprehend the content of legislative provisions on freedom of entrepreneurial activity, as well as specific scientific methods: formal legal, comparative legal, comparative-historical, allowing to identify the features in the consolidation of the components of the principle of freedom of entrepreneurial activity.

Results of the Study: the authors came to the conclusion that the principle of freedom of entrepreneurial activity is an integrated (supra-branch) principle of law. This principle is consolidated in the totality of the provisions of the Constitution of the Russian Federation. The content of the principle under consideration includes such principles of civil law as inviolability of property, freedom of contract, inadmissibility of arbitrary interference by anyone in private affairs, free movement of goods, services and financial resources.

Findings and Conclusions: based on the universal (integrated) nature of the principle of freedom of entrepreneurial activity revealed by the Constitutional Court of the Rus-

sian Federation, its consolidation within the framework of sectoral legislation seems impossible. In this regard, its reflection in a number of constitutional provisions is justified, which allows, on the one hand, to regulate the freedom of entrepreneurship within the framework of more universal constitutional principles - freedom of economic activity, the unity of economic space, etc., on the other hand, it allows apply this principle as the basis for a number of branches of Russian legislation.

Key words: constitutional principles, principles of civil law, freedom of economic activity, entrepreneurial activity.

Конституционная реформа 2020 г. и следующие за ней изменения законодательства Российской Федерации являются серьезным вызовом для отечественной юриспруденции, поскольку во многом призывают переосмыслить, казалось бы, фундаментальные начала права. И хотя сами конституционные изменения практически не коснулись сферы экономической деятельности хозяйствующих субъектов, представляется важным оценить правовое регулирование основ предпринимательской деятельности с позиций их конституционной природы.

В науке справедливо отмечается, что предпринимательская деятельность является фундаментальной категорией и базисом для многих наук [11]. Однако в рамках юриспруденции принцип свободы предпринимательской деятельности относится исследователями к числу фундаментальных начал частного права. Обычно он рассматривается как отраслевой принцип гражданского права, хотя его легальным закреплением, прежде всего, признаются положения ст. ст. 8 и 34 Конституции Российской Федерации¹, в то же время в качестве основного начала гражданского законодательства свобода предпринимательской деятельности прямого воплощения в статье 1 Гражданского кодекса Российской Федерации² не получила.

В отечественной науке существуют различные мнения о необходимости легального закрепления основного начала для его признания принципом права. Чаще всего жесткая детерминированность принципа права его законодательным воплощением отрицается. Проблема закрепления принципов права в законодательстве, иных источниках права в науке решается через: формальное закрепление, когда принцип непосредственно выражен в качестве отдельной правовой нормы; через следование из совокупности однородных норм; через следование из сущности сложившихся общественных отношений [3]. Однако при наличии легального воплощения формулировка закона играет решающую роль для определения содержания принципа. Кроме того, существенную роль в формализации принципа права играет Конституционный суд Российской Федерации, позиции которого зачастую не только раскрывают содержа-

¹ Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

² Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. от 08.12.2020 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. (Далее по тексту – ГК РФ).

ние конституционных положений, но и формируют принципиально новые принципы, которые служат систематизирующим началом для законодательства¹.

В этой связи представляется важным проанализировать действующие положения Конституции Российской Федерации на предмет закрепления принципа свободы предпринимательской деятельности, в том числе, в их истолковании Конституционным судом Российской Федерации.

Закрепление свободы предпринимательской деятельности в отечественном законодательстве имеет сложную историю, что объясняется отказом от принципов рыночной экономики в советский период и запретом на любую инициативную экономическую деятельность частных лиц. Поэтому первая попытка дать конституционную основу свободной инициативной хозяйственной деятельности в условиях перехода к рыночной экономике была предпринята еще в 1990 г. при внесении изменений в ст. 17 Конституцию РСФСР². В новой редакции в ч. 1 данной статьи провозглашалось, что РСФСР создает условия и поощряет хозяйственную инициативу, направленную на динамичное развитие производства, рост производительности труда и повышение благосостояния общества и каждого труженика.

При создании текста действующей Конституции Российской Федерации ее авторы уделили особое внимание основам хозяйственной деятельности, закрепив их и в качестве основ конституционного строя, и в качестве прав человека и гражданина. Так, ч. 1 ст. 8 гарантирует свободу экономической деятельности в Российской Федерации, а ч. 1 ст. 34 закрепляет право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Таким образом, одновременно два конституционных положения, не подлежащих изменению иначе, как путем пересмотра Конституции Российской Федера-

¹ Так, именно в позициях Конституционного суда Российской Федерации был сформулирован принцип поддержания доверия к закону и действиям публичной власти. Конституционную основу данного принципа Суд находит в конституционных принципах юридического равенства и справедливости в правовом демократическом государстве, поскольку они требуют не только правовой определенности, но и предсказуемости правового регулирования. Принцип поддержания доверия к закону и действиям государства применяется Конституционным судом Российской Федерации и к сфере предпринимательской деятельности, что обусловлено несовместимостью свободы предпринимательской деятельности с произвольными, нарушающими нормальный (сложившийся) режим хозяйствования, решениями и действиями органов публичной власти (см., напр.: По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 391 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Парус»: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 28 февр. 2019 г. № 13-П // СЗ РФ. 2019. № 10. Ст. 1045; По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 15 и статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и части первой статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.С. Машукова: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 2 июля 2020 г. № 32-П // Там же. 2020. № 28. Ст. 4498.

² Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) РСФСР: закон РСФСР от 15 дек. 1990 г. № 423-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 29. Ст. 395.

ции, прямо гарантируют свободу инициативной хозяйственной деятельности. Однако, с одной стороны, содержание приведенных норм выходит далеко за пределы сферы предпринимательства, поскольку экономическая деятельность подразумевает собой не только предпринимательскую, но и любую другую производственную деятельность, деятельность, связанную с распределением и перераспределением, а также отчасти с потреблением производимого продукта. С другой – они являются конституционной основой и для иных принципов. Например, в рамках предпринимательского права положения ч. 1 ст. 34 Конституции Российской Федерации связываются не только со свободой предпринимательской деятельности, но и с принципом имущественной ответственности по предпринимательско-правовым обязательствам, возникающим в процессе ведения хозяйственной деятельности [6, с. 42].

Кроме того, свобода предпринимательской деятельности неразрывно связана и с иными положениями Конституции Российской Федерации: единство экономического пространства (ч. 1 ст. 8), равенство форм собственности (ч. 2 ст. 8), свобода передвижения (ч. 1 ст. 27), свобода труда (ч. 1 и 2 и ст. 37), гарантирующими возможность вести совместную экономическую деятельность в любой разрешенной организационно-правовой форме, право иметь в собственности имущество. Таким образом, обозначенные нормы Конституции Российской Федерации именно в своей совокупности создают свободу в определении организационных и имущественных основ осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности.

Исходя из изложенного, следует признать, что принцип свободы предпринимательской деятельности не находит своего прямого закрепления в Конституции Российской Федерации, а вытекает из совокупности ее положений. Такая модель конституционно-правового закрепления принципа свободы предпринимательской деятельности – «через регулирование совокупности отдельных составляющих его элементов» – не является уникальной российской особенностью, она используется в конституциях и других государств. Так, в Конституции Боливарианской Республики Венесуэла от 30 декабря 1999 г. в ст. 112 главы VIII «Экономические права» провозглашается свобода экономической деятельности, свободы труда, предпринимательства, торговли, промышленности [5, с. 6]. В Конституции Финляндии от 11 июня 1999 г. закрепляется лишь право собственности. В Союзной конституции Швейцарской конфедерации от 18 апреля 1999 г. провозглашается свободный выбор профессии, свободное осуществление экономической деятельности [12, с. 49].

Непосредственное закрепление конституционными актами принципа свободы предпринимательской деятельности встречается крайне редко. В качестве примера можно привести, пожалуй, положения Конституции Испанского королевства от 27 декабря 1978 г., которыми гарантируется свобода предпринимательства в рамках рыночной экономики.

Как представляется, отсутствие прямого закрепления принципа свободы предпринимательской деятельности на уровне основного закона в большинстве стран мира не является случайным. Это тенденция, которая обусловлена рядом факторов. В первую очередь можно предположить, что отсутствие прямого конституционного закрепления свидетельствует об отраслевой природе принципа свободы предпринимательской деятельности. И, являясь частным проявлением свободы экономической деятельности, свобода предпринимательства подлежит легальному оформлению в отраслевом кодифицированном акте.

Однако в российском законодательстве прямое закрепление принципа свободы предпринимательской деятельности отсутствует и на отраслевом уровне. Как было упомянуто выше, ст. 1 ГК РФ не упоминает свободу предпринимательской деятельности в числе основных начал гражданского законодательства. В науке зачастую высказывается мнение о закреплённости данного принципа легальным определением предпринимательской деятельности [8, с. 217], но вопрос остается дискуссионным. Статья 2 ГК РФ при определении предпринимательской деятельности говорит о ее самостоятельности, а не о свободе, а эти понятия неравнозначные. Свобода представляет собой способность действовать в соответствии со своими интересами и целями¹, возможность действовать по-своему; отсутствие подчинения чужой воле². Без свободы деятельности невозможно достичь желаемых результатов, поскольку свобода – это всегда возможность выбора одного из многих вариантов поведения в конкретных условиях, в том числе выбора пути экономического развития в целях удовлетворения потребностей соответствующих субъектов [9, с. 114]. Категория «самостоятельность» имеет несколько иное значение. Самостоятельность предполагает возможность действовать и принимать решения без постороннего вмешательства, в связи с чем представляется оправданной позиция ряда авторов, полагающих, что самостоятельность представляет собой элемент свободы – «персонифицированную свободу» [9, с. 121]. Полагаем, что самостоятельность предпринимательской деятельности является составляющей ее свободы, но не тождественной категорией.

Отсутствие принципа свободы предпринимательской деятельности в числе начал гражданского законодательства вряд ли можно признать случайностью. Для частного права принципы имеют не только теоретическое системообразующее значение, но и во многом выполняют прикладные функции [4, с. 240], прежде всего, используются судами при толковании конкретных норм права, а также непосредственно для разрешения конкретных ситуаций. Так, Г. Ф. Шершеневич писал, что с помощью основных начал мы предугадываем частные правила на не предусмотренные законодателем случаи [10, с. 13]. А принцип свободы предпринимательской деятельности достаточно активно используется в судебно-арбитражной практике для обоснования как позиции стороны правоотношения, так и принимаемого судом решения. Многочисленные судебные акты обосновывают право предпринимателя, выступающего налогоплательщиком в споре, осуществлять свою деятельность самостоятельно и на свой риск, единолично оценивать ее эффективность и целесообразность на основании принципа свободы экономической деятельности, закреплённого в ч. 1 ст. 8 Конституции Российской Федерации³.

¹ URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/100/344.htm>

² URL: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/db88ecce-fb5a-4296-a95d-12a6253acf3d/42.html>

³ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 30 нояб. 2007 г. по делу № А82-18965/2005-15; Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 30 июля 2010 г. по делу № А46-18828/2009; Постановление ФАС Поволжского округа от 15 июня 2010 г. по делу № А06-7441/2009; Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 20 марта 2013 г. по делу № А11-3202/2012; Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 19 сент. 2014 г. № 08АП-8177/2014 по делу № А46-16555/2013.

Как представляется, причина отсутствия легального закрепления принципа свободы предпринимательской деятельности в гражданском законодательстве кроется в другом – его комплексной природе. Так, в научной литературе в принцип свободы предпринимательской деятельности включаются отчасти такие конституционные принципы, как право на свободу труда [7, с. 62]; признания многообразия и юридического равенства форм собственности; единства экономического пространства [1, с. 6]. В равной же степени к содержанию рассматриваемого принципа относят и такие основные начала гражданского законодательства, как неприкосновенность собственности, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, дозволимый принцип, принцип свободы конкуренции и др. [2, с. 5]. Одновременно все приведенные принципы относятся не только к предпринимательской, но и к иным сферам человеческой деятельности. Так, принцип свободы труда применяется, прежде всего, в сфере наемного труда, в силу чего является базовым для трудового права. Свобода и равенство форм собственности является базовым для всех видов экономической деятельности в рамках модели рыночной экономики, и в равной степени обуславливает основы экономического положения предпринимателей, физических лиц, некоммерческих организаций и публично-правовых образований. Таким образом, свободу предпринимательской деятельности нельзя поставить в один ряд с принципами гражданского законодательства, закрепленными в п. 1 ст. 1 ГК РФ, поскольку ее содержание частично совпадает с содержанием иных принципов гражданского права.

Этот вывод подтверждается позицией Конституционного суда Российской Федерации, который в своем определении от 7 февраля 2012 г. № 276-О-О¹ указывает, что свобода экономической деятельности по смыслу Конституции Российской Федерации предполагает, прежде всего, свободу предпринимательства, которая представляет собой универсальный (интегрированный) конституционно-правовой принцип, объединяющий несколько относительно самостоятельных принципов правового регулирования отношений в сфере предпринимательской деятельности (принцип свободы договора, общедозволимый принцип, принцип свободы конкуренции и др.).

Одновременно свобода предпринимательской деятельности не является началом, характерным исключительно для гражданского права. Инициативная коммерческая деятельность хозяйствующих субъектов является объектом регулирования зако-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Столяровой Натальи Андреевны на нарушение ее конституционных прав абзацем первым Перечня услуг транспортных, снабженческо-сбытовых и торговых организаций, по которым органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации предоставляется право вводить государственное регулирование тарифов и надбавок, в системной связи с положениями указа Президента Российской Федерации «О мерах по упорядочению государственного регулирования цен (тарифов)», а также пунктом 3 части 2 статьи 2 закона Республики Саха (Якутия) «О наделении органов местного самоуправления в Республике Саха (Якутия) отдельными государственными полномочиями по государственному регулированию цен (тарифов)»: определение Конституционного суда Российской Федерации от 7 февр. 2012 г. № 276-О-О // Вестник Конституционного суда РФ. 2012. № 5.

нодательства о лицензировании, о защите конкуренции, о контрольно-надзорной деятельности, налогового законодательства и иных структурных элементов публичного законодательства. Конституционный суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал недопустимость чрезмерного ограничения свободы предпринимательской деятельности при осуществлении разрешительной, контрольной деятельности государства, а также при формировании публичных финансов. Сама возможность таких ограничений согласно его позициям должна обуславливаться необходимостью защиты конституционно значимых ценностей¹. В этом смысле свобода предпринимательской деятельности в равной степени выступает основным началом административного и финансового права.

Как представляется, такой комплексный (интегрированный) характер рассматриваемого принципа обусловлен характером предпринимательской деятельности. Свобода предпринимательства является основным началом именно деятельности, а не сферы однородных общественных отношений. А предпринимательская деятельность, не являясь экономической или профессиональной разновидностью человеческой деятельности, затрагивает множество разнородных общественных сфер и в силу этого подпадает под регулирование множества отраслей права. Одновременно она не настолько всеобъемлюща, чтобы пронизывать все сферы общественных отношений и выходить на уровень конституционных правоотношений. Поэтому принцип свободы предпринимательской деятельности является лишь одним из проявлений конституционного принципа свободы экономической деятельности, но не может быть отнесен к числу отраслевых принципов. Не может быть этот принцип отнесен и к числу межотраслевых принципов в том смысле, как это классически трактуется в рамках теории права, поскольку он не является одним из отраслевых принципов, характерным для нескольких смежных отраслей. Скорее, используя аналогию с отраслевой структурой права, данный принцип можно назвать комплексным (надотраслевым). Иначе говоря, это начало, базирующееся на положениях ряда конституционных и отраслевых принципов, частично пересекающееся с ними по содержанию, и характерное для совокупности норм права, регулирующих особый вид человеческой деятельности – предпринимательскую деятельность.

В силу такого своего содержания свобода предпринимательской деятельности и не находит своего прямого закрепления ни на уровне конституционных норм, ни в отраслевом законодательстве. Более того, ее закрепление в качестве сугубо конституционного или отраслевого принципа представляется нецелесообразным. Одновремен-

¹ См., напр.: По делу о проверке конституционности отдельных положений части второй статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Д. Егорова и Н.В. Чуева: постановление Конституционного суда РФ от 16 июля 2004 г. № 14-П // СЗ РФ. 2004. № 30. Ст. 3214; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Ремонтно-реставрационные работы» на нарушение конституционных прав и свобод абзацами четвертым и пятым пункта 10 статьи 89, абзацем вторым пункта 4 статьи 101 и подпунктом 3 пункта 3 статьи 140 Налогового кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 27 февр. 2018 г. № 527-О // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).

но полное отсутствие легального закрепления породило бы затруднения в судебной практике. В этой связи существующее в настоящий момент закрепление различных составляющих принципа свободы предпринимательской деятельности в ряде положений Конституции Российской Федерации представляется необходимым и достаточным его легальным воплощением.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Абакумова Е.Б. Ограничения конституционной свободы предпринимательской деятельности в Российской Федерации // Право и экономика. – 2019. – № 10. – С. 5–10.
2. Белых С.В. Свобода предпринимательской деятельности как конституционно-правовая категория в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004. – 24 с.
3. Берестенников А.Г. Сущность принципов права: теоретические проблемы понимания // Baikal Researcher Journal. – 2016. – Т. 7. – № 3.
4. Волос А.А. Принципы гражданского права и их аксиология // Известия Байкальского государственного университета. – 2017. – Т. 27. – № 2. – С. 238–245.
5. Конюхова И.А. О формировании права мира и его конституционно-правовых основ в современную эпоху // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 2. – С. 2–8.
6. Лаптев В.А. Конституция России как основной источник предпринимательского права // Lex Russica. – 2015. – № 6. – С. 39–47.
7. Малинин А.А. Право на свободу предпринимательской деятельности: понятие, содержание и проблемы реализации // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 9. – С. 61–64.
8. Попондопуло В.Ф. Коммерческое (предпринимательское) право: учебник. – Москва: Юристъ, 2003. – 668 с.
9. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / отв. ред. Е.П. Губин. – Москва: Юстицинформ, 2019. – 664 с.
10. Шершеневич Г.Ф. Задачи и методы гражданского правоведения. – Казань, 1898. – 46 с.
11. Якимова Е.М. К вопросу о фундаментальности предпринимательской деятельности как научной категории // Baikal Researcher Journal. – 2018. – Т. 9. – № 1.
12. Якимова Е.М. Концепция свободы предпринимательской деятельности как элемент экономической основы конституционного строя в России и в мире: поиск оптимального решения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 1. – С. 47–51.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Abakumova E.B. Restrictions on the constitutional liberty of entrepreneurial activity in the Russian Federation // Law and Economics. – 2019. – № 10. – P. 5–10.

2. Belyh S.V. Liberty of entrepreneurial activity as a constitutional and legal category in the Russian Federation: abstract of the dissertation of the candidate of legal sciences. – Ekaterinburg, 2004. – 24 p.
3. Berestennikov A.G. The essence of the principles of law: theoretical problems of understanding // *Baikal Researcher Journal*. – 2016. – V. 7. – № 3.
4. Volos A.A. Principles of civil law and their axiology // *Bulletin of Baikal state university*. – 2017. – V. 27. – № 2. – P. 238–245.
5. Konyuhova I.A. On the formation of the law of the world and its constitutional and legal foundations in the modern era // *Public and private international law*. – 2010. – № 2. – P. 2–8.
6. Laptev V.A. The Constitution of Russia as the main source of business law // *Lex Russica*. – 2015. – № 6. – P. 39–47.
7. Malinin A.A. The right to freedom of entrepreneurial activity: concept, content and problems of implementation // *Constitutional and municipal law*. – 2019. – № 9. – P. 61–64.
8. Popondopulo V.F. Commercial (business) law: book. – Moscow: YUrist, 2003. – 668 p.
9. Business Law of Russia: results, trends and ways of development: monograph / executive editor E.P. Gubin. – Moscow: YUsticinform, 2019. – 664 p.
10. SHershenevich G.F. Objectives and methods of civil law. – Kazan', 1898. – 46 p.
11. YAKimova E.M. On the question of the fundamental nature of entrepreneurial activity as a scientific category // *Baikal Researcher Journal*. – 2018. – V. 9. – № 1.
12. YAKimova E.M. The Concept of Freedom of Entrepreneurial Activity as an element of the Economic basis of the Constitutional system in Russia and in the world: the search for an optimal solution // *Journal of foreign legislation and comparative law*. – 2018. – № 1. – P. 47–51.

УДК 342

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-59-69

Шелегов Юрий Владимирович
доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин Восточно-
Сибирского института МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: shelegoff@list.ru

Shelegov Yury Vladimirovich
Associate Professor of State and Legal Dis-
ciplines Department of the East-Siberian In-
stitute of the Ministry of Internal Affairs of
the Russian Federation, Candidate of Law
E-mail: shelegoff@list.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В МЕХАНИЗМЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Введение: в статье рассматриваются научные подходы к пониманию роли решений Конституционного суда РФ в отечественной правовой системе, высказывается мнение о том, что данные решения являются источником права и регуляторами общественных отношений. Также в статье анализируется роль решений Конституционного суда в развитии права, укреплении конституционных ценностей, восполнении пробелов в праве и контроле соответствия решений международных организаций Конституции Российской Федерации. В подтверждение доводов приводятся правовые позиции Конституционного суда, характеризующиеся признаками источников права.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, конституционно-правовое законодательство, решения Конституционного суда РФ, научные исследования в области конституционного права. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, а также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы, приемы сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: позволили уточнить отдельные положения, относящиеся к праворегулирующей функции Конституционного суда, раскрыть содержание и практическое значение его праворегулирующей деятельности в недопущении негативных последствий решений Европейского суда по правам человека, укреплении конституционных ценностей, устранении пробелов в законодательстве.

Выводы и заключение: решения Конституционного суда РФ являются источником права и активно осуществляют правовую регуляцию конституционно-правовых отношений. Непризнание регулятивной функции Конституционного суда противоречит объективно существующим фактам. Позитивистский подход правопонимания, несмотря на всю его логичность и обоснованность, не позволяет объяснить сложившуюся ситуацию с ролью решений Конституционного суда Российской Федерации в механизме правового регулирования общественных отношений. Правовой анализ постановлений Конституционного суда РФ позволил сделать выводы о его чрезвычайно важной роли в

охране конституционного строя, развитию конституционных ценностей, их защите от внутренних и внешних угроз. В то же время отмечается, что признание неконституционными тех или иных норм права или нормативно-правовых актов ведет к появлению пробелов в праве, сроки устранения которых, по мнению авторов, должны быть установлены на уровне федерального законодательства.

Ключевые слова: Конституционный суд, Конституция, конституционное право, пробелы в законодательстве, конституционный контроль.

THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE MECHANISM OF CONSTITUTIONAL LEGAL REGULATION

Introduction: the article deals with scientific approaches to understanding the role of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the domestic legal system, the opinion is expressed that these decisions are a source of law and regulators of public relations. The article also analyzes the role of decisions of the Constitutional Court in the development of law, strengthening constitutional values, filling gaps in the law and regulating the implementation of decisions of international bodies in the Russian Federation. The article presents the legal positions of the Constitutional Court, characterized by the features of sources of law.

Materials and Methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, constitutional and legal legislation, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, scientific research in the field of constitutional law.

The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as the methods of logical deduction, induction, cognitive methods, methods of comparison, analysis, generalization and description.

Results of the Study: made it possible to clarify certain provisions related to the law-regulating function of the Constitutional Court, revealed the content and practical significance of its law-regulating activities in preventing the negative consequences of decisions of the European Court of Human Rights, strengthening constitutional values, eliminating gaps in legislation.

Findings and Conclusions: the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation are a source of law and actively implement the legal regulation of constitutional and legal relations. Failure to recognize the regulatory function of the Constitutional Court contradicts objectively existing facts. The positivist approach of legal thinking, despite all its consistency and validity, does not allow explaining the current situation with the role of the decisions of the Constitutional Court in the Russian Federation. The analyzed decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation made it possible to draw conclusions about its extremely important role in the protection of the constitutional order, the development of constitutional values, and their protection from internal and external threats. At the same time, it is noted that the recognition of certain norms of law or regulatory legal acts as

unconstitutional leads to the appearance of gaps in the law, the deadlines for the elimination of which, according to the authors, should be established at the level of federal legislation.

Key words: Constitutional court, Constitution, constitutional law, gaps in legislation, constitutional control.

Конституция России – основа правовой системы государства, она является тем фундаментом, на котором базируется все отрасли российского права. Именно Конституция и другие источники конституционного права регулируют взаимоотношение личности и государства, обеспечивают правовое единство государства, стабильность социальных процессов. Безусловно, конституционно-правовое регулирование играет определяющую роль в развитии государства и гражданского общества. Тем не менее, конституционно-правовое регулирование не может быть обеспечено исключительно законами и подзаконными актами. Регулирование общественных отношений представляет собой непрерывный процесс, поэтому кроме Конституции, законов и подзаконных актов в Российской Федерации предусмотрен механизм оперативного вмешательства в конституционно-правовое регулирование – Конституционный суд Российской Федерации. Однако не все ученые полагают, что Конституционный суд выполняет функцию правового регулирования общественных отношений, утверждая, что он является источником официального толкования Конституции и органом конституционного контроля.

Вопрос о выполнении Конституционным судом функции конституционно-правового регулирования является дискуссионным и, соответственно, не имеет единого доктринального понимания. Одни ученые, опираясь в своих рассуждениях на позитивистский подход к пониманию права и источников права, утверждают, что решения Конституционного суда не стоит считать источником права [2, с. 64; 12, с. 110]. Другие полагают, что не стоит опираться на формальные критерии при рассмотрении праворегулирующей функции Конституционного суда и призывают смотреть на вещи объективно без формалистских предрассудков. Эта проблема напрямую связана с признанием или отрицанием решений Конституционного суда в качестве источника конституционного права, поскольку источник права обеспечивает регуляцию общественных отношений, в то время как источник толкования лишь разъясняет готовые нормы права и особенности их реализации. Сторонники праворегулирующей функции Конституционного суда призывают опираться в размышлениях по данному вопросу не на мнения авторитетных авторов, а на практику, на реальное положение вещей. Каждодневно растет число сборников судебной практики Конституционного суда, судьи и другие правоприменители в своих решениях ссылаются на правовые позиции Конституционного суда РФ. Если научная доктрина и судебные прецеденты являются источниками права лишь в англосаксонской правовой системе, то почему отечественный правоприменитель ссылается на прецеденты? Само наличие и востребованность подобных сборников решений Конституционного суда говорит о важности судебного прецедента в отечественной правовой системе [6, с. 95–96]. Полагаем, что решения Конституционного суда стали полноценным источником права и являются важнейшим рычагом конституционно-правового регулирования и правового регулирования общественных отношений в целом.

В связи с этим можно полагать, что трансформация значения правовых позиций высших судебных органов обусловлена, в том числе процессом глобализации в сфере права. Внешние политические и экономические процессы оказали значительное влияние на правовую систему Российской Федерации в 90-е и начале 2000-х гг., когда ряд нормативных актов разрабатывались с привлечением иностранных специалистов, преимущественно из стран англосаксонской правовой семьи.

В странах романо-германской правовой семьи прецедентное право также стало применяться. Акты официального толкования высших судебных органов переходят де факто в разряд источников права, при помощи которых активно осуществляется правовое регулирование общественных отношений. В то же время в странах англосаксонской правовой семьи наблюдаются определенные трансформации, связанные с влиянием романо-германской правовой системы. Всё большее значение в указанных странах приобретает статутное право, появляются новые кодексы. В связи с этим А.А. Петров, обоснованно отмечает, что в результате глобализации происходит взаимообогащение национальных правовых систем новыми источниками права исторически им не свойственными [14, с. 107].

В настоящее время активно обсуждается вопрос роли Европейского суда по правам человека в правовых системах стран, ратифицировавших Европейскую конвенцию по правам человека. Некоторые авторы полагают, что решения Европейского суда по правам человека являются источником не только международного права, но и национального права стран участниц Европейской конвенции по правам человека [8, с. 32]. Оппоненты полагают, что данные акты лишь обладают признаками регулирующего характера, но не являются источниками права и, соответственно, не являются самостоятельными регуляторами общественных отношений [5, с. 141]. Безусловно, с позитивистских позиций решение ЕСПЧ не может быть источником права, но тем не менее оказывает известное воздействие на развитие правовых систем. Государства-участники Конвенции стремятся соответствовать Европейским стандартам обеспечения прав человека по причине нежелания производить постоянные выплаты своим гражданам, обратившимся в ЕСПЧ с жалобой на несоответствие той или иной нормы Конвенции, которая влечет нарушение их прав. Да и сам факт частых судебных решений прав человека тем или иным государством не придает авторитета на международной арене. Таким образом, имеют место два фактора активного влияния ЕСПЧ на национальное право государств – экономический и политический.

Дискуссионным является и вопрос о роли постановлений Пленума Верховного суда РФ в отечественной правовой системе. Что представляет собой обобщение судебной практики? Почему суды Российской Федерации в своих решениях ссылаются на постановления Пленума Верховного суда? Вопросов много, а ответы зависят от того, как та или иная научная школа понимает право и его источники. Считаем, что постановления Пленума Верховного суда обладают признаками правового регулирования. Постановления Пленума распространяются на неопределенный круг лиц, предназначены для многократного применения и имеют общеобязательный характер.

Некоторые ученые обоснованно полагают, что использование позиции высших судебных органов в качестве регуляторов общественных отношений несет определенную угрозу в вопросах реализации и защиты прав и свобод человека [11, с. 10]. По нашему мнению, эти опасения не безосновательны.

Однако нельзя и оспаривать тот факт, что в странах англосаксонской правовой семьи судебный прецедент функционирует не одно столетие и достаточно успешно, имея ряд преимуществ перед статутным правом. В первую очередь – это, конечно же, оперативность восстановления пробелов в праве.

Конечно, в России официально не признается за судебными прецедентами высших судебных органов свойство правового регулирования, не признается и нормативный характер позиций, содержащихся в решениях высших судебных органов. Но признание или не признание – формальная составляющая вопроса, а вот реальное влияние на правоприменительную практику указанных решений и позиций в них содержащихся – объективный аргумент в пользу признания за высшими судебными органами, и в частности за решениями Конституционного суда РФ праворегулирующего характера.

Сторонники позитивистского подхода за позициями Конституционного суда не признают нормативного характера, поэтому нельзя признать и его праворегулирующую функцию и считать источником права [5, с. 142–143].

Безусловно, они логичны в своих рассуждениях и понимают право как совокупность общеобязательных норм, установленных и санкционированных государством и относят к таковым законы и подзаконные нормативные правовые акты. Однако полагаем, что такой подход не учитывает значение судебной практики высших судебных органов как формы права, которая, без сомнения, регулирует общественные отношения, и правоприменительная практика тому подтверждение. Как справедливо отмечает С. С. Алексеева, судебная практика относится к элементам правовой системы и можно считать, что это именно праворегулирующий элемент [1, с. 86–91]. Для того, чтобы определиться с наличием признака праворегулирования в решениях Конституционного суда РФ нужно отталкиваться от наличия в решениях нормативного характера, свойственного нормам права и нормативным актам.

Можно предположить, что решениям Конституционного суда свойственны основные признаки источников права. Правовые позиции Конституционного суда РФ отражают волю государства, в форме судебного решения органа конституционного контроля уполномоченного на то государством.

Именно государство уполномочило орган конституционного контроля на реализацию деятельности по оценке конституционности нормативно-правовых актов, на разрешение конфликтов между субъектами конституционного права, на разъяснение особенностей применения той или иной нормы конституционного права. И как показывает практика, зачастую эти разъяснения выходят за рамки толкования и формируют именно прецедент, правовую позицию Конституционного суда по тому или иному вопросу.

Второй важный признак решений Конституционного суда РФ – это их общеобязательный характер для правоприменительных и законодательных органов.

В.Д. Зорькин отмечает, что решения Конституционного суда обладают качеством регулятора определенного вида общественных отношений, определенными внутренними свойствами, поскольку выполняют роль нормативной основы в правовой системе, а также служат ориентиром в правотворчестве и правоприменении. [9, с. 119].

В юридической науке сформулированы следующие признаки средств правового регулирования общественных отношений. Общеобязательность актов, осуществляющих правовое регулирование, предназначение акта неопределенному кругу лиц, многократность применения акта, регулирующая общественные отношения норма устанавливается впервые и имеет правовой характер; правило поведения содержится в диспозиции правовой нормы.

Таким образом, считаем, что решения Конституционного суда являются полноценными регуляторами общественных отношений и в целом соответствуют требованиям, предъявляемым к источникам права. Проблема лишь в законодательном установлении данной функции напрямую. Опосредованно же, через перечисленные признаки мы можем убедиться в состоятельности решений Конституционного суда как регулятора общественных отношений.

Рассмотрим теперь, каким образом Конституционный суд может осуществлять регуляцию через свои решения. Во-первых, это установление несоответствия нормы или нормативного правового акта Конституции РФ.

Конституционный суд в своих постановлениях должен отстаивать приоритет прав и свобод человека, утверждать этот принцип как правовую парадигму. В случае нарушения или попытки изменения парадигмы правовой реальности Конституционный суд должен пресечь эти попытки и отменить принятые органами законодательной власти нормы или целые нормативно-правовые акты. Это, по нашему мнению, не что иное, как одна из важнейших регулятивных функций Конституционного Суда. В данном случае суд осуществляет нормирование общественных отношений между личностью, обществом и государством [10, с. 5; 3, с. 9–10; 4, с. 457, 461, 471–472]. При образовавшемся в результате отмены акта пробеле права Конституционный суд предлагает дальнейшую регуляцию для субъектов права, Отсылая к прямому действию Конституции, к действию по аналогии закона или аналогии права.

Правотворческая роль Конституционного суда реализуется в тех случаях, когда он не только выявляет несоответствие норм права Конституции РФ, а выявив противоречия, дает свой вариант правильного разрешения имеющейся проблемы. Это может быть указание на норму права, которую необходимо применять в определенной ситуации, либо указание на принципы, которыми необходимо руководствоваться при принятии решения в случае отсутствия регулирующей нормы, указание на применение аналогии права, аналогии закона и т.д. Кроме того, Конституционный суд может создать самостоятельный регулятор в виде своего решения с принятием нового механизма реализации тех или иных прав, установить новых, не указанных в законе участников конституционно-правовых отношений (как это было с признанием права иностранных граждан обращаться в Конституционный суд. Полагаем, это полноценный прецедент в форме сформированного регулятора общественных отношений, в соответствии со всеми признаками последнего).

Указанные функции Конституционного суда позволяют ему при помощи издания своих правовых позиций в форме решений создавать прецеденты, являющиеся обязательными для исполнения правоприменителем, т.е. Конституционный суд РФ таким образом осуществляет правовое регулирование. Некоторые его регуляции

имеют временный характер и действуют до принятия определенных законов. Но, тем не менее, временный характер не умаляет роли Конституционного суда РФ в осуществлении конституционно-правового регулирования.

Если правоприменитель и законодатель руководствуются указанными решениями, что это, если не источник права? Ведь, как было отмечено, многие решения Конституционного суда далеко выходят за рамки толкования, поскольку напрямую не вытекают из нормы права. Так постановлением Конституционного суда РФ «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2002 год»¹ нормы ограничивающие максимальный размер выплат по беременности и родам были признаны несоответствующими Конституции РФ.

Конституционный суд предложил законодателю определить порядок выплат в соответствии с международным налоговым и трудовым правом, т.е. скоррелировать пособие по беременности со средней заработной платой, а также налоговой ставкой за последний период трудовой деятельности роженицы. Конституционный суд определил, что этот механизм обеспечивает равенство граждан, претендующих на получение государственных льгот. Правовое регулирование это или нет, но Конституционный суд РФ определил в своей правовой позиции то, как законодатель должен урегулировать правовые отношения. Своего рода регулятор правового регулирования.

Еще один важный механизм конституционно-правовой регуляции решениями Конституционного суда РФ – разъяснение значения той или иной правовой нормы, в случае если у правоприменителя нет единого понимания таковой или граждане не согласны с правоприменителем в понимании и разъяснении этой нормы. В таком случае Конституционный суд РФ без отмены нормы разъясняет ее в ряде случаев наполняя её содержанием, напрямую не вытекающим из текста нормы. Конституционный суд тем самым регулирует общественные отношения, исключая двоякое толкование, обеспечивает реализацию единой правоприменительной практики по определенной правовой ситуации.

Как было отмечено ранее, Конституционный суд РФ может использовать довольно специфические механизмы регуляции общественных отношений, отличающиеся от регуляции при помощи законов и подзаконных актов. Речь идет об указании на прямое действие Конституции в случае имеющегося пробела в праве, а также рекомендации руководствоваться в правоприменительной практике отмененными нормативными правовыми актами в той части, в которой они соответствуют Конституции до принятия нового акта. Временная регуляция, но регуляция.

Как пример отсылки Конституционного суда РФ к применению отмененного правового акта, можно привести его определение от 03 октября 2006 г. «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и по жалобе гражданки Степановой Ольги Алек-

¹ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 22 марта 2007 г. № 4–П по делу о проверке конституционности положения части первой статьи 15 федерального закона «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2002 год» в связи с жалобой гражданки Т.А. Баныкиной // СЗ РФ. 2007. № 14. Ст. 1742.

сандрованы на нарушение ее конституционных прав той же нормой»¹, в котором устанавливался принцип, заложенный в ранее действующем законе о порядке получения пенсии гражданами, осуществлявшими трудовую деятельность в тяжелых условиях. Таким образом Конституционный суд отстаивал принцип равенства граждан при распределении социальных благ независимо от того, есть действующая норма права, регулирующая определенный порядок, или нет.

Отдельного внимания заслуживает такая форма правового регулирования Конституционным судом РФ, как отсылка правоприменителя к применению права по аналогии. Например, норма правового акта отсылает правоприменителя к другому акту права, а тот еще не принят. В итоге могут быть значительно нарушены права граждан, а правоприменитель бессилён в противостоянии этому, поскольку самовольно не может принять меры не опираясь на источник права.

Конституционный суд РФ в своем определении от 9 апреля 2002 г. отмечает, что «пробел в правовом регулировании, сохраняющийся в результате бездействия органов государственной власти, не может служить непреодолимым препятствием для разрешения спорных вопросов, если от этого зависит реализация вытекающих из Конституции Российской Федерации прав и законных интересов граждан и организаций»². Приведенное определение послужило основой для разрешения налоговых споров в судебной практике [13, с. 68].

Праворегулирующая функция Конституционного суда РФ направляет правоприменителя на применение в определенных правовых ситуациях принципов соразмерности, справедливости и равенства.

Заложенные в Конституции гуманистические и демократические ценности реализуются во многом благодаря праворегулирующей функции Конституционного суда РФ. Конституция может провозглашать величайшие ценности человека, но ценности эти будут декларативными и не реализуемыми на практике. Примером тому является так называемая «Сталинская» Конституция, которая в свое время была одной из самых прогрессивных и демократических в мире. Однако нормы, содержащиеся в ней, носили формально-декларативный характер, де факто основополагающую роль в стране играли руководящие документы партии.

В настоящее время именно Конституционный суд РФ регулирует соответствие нормативных правовых актов Конституции РФ.

Говоря о роли Конституционного суда в механизме правового регулирования, нельзя не затронуть такой функции Конституционного суда РФ, как сохранение суве-

¹ Определение Конституционного суда Российской Федерации от 03 октября 2006 г. № 471-О по запросу Курчатковского городского суда Курской области о проверке конституционности пункта 3 статьи 27 федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и по жалобе гражданки Степановой Ольги Александровны на нарушение ее конституционных прав той же нормой» // СЗ РФ. 2007. № 5. Ст. 679.

² Определение Конституционного суда РФ от 9 апр. 2002 г. № 68-О по запросу Арбитражного суда Республики Карелия о проверке конституционности пункта 5 статьи 83 Бюджетного кодекса Российской Федерации, статей 4 и 11 закона РФ «О донорстве крови и ее компонентов» // Вестник КС РФ. 2002. № 4.

ренитета государства в области права, недопущение нарушений основ конституционного строя, законных интересов граждан государства решениями Европейского суда по правам человека.

Решение Европейского суда по правам человека может быть не реализовано по определению Конституционного суда в случае, если оно идёт вразрез с основами конституционного строя, заложенными в Конституции России.

Решая вопрос о приоритете национального права над международным, Конституционный суд сумел обеспечить сохранение суверенитета в области права и в тоже время не нарушить баланс внутренних и внешних интересов. Конституционный суд определил, что сама Конвенция является частью правовой системы Российской Федерации, однако акты толкования этой Конвенции, каковыми являются решения ЕСПЧ, не могут быть реализованы в Российской Федерации, если они не соответствуют Конституции РФ. В тоже время, Конституционный суд признает обязательность реализации решений ЕСПЧ в Российской Федерации, если они не противоречат Конституции страны.¹ Обязанность Конституционного суда РФ определять возможность реализации решений ЕСПЧ изначально была сформулирована в определении Конституционного суда, затем было закреплено в федеральном конституционном законе РФ «О Конституционном суде Российской Федерации» и в 2020 г. закреплена в Конституции РФ. Таким образом, правовое регулирование этого вопроса прошло три этапа и, учитывая важность и принципиальность вопроса, нашло отражение в конституционной норме.

Итак, подведем итоги. По нашему мнению, решения Конституционного суда РФ являются источником права и активно осуществляют правовую регуляцию правовых отношений. Непризнание регулятивной функции Конституционного суда противоречит объективно существующим фактам. Позитивистский подход правопонимания, несмотря на всю его логичность и обоснованность, не позволяет объяснить сложившуюся ситуацию с ролью решений Конституционного суда в Российской Федерации. Полагаем, что в современных реалиях нецелесообразно рассматривать право как систему норм, содержащихся только в нормативных правовых актах [7, с. 27], поскольку судебные прецеденты Конституционного суда обладают всеми признаками источника права.

Осуществляя правовое регулирование, Конституционный суд РФ выполняет сразу несколько важнейших для отечественного права функций. Во-первых, развивает в отдельных своих решениях ценности Конституции РФ; во-вторых, осуществляет регуляцию в сфере реализации в Российской Федерации решений международных органов; в-третьих, восполняет пробелы в законодательстве, отменяет нормы и нормативно-правовые акты Российской Федерации, которые противоречат Конституции РФ.

¹ Постановление Конституционного суда РФ от 19.01.2017 № 1–П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского суда по правам человека от 31 июля 2014 г. по делу «ОАО Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211287/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/

Говоря о последней функции, нужно отметить, что при ее реализации есть один существенный недостаток – порождение пробелов в праве, а вопрос сроков восполнения этих пробелов не урегулирован ни нормативно, ни в решениях Конституционного суда РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алексеев, С. С. Общая теория права / С. С. Алексеев. – М., 1981. – Т. 1. – 354 с.
2. Богданова, Н. А. Конституционный Суд Российской Федерации в системе конституционного права / Н. А. Богданова // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 1997. – № 3. – С. 64–65.
3. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в правосудия. – 2009. – № 6 (12). – С. 1–11.
4. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – 544 с.
5. Власенко, Н. А. Судебные правовые позиции (основы теории) / Н.А. Власенко, А. В. Гринева. – М., 2009. – 168 с.
6. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. – М., 1999. – 625 с.
7. Ершов, В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография / В. В. Ершов. – М.: РГУП, 2018. – 625 с.
8. Ершов, В. В. Прецеденты толкования Европейского Суда по правам человека / В. В. Ершов // Российское правосудие. – 2007. – № 1. – С. 22–33.
9. Зорькин, В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки / В. Д. Зорькин. – М.: Норма, 2007. – 399 с.
10. Маврин С.П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 3 (27). – С. 1–13.
11. Махортова, Е. В. Придание нормативного значения позициям Конституционного суда РФ в определениях об отказе в принятии жалобы (заявления) к рассмотрению / Е. В. Махортова // Налоговед. – 2005. – № 3. – С. 5–10.
12. Петров, А. А. Решение Конституционного Суда Российской Федерации в механизме правового регулирования / А. А. Петров. – Иркутск, 2007. – 220 с.
13. Соловьева И.А., Чупров В.М. О роли Конституционного суда Российской Федерации в устранении пробелов в праве // Теория государства и права. – 2017. – № 4. – С. 67–73.
14. Теория государства и права: учебник / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Первалова. – М.: Издательская группа НОРМАИНФРА, 1999. – 570 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Alekseev S. S. General theory of law. – M., 1981. – T. 1. – 354 p.
2. Bogdanova, N. A. The Constitutional Court of the Russian Federation in the system of constitutional law // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. – 1997. – № 3. – P. 64–65.

3. Bondar NS Constitutional values – a category of current law (in the context of the practice of the Constitutional Court of Russia) // Journal of constitutional justice. – 2009. – № 6 (12). – P. 1–11.
4. Bondar N.S. Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice. – М.: Norma: Infra-M, 2011. – 544 p.
5. Vlasenko, N. A. Judicial legal positions (theory bases) / N.A. Vlasenko, A. V. Grineva. – М., 2009. – 168 p.
6. David R. Basic legal systems of our time / R. David, K. Joffre Spinozi. – М., 1999. – 625 p.
7. Ershov V. V. Legal and individual regulation of public relations: monograph / V. V. Ershov. – М.: RGUP, 2018. – 625 p.
8. Ershov V. V. Precedents of interpretation of the European Court of Human Rights // Russian justice. – 2007. – № 1. – P. 22–33.
9. Zorkin, V. D. Russia and the Constitution in the XXI century. View from Ilyinka / V.D. Zorkin. – М.: Norma, 2007. — 399 p.
10. Mavrin S.P. Constitutional values and their role in the Russian legal system // Journal of constitutional justice. – 2012. – № 3 (27). – P. 1–13.
11. Makhortova E. V. Giving normative significance to the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in rulings on refusal to accept a complaint (application) for consideration // Tax expert. – 2005. – № 3. – P. 5–10.
12. Petrov A. A. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation in the mechanism of legal regulation. – Irkutsk, 2007. – 220 p.
13. Solovieva I.A., Chuprov V.M. On the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in eliminating gaps in law // Theory of State and Law. – 2017. – № 4. – P. 67–73.
14. Theory of state and law: textbook / ed. V. M. Korelsky and V. D. Perevalov. – М.: NORMAINFRA, 1999. – 570 p.

УДК 343.982.9

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-70-77

Бегалиев Ернар Нурланович

профессор кафедры специальных юридических дисциплин Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан доктор юридических наук, доцент, почетный работник образования Республики Казахстан
E-mail: ernar-begaliyev@mail.ru

Begaliyev Yernar Nurlanovich

Professor at the Department of Special Legal Courses of Academy of Law Enforcement Agencies under the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan Doctor of Laws, Associate Professor, Honorary Worker of Education in the Republic of Kazakhstan
E-mail: ernar-begaliyev@mail.ru

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ИНСТИТУТА БЛОГГИНГА**

Введение: процессы цифровизации современного общества привнесли множество новых направлений, охватив многомиллионные аудитории пользователей по всему миру (блоги, социальные сети, мессенджеры, чаты и многое другое). Разумеется, каждая новелла требует глубокого концептуального осмысления с целью ее рационального применения в повседневной жизнедеятельности. Не секрет, что переданная информация, минуя вербально-коммуникативные методы общения, может на выходе оказать как позитивное, так и крайне негативное влияние на отдельно взятую ситуацию. Поэтому исследование проблем блоггинга, особенностей формирования коллективного мировоззрения видится нам актуальным и злободневным.

Материалы и методы: материалами для исследования явились отдельные нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие порядок начала досудебного расследования, научные публикации, а также материалы судебной и следственной практики. При написании статьи использовались нормативно-логический, формально-юридический и другие методы.

Результаты исследования: в статье рассмотрен институт блоггинга; определены его взаимосвязи с журналистикой и условия применения; проанализированы критерии допустимости использования в практике получения доказательственной информации в ходе раскрытия и расследования преступлений; предложены пути систематизации деятельности блоггеров и дана авторская позиция решения обозначенных вопросов.

Выводы и заключения: ключевым моментом статьи являются предложения автора касательно нормативной регламентации блоггинга, определение параметров ведения данной деятельности, а также использование аудиовизуальных произведений, полученных на основе блоггинга, в процессе доказывания по уголовным делам.

Ключевые слова: блог, блоггер, блоггинг, гражданская позиция, контент, подписка, фейк.

ON SOME ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE BLOGGING INSTITUTE

Introduction: the digitalization processes of modern society have brought many new directions, reaching millions of users around the world (blogs, social networks, instant messengers, chats, etc.). Of course, each short story requires deep conceptual comprehension, with the aim of its rational application in everyday life. It is far from a secret that the transmitted information, bypassing verbal - communicative methods of communication, can, at the output, have both a positive and an extremely negative impact on a particular situation. Therefore, the study of the problems of blogging, its features of the formation of a collective worldview, we see it as relevant and topical.

Materials and Methods: the materials of the study were individual norms of criminal procedure legislation regulating the procedure for starting a pre-trial investigation, scientific publications of researchers, as well as materials of judicial and investigative practice on the topic under study. When writing the article, we used normative-logical, formal-legal and other methods.

Results of the Study: the article analyzes the scope of blogging institutions; their relationship with journalism and conditions of application are determined; analyzed the criteria for the admissibility of their use in the practice of obtaining evidentiary information in the course of the disclosure and investigation of crimes. The ways of systematizing the activities of bloggers are proposed and the author's position for solving the indicated issues is given.

Findings and Conclusions: the key point of this article is the author's proposals regarding the regulatory regulation of blogging, the definition of parameters for conducting this activity, as well as the use of audiovisual works obtained on the basis of blogging in the process of proving in criminal cases.

Key words: blog, blogger, blogging, citizenship, content, subscription, fake.

Этимологически «блог (англ. blog) персональная веб-страница, где автор размещает дневник с комментариями, размышлениями по различным вопросам и большим количеством гиперссылок на другие ресурсы» [1, с. 100]. Блоггером, соответственно, выступает пользователь и/или владелец веб-страницы.

Отмечая качественные характеристики субъектов рассматриваемой деятельности, следует указать на отсутствие в законодательстве Республики Казахстан четких и

нормативно установленных требований, которые могли бы предъявляться к блоггерам. Характер выполняемых ими функций (запечатление и описание каких-либо явлений и событий) весьма схож с деятельностью фотографов, операторов и журналистов.

Такая ситуация имеет небезосновательные споры в среде ученых и практиков. По мнению одной стороны, представляется необходимым придание блоггерам статуса журналистов с предоставлением соответствующего объема прав и обязанностей; требованиями наличия образовательной квалификации, а также прохождения процедур аккредитации. В этой связи А.А. Поповым справедливо отмечено, что «падение доверия аудитории к традиционным СМИ и увеличение спроса на информацию, предоставленную новейшими медиа; активное участие аудитории в производстве массовой информации; изменение роли коммуникатора в контексте предоставления социально значимой информации; трансформация стандартов оценки эффективности и достоверности массовых сообщений. Всё это в совокупности сформулировало ряд вызовов профессиональной журналистике, в соответствии с которыми от журналистов требуется быть более оперативными, более мобильными и в большей степени ориентироваться на ожидания аудитории, чем в условиях функционирования традиционных СМИ» [2, с. 3]. Сравнивая обе категории, Л. В. Экгардт справедливо отмечает, что «блоггерство и журналистика не так далеки друг от друга, как небо и земля, но и не похожи друг на друга, как две капли воды. Блоггеры, как и журналисты, пишут тексты на общественно значимые темы» [3, с. 223].

Позиция другой стороны сводится к деятельности блоггеров исключительно как хобби, к виду личного времяпровождения, который не должен быть обременен какими-либо процедурными условиями и требованиями к результатам творческого труда. Так, по мнению Р.З. Близняка и И.А. Герасимова, «в отличие от традиционных СМИ, блоги предоставляют лицам, обладающим минимальными ресурсами присутствия в информационном пространстве, относительно простой способ изложить свою позицию. Одной из ключевых особенностей политических блогов, определяющих их популярность, является минимизация внешнего по отношению к автору контроля над контентом» [4, с. 225].

Мы в полной мере разделяем точку зрения первой группы, так как считаем, что деятельность блоггеров, вопреки их желаниям, должна быть детально описана и регламентирована в отраслевых нормативных правовых актах (по аналогии с США), в частности, в Законе о средствах массовой информации (далее – Закон о СМИ) по любой из следующих причин:

а) в соответствии с п. 4 ст. 1 Закона о СМИ «средство массовой информации – периодическое печатное издание, теле-, радиоканал, кино-документалистика, аудиовизуальная запись и иная форма периодического или непрерывного публичного распространения массовой информации, *включая интернет-ресурсы*» [5];

б) блоггингом непосредственно либо опосредованно занимается огромное количество человек, причем охват аудитории респондентов ежегодно увеличивается;

в) создаются условия, препятствующие соблюдению требований и правил, заложенных в традиционной журналистике (цензура текстов, изображений и речи; употребление инвективной лексики; демонстрация порнографических материалов и т.п.);

г) затрудняется работа по обеспечению национальной безопасности и защите государственных секретов;

д) облегчается процесс приготовления, совершения и сокрытия отдельных видов и групп преступлений (например, организация массовых беспорядков; сбыт наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров; терроризм и экстремизм; торговля органами тела человека и многое другое).

Однако несмотря на вышеуказанные факторы, следует отметить целый ряд позитивных предпосылок, которые были привнесены в повседневную жизнь посредством использования института блоггинга. В частности, набирающие популярность видеоблоггеры с активной гражданской позицией (в РФ: СтопХам; в РК: ОСА и Гражданский патруль) создали условия общественного порицания в адрес нарушителей административного законодательства, акции которых направлены на соблюдение правил участниками дорожного движения.

Неоценимый вклад блоггинга отмечен нами в освещении резонансных уголовных дел, причем как на стадии их совершения, так и в процессе досудебного производства. Как ни странно, блоггинг является гарантией прозрачности и гласности отдельных уголовных дел. Имели место случаи, когда по результатам освещения событий и фактов в интернет-пространстве руководители центральных правоохранительных органов брали на контроль производство по уголовным делам.

Положительными обстоятельствами применения видеоблоггинга мы также видим в возможности получения дополнительных доказательств по уголовному делу. Видеофиксация по уголовному делу позволяет получить следующую информацию:

- детализировать происходившие ранее события и факты;
- определить круг участников совершенного преступления;
- установить способ и механизм совершения преступления;
- выступить в качестве источника доказательственной информации по делу;
- выявить причины и условия совершения преступления.

Наконец, блоггинг является эффективным профилактическим средством, влияющим на деонтологические основы сотрудников правоохранительных органов в ходе выявления, раскрытия и расследования правонарушений. Как правило, каждый сотрудник правоохранительного органа, на которого наведен объектив видеозаписывающего устройства, во избежание попадания в глобальную сеть негативного контента с его участием будет заинтересован в соблюдении всех процедурных вопросов, выглядеть опрятно, без видимых нарушений ношения форменного обмундирования, проявлять вежливость и корректность по отношению ко всем участникам процессуальных действий.

В современном представлении блоггинг перестает быть исключительно персональным увлечением творческих личностей, а становится достаточно рентабельным средством получения материальных благ. Распространение платного контента, а также размещение рекламных роликов на своих страницах и т.п. приносит блоггерам солидные гонорары [6]. К сожалению, гонка за редкими кадрами и запечатление экстремальных событий, включая хайп, нередко становится причиной наступления необратимых последствий, включая смерть самих блоггеров [7]. Механизмы извлечения прибыли в соответствии с гражданским законодательством являются совершенно допустимыми и законными, но участились факты, где блоггинг выступает в качестве

средства вымогательства [8]. Алгоритм совершения рассматриваемой совокупности достаточно прост, а внешние манипуляции сродни «грязной деятельности» папарацци. Сначала злоумышленниками формируется контент путем запечатления должностных лиц, поведение которых дискредитирует деловую репутацию учреждений и организаций, которые они представляют [9]. Далее идет переговорный процесс, нередко сопряженный с угрозами размещения отснятого материала в глобальной сети Интернет. Наконец, заключительная стадия, которая либо приводит к опубликованию материала на аккаунте блоггера, либо злоумышленник получает денежные средства, а материал уничтожается. Поэтому в деловом обиходе все чаще стал применяться «цифровой рэкет» [10], который по сути предусматривает вышеописанную деятельность.

Таким образом, следует констатировать тот факт, что социальное регулирование данного вопроса сопряжено со множеством сложностей, в результате чего блоггинг существует и функционирует в трудно контролируемой со стороны правоохранительных органов и специальных служб плоскости. «Полностью контролировать деятельность интернет-ресурсов по распространению информации вряд ли возможно и необходимо. Добиться такого контроля достаточно сложно даже силами государства с его возможностями. Обусловлено это особенностями организации и функционирования глобальной сети Интернет» [11, с. 22].

Усугубляет положение неоднозначное восприятие данного института: если в широких слоях населения отношение к блоггингу варьируется от нейтрально-лояльного к позитивному, то в среде сотрудников государственной службы деятельность блоггеров резко осуждается.

На процесс создания условий неоспоримости и безапелляционности размещенных блоггерами материалов, на наш взгляд, негативно влияет негласная политика блоггинга. К примеру, в результате проведенного исследования, по непонятным для нас причинам, факты информационной состязательности сторон выражаются исключительно в виде передачи частных мнений (комментариев) к уже существующему контенту. «Сетевая дискуссия – нетрадиционная опросная методика, позволяющая выйти на целевую аудиторию» [12, с. 11–12]. В большинстве случаев опубликованный материал, как правило, принимается общественностью по умолчанию.

Аналогичной выглядит ситуация с размещением ложных, преувеличенных и недостоверных сведений, именуемых фейком. Причем данные сведения посредством использования глобальной сети Интернет, социальных сетей и мессенджеров за достаточно непродолжительный временной промежуток в состоянии распространиться как внутри отдельного государства, так и за его пределами (вирусная рассылка). Общественная опасность фейковой информации, по нашему мнению, может выражаться следующими негативными последствиями:

- а) посеять панику в широких слоях населения;
- б) вызвать дефицит товаров и услуг;
- в) дезорганизовать работу государственных служб;
- г) создать благоприятные условия для организации массовых беспорядков и

т. п.

В этой связи нельзя не согласиться с точкой зрения Д. Е. Колезева, по мнению которого, «блогосфера, как и Интернет в целом, в данный момент находится в “серой зоне” российского законодательства: каких-либо юридических актов, регламентирующих работу в сети, не принято. Поэтому журналист, прибегая к информации блоггеров, во многом берет юридические риски на себя» [13, с. 36].

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения, а также SWOT-анализ.

1. Все вышеуказанное обуславливает необходимость издания специального (отраслевого) нормативного правового акта, регламентирующего деятельность в сфере блоггинга, а именно: предоставление прав блоггерам и установление ответственности; лицензирование и государственная регистрация лиц, осуществляющих блоггинг; четкое установление сфер, где может быть использован блоггинг и т.д.

2. На наш взгляд, необходима разработка единых стандартов блоггинга на основе многовековых наработок журналистики, с внедрением в субкультуру блоггерской среды канонов морали, права, цензуры и этики. Причем эти условия ни в коей мере не должны ущемлять свободу слова, а являться своего рода ориентирами для блоггеров в формировании надлежащего для обнародования контента.

3. Для упорядочения сферы блоггинга профильному министерству необходимо разработать и вести специальный реестр блоггеров, в котором следует отражать количественные и качественные характеристики (актуальность поднимаемых вопросов, уровень популярности, количество подписчиков и пр.), предусмотреть моральные и материальные стимулы развития данной деятельности.

4. Усиление прокурорского надзора за защитой общественных интересов в части контроля за СМИ и блоггингом, принимать меры прокурорского реагирования по каждому факту нарушения законности вследствие блоггинга.

5. Полагаем целесообразным п. 3 ст. 180 (Поводы к началу досудебного расследования) УПК Республики Казахстан [14] изложить в следующей редакции «сообщения в средствах массовой информации *и на блогах*». Данная мера позволит начать досудебное расследование гораздо раньше официальной перепечатки информации в СМИ.

Сильные стороны блоггинга:

1. Оперативная передача актуальной информации, включая онлайн-трансляции.

2. Широкий охват пользовательской аудитории, в особенности в отношении так называемых вирусных материалов.

3. Обеспечение прозрачности и открытости в официальном общении и в работе с представителями государственных органов.

4. Возможность получения различных точек зрения по обозреваемому событию посредством обсуждения в широких кругах.

5. Дополнительный способ получения доказательственной и ориентирующей информации в период совершения противоправных событий, а также по расследуемым уголовным делам.

6. Обнародование резонансных событий и фактов с привлечением внимания и реагированием высших должностных лиц государственных органов.

Слабые стороны:

1. Высокий риск распространения фейковой информации.
2. Возможность манипулирования мнением широких масс посредством субъективной подачи информации (провоцирование к совершению противоправных действий).
3. Наличие риска изменения качественных показателей размещаемого контента (монтаж), в результате чего подписчик получает искаженную информацию.
4. Отсутствие цензуры контента.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.
2. Попов А. А. Блогинг как форма профессиональной журналистской коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2013. – 23 с.
3. Эггардт Л. В. Блоггерство – гражданская журналистика или слухи? // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2010. – № 2. – С. 220–223.
4. Близняк Р. З., Герасимов И. А. Блоггинг как технология социальной и политической коммуникации: уточнение понятия и характеристика эвристических возможностей // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 40. – С. 222–231.
5. Закон Республики Казахстан «О средствах массовой информации» от 23 июля 1999 г. № 451-І.
6. URL: <https://zen.yandex.ru/media/schoolsemantica/10-samyh-bogatyh-rossiiskih-bloggerov-oni-zarabatyvaiut-milliony-5ebd32ef5724961d925232ad>
7. URL: https://aif.ru/society/people/hayp_i_smert_chetyre_sluchaya_gibeli_videobl_ogetov
8. URL: <https://lenta.ru/news/2020/07/30/rosderjava/>
9. URL: <https://russian7.ru/post/za-chto-v-1999-godu-uvolili-genprokurora-yur/>
10. URL: <https://zen.yandex.ru/media/wzgliad/vysokotehnologichnyi-reket-ili-povaia-realnost-5e3a352a48181e0a05271a20>
11. Мухачев С. В. Особенности правового регулирования блогосферы // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2015. – № 1. – С. 20–23.
12. Абросимова Е. Е. Детский сегмент видеоблогосферы: структура, функции и влияние на социализацию: дис. ... канд. соц. наук. – Н. Новгород, 2018. – 160 с.
13. Колезев Д. Е. Журналистика и блоггинг: взаимодействие и взаимовлияние // Известия Уральского государственного университета. – 2010. – № 1. – С. 31–40.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Yegorova T. V. Slovar' inostrannykh slov sovremennogo russkogo yazyka. – M.: «Adelant», 2014. – 800 s.
2. Popov A. A. Bloging kak forma professional'noy zhurnalistskoy kommunikatsii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Tver', 2013. – 23 s.
3. Ekgardt L. V. Bloggerstvo – grazhdanskaya zhurnalistika ili slukhi? // Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. – 2010. – № 2. – S. 220–223.
4. Bliznyak R. Z., Gerasimov I. A. Blogging kak tekhnologiya sotsial'noy i politicheskoy kommunikatsii: utochneniye ponyatiya i kharakteristika evristicheskikh vozmozhnostey // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. – 2017. – № 40. – S. 222–231.
5. Zakon Respubliki Kazakhstan «O sredstvakh massovoy informatsii» ot 23 iyulya 1999 g. № 451-I.
6. URL: <https://zen.yandex.ru/media/schoolsemantica/10-samyh-bogatyh-rossiiskih-bloggerov-oni-zarabatyvaiut-milliony-5ebd32ef5724961d925232ad>
7. URL: https://aif.ru/society/people/hayp_i_smert_chetyre_sluchaya_gibeli_videobloggerov
8. URL: <https://lenta.ru/news/2020/07/30/rosderjava/>
9. URL: <https://russian7.ru/post/za-cto-v-1999-godu-uvolili-genprokurora-yur/>
10. URL: <https://zen.yandex.ru/media/wzgliad/vysokotekhnologichnyi-reket-ili-novaia-realnost-5e3a352a48181e0a05271a20>
11. Mukhachev S. V. Osobennosti pravovogo regulirovaniya blogosfery // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2015. – № 1. – S. 20–23.
12. Abrosimova Ye. Ye. Detskiy segment videoblogosfery: struktura, funktsii i vliyaniye na sotsializatsiyu: dis. ... kand. sots. nauk. – N. Novgorod, 2018. – 160 s.
13. Kolezev D. Ye. Zhurnalistika i blogging: vzaimodeystviye i vzaimovliyaniye // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – № 1. – S. 31–40.
14. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 4 iyulya 2014 g. № 231-V.

УДК 343.575

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-78-91

Жарких Ирина Андреевна

аспирант кафедры уголовного права
Московского государственного
юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: irinazharkikh@mail.ru

Zharkikh Irina Andreyevna

Postgraduate of Criminal Law Department
of the Moscow State Law University named
after O. Kutafin (MSLA)

E-mail: irinazharkikh@mail.ru

ПРОВОКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Введение: в статье проанализированы отдельные проблемные вопросы и правоприменительные ошибки, встречающиеся при рассмотрении вопроса о провокации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, решения Конституционного суда Российской Федерации, решения Европейского суда по правам человека, Уголовный кодекс Российской Федерации, федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», уголовное законодательство ряда зарубежных стран, разъяснения Пленума Верховного суда Российской Федерации. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, а также методы дедукции, индукции, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: названы отдельные ошибки сотрудников правоохранительных органов при проведении оперативно-розыскных мероприятий, при установлении которых суды признают мероприятия провокацией преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Также изложена и обоснована позиция, согласно которой подбрасывание лицу наркотических средств не является провокацией преступления, предложена квалификация таких действий.

Выводы и заключения: сформулирован вывод о недостаточном уголовно-правовом регулировании провокации преступления, в том числе провокации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Предложены пути развития законодательства в этой части в целях совершенствования уголовно-правового запрета на провокацию любого преступления.

Ключевые слова: провокация преступления, незаконный сбыт наркотических средств и психотропных веществ, незаконный оборот наркотических средств, незаконный сбыт оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, оперативно-розыскное мероприятие, проверочная закупка, соучастие в преступлении, умысел, уголовное право.

PROVOCATION OF CRIMES IN THE SPHERE OF ILLICIT DRUG TRAFFICKING

Introduction: the article analyzes certain problematic issues and law enforcement errors encountered when considering the matters of provocation of crimes in the sphere of illegal drug trafficking.

Materials and Methods: the normative basis of research is the Constitution of the Russian Federation, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, decisions of the European Court of Human rights, the Criminal Code of the Russian Federation, Federal law of 12.08.1995 № 144-FL «Law enforcement intelligence operations», the criminal legislation of some foreign countries, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The methodological basis of the research is the general dialectical method of scientific knowledge, as well as methods of deduction, induction, comparison, analysis, generalization and description.

Results of the Study: certain mistakes of law enforcement officers during Law enforcement intelligence operations, in the establishment of which the courts recognize a provocation of crimes in the sphere of illegal drug trafficking, are formulated. The author also sets out and justifies the position that planting drugs to a person is not a provocation of a crime, and offers a qualification of such actions.

Findings and Conclusions: the conclusion about insufficient criminal law regulation of provocation of crime is formulated, including provocation of crimes in the sphere of illicit drug trafficking. The author suggests ways to develop legislation in this area in order to improve the criminal law prohibition on provocation of any crime.

Key words: provocation of a crime, illegal sale of narcotic drugs and psychotropic substances, illegal trafficking of narcotic drugs, illegal sale of weapons, ammunition, explosives and explosive devices, operational search activity, verification purchase, complicity in a crime, intent, criminal law.

В судебной и правоприменительной практике достаточно часто возникает потребность в оценке действий лиц, спровоцировавших преступление, а также деяний спровоцированных лиц. В действующем уголовном законе провокации преступления посвящена лишь одна норма – ст. 304 УК РФ, в которой установлена ответственность за провокацию взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. В то же время провокация возможна фактически в отношении любого преступления, однако уголовная ответственность за совершение провокации иных видов преступлений в действующем законодательстве не предусмотрена. Как свидетельствует российская судебная практика, а также многочисленные решения Европейского суда по правам человека (далее – Европейский суд), наиболее распространенными преступлениями, в отношении которых осуществляется провокация, являются преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств.

В 2008 г. В.Е. Тонков отмечал, что на стадии судебного разбирательства наиболее часто выявляются ошибки в квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, в 37,8 % случаев неправильной квалификации преступлений в рассматриваемой сфере судьями отмечается незаконное вменение эпизодов купли-продажи наркотических средств, фактически являющихся провокацией [6, с. 155].

Впервые в отношении Российской Федерации по вопросу, касающемуся провокации со стороны сотрудников правоохранительных органов, Европейский суд вынес постановление от 15 декабря 2005 г. по делу «Ваньян (Vanujan) против Российской Федерации». Так, 16 ноября 2000 г. приговором президиума Московского городского суда Г.А. Ваньян был осужден по ч. 1 ст. 228 УК РФ за приобретение героина у С.З. и хранение его без цели сбыта, совершенное группой лиц.

В ходе рассмотрения жалобы Европейским судом установлено нарушение п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), поскольку, как указано в постановлении по данному делу, милиция не ограничилась пассивной ролью при проведении оперативно-розыскного мероприятия, а также отсутствовали доказательства того, что до вмешательства милиции и О.З. были основания подозревать Ваньяна в осуществлении преступной деятельности. В этой связи Европейский суд пришел к выводу, что была осуществлена провокация приобретения наркотиков по просьбе О.З., и без вмешательства О.З. преступление не было бы совершено¹.

В некоторых зарубежных государствах, например, в США и ФРГ провокация в определенных случаях признается допустимой, в том числе в целях борьбы с наркопреступностью. Так, в целях получения информации о незаконном обороте наркотиков правоохранительные органы используют своего рода официальные прикрытия – различные магазины-приманки, бюро, личные фирмы, которые служат для выявления лабораторий по производству наркотиков. Например, Администрация по борьбе с наркоманией Министерства юстиции США за счет собственных средств приобретает магазин по продаже химических реактивов и лабораторного оборудования. На основании информации о приобретенных товарах и химических реактивах определяются потенциальные производители наркотиков. Все покупатели фиксируются с помощью средств негласной видео- и звукозаписи, от здания магазина за ними устанавливается скрытое наблюдение. Дополнительно такой магазин предлагает услуги «инженера-химика», в качестве которого выступает внедренный сотрудник Администрации по борьбе с наркоманией Министерства юстиции США. После того как «инженер-химик» производит пробную партию наркотиков, сотрудники полиции проводят мероприятия по обыску и задержанию [5].

В. Курченко, например, анализируя подобную практику, полагает, что такие действия сотрудников правоохранительных органов не являются провокацией незаконного оборота наркотических средств, и использование официальных прикрытий в России было бы допустимым [5].

¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 15.12.2005 по делу «Ваньян (Vanujan) против Российской Федерации» (жалоба № 53203/99) // Консультант Плюс.

В российской правоприменительной практике представляется возможным выделить несколько проблемных вопросов и ошибок, встречающихся при рассмотрении вопроса о провокации в сфере незаконного оборота наркотических средств.

1. Признание провокацией проведение оперативно-розыскных мероприятий без достаточных оснований, в частности, при отсутствии достаточной информации о том, что лицо, в отношении которого проводится оперативно-розыскное мероприятие, уже совершает или преступление, или приговорительные действия.

Некоторые ученые, в частности О.С. Капинус, выделяет такое основание в качестве критерия разграничения правомерных оперативно-розыскных мероприятий и провокации преступления, при этом называет данный критерий временным и понимает под ним возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий, как минимум, при наличии признаков приготовления к преступлению [4].

Так, в пунктах 227 и 228 Руководства по статье 6 Европейской конвенции о правах человека, обновленного 31.12.2020, Европейский суд заключает, что для проведения оперативно-розыскного мероприятия должны быть основания, в том числе должное процессуальное решение, например, решение суда¹ (перевод с англ. наш. – И.Ж.).

В отношении данного правила Европейский суд неоднократно высказывался при рассмотрении дел, связанных с провокацией преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Например, в пункте 90 постановления от 02.10.2012 по делу «Веселов и другие (Veselov and Others) против Российской Федерации» Европейский суд указал, что в делах, в которых основным доказательством является проведение негласной операции, например, проверочной закупки наркотических средств, органы государственной власти должны доказать, что они имели достаточные основания для проведения негласного мероприятия. В частности, они должны располагать конкретными и объективными доказательствами, свидетельствующими о том, что имели место, как минимум, приговорительные действия к совершению преступления, которое вменяется лицу. При рассмотрении данного дела Европейский суд отметил, что проверочная закупка была проведена сразу после первого сообщения Х. без проверки информации².

В качестве положительного примера Европейский суд приводит дело Банниковой (§ 69), где до проверочной закупки сотрудники органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, провели ряд мероприятий, в частности, суд санкционировал прослушивание телефонных разговоров, что позволило получить весомые доказательства наличия у Банниковой умысла на сбыт конопли³ (пункт 108 постановления Европейского суда от 02.10.2012 по делу «Веселов и другие (Veselov and Others) против Российской Федерации»).

¹ См.: Guide on Article 6 of the European Convention on Human Rights. Right to a fair trial (criminal limb): updated on 31 December 2020. URL: https://www.echr.coe.int/documents/Guide_Art_6_criminal_ENG.pdf (дата обращения 08.02.2021).

² Постановление Европейского суда по правам человека от 02.10.2012 «Дело «Веселов и другие (Veselov and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 23200/10, 24009/07 и 556/10) // Бюл. Европейского суда по правам человека. 2013. № 4.

³ Там же.

При рассмотрении дела «Давитидзе (Davitidze) против Российской Федерации» Европейский суд пришел к выводу, что провокация со стороны милиции не имела места и обосновал свою позицию следующим образом. Установлено, что проведение проверочной закупки было санкционировано на основании информации, представленной частным лицом С., который сообщил об осуществлении Давитидзе преступной деятельности. Доказательств того, что в отношении Давитидзе было оказано давление или ему заранее поступали предложения о сбыте наркотических средств, не представлено. Кроме того, в ходе судебного разбирательства Т. показал, что, как правило, Давитидзе имел при себе наркотики для продажи. Таким образом, с учетом обязанности милиции по проверке жалоб о подготавливаемых или совершенных преступлениях, Европейский суд пришел к выводу, что деятельность милиции в данном случае не была неправомерной¹.

Что касается российского права, то в Обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, утвержденном Президиумом Верховного суда Российской Федерации 27 июня 2012 г., указывается, что в тех случаях, когда до проведения оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка» у правоохранительных органов не было оснований подозревать лицо в распространении наркотических средств и сам сбыт наркотического средства явился результатом вмешательства оперативных работников, суды, как правило, признавали наличие провокации со стороны оперативных работников² (пункт 7.2).

Таким образом, чтобы исключить подозрения в осуществлении провокации, необходимо установить, что для проведения оперативно-розыскного мероприятия имелись достаточные основания, т. е., как минимум, информация из достоверных источников о том, что лицо осуществляет приготовительные действия к совершению преступления.

Российская судебная практика признает провокацией преступления, например, проверочную закупку в отношении одного и того же лица по одним и тем же основаниям.

Так, приговором Ленинского районного суда г. Владивостока от 30 июня 2009 г. К. осуждена по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228¹ УК РФ (два эпизода: преступления от 06.05.2008 и от 24.06.2008) за покушение на сбыт наркотического средства, по ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 228¹ УК РФ и преступление от 24.06.2008 за приготовление к сбыту наркотического средства.

Президиум Приморского краевого суда, изменяя приговор, указал, что после того как 06.05.2008 сотрудники милиции уже выявили факт сбыта К. наркотического средства, но не пресекли ее действия, а 24.06.2008 провели три аналогичных проверочных закупки в отношении К. по одному и тому же адресу. С учетом изложенного

¹ Российская хроника Европейского суда: приложение к Бюл. Европейского суда по правам человека. Специальный выпуск. 2014. № 2. С. 59–77.

² Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, утвержденный Президиумом Верховного суда Российской Федерации 27 июня 2012 г. // Консультант Плюс.

Президиум Приморского краевого суда приговор изменил: в части осуждения К. по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228¹ УК РФ (по преступлению от 24.06.2008); по ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 228¹ УК РФ (по преступлению от 24.06.2008) отменил на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием состава преступления¹.

В этой связи заслуживает внимания положение пункта 11 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд (приложение к совместному приказу МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Следственного комитета Российской Федерации от 27.09.2013 № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68), в котором предусмотрено только одно основание для проведения повторной проверочной закупки – если в результате проведения проверочной закупки не удалось задокументировать подготавливаемое, совершаемое или совершенное противоправное деяние².

Описанные действия сотрудников правоохранительных органов не выявляют и не раскрывают предшествующие эпизоды сбыта наркотических средств, в том числе если они фактически имели место. В отношении рассматриваемой ситуации, хотя и применительно к провокации взятки, Б.В. Волженкин писал, что здесь не будет ни предупреждения готовящегося преступления, поскольку никаких действий даже przygotowительного характера лицо до склонения его к этому не совершало, ни пресечения совершаемого преступления. Таким образом, подобные действия сотрудников соответствующих органов – типичная провокация [2, с. 269].

Стоит отметить, что практика искусственного «наращивания» эпизодов совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств встречается достаточно часто, в связи с чем суды нередко исключают повторные эпизоды, ссылаясь на провокационно-подстрекательскую деятельность сотрудников правоохранительных органов.

Например, приговором Советского районного суда г. Владивостока от 22 ноября 2012 г. Л. осужден по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228¹ УК РФ, по ч. 1 ст. 228 УК РФ. Изменяя судебные решения в кассационном порядке, Президиум Приморского краевого суда установил, что органами предварительного расследования действия Л. по покушениям на сбыт наркотического средства 2 и 6 августа 2012 г. квалифицированы как самостоятельные преступления. Из протокола судебного заседания следовало, что в прениях государственный обвинитель заявил о квалификации действий Л. «единожды» по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228¹ УК РФ, так как имела место провокация при проведении оперативно-розыскного мероприятия.

¹ Постановление Президиума Приморского краевого суда от 25.09.2015 № 44У-207/2015 // Консультант Плюс.

² Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, Следственного комитета Российской Федерации № 68 от 27.09.2013 // КонсультантПлюс.

Президиум Приморского краевого суда изменил судебные решения с исключением эпизода покушения на сбыт наркотического средства 6 августа 2012 г.¹

2. Признание провокацией действий сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в результате которых умысел лица формируется под их воздействием.

При осуществлении оперативно-розыскного мероприятия умысел лица на совершение преступления должен быть сформирован независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, что также означает, что при осуществлении оперативно-розыскной деятельности уполномоченные сотрудники действуют пассивно, не воздействуя на мотивационную составляющую личности.

В постановлении по делу «Банникова (Bannikova) против Российской Федерации» Европейский суд обращает внимание, что при проведении оперативно-розыскных мероприятий сотрудники соответствующих органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, могут лишь «присоединиться» к совершению преступления, но не провоцировать его (§ 43)².

В пункте 14 постановления от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» Пленум Верховного суда Российской Федерации обращает внимание на то, что результаты оперативно-розыскного мероприятия могут использоваться в доказывании по уголовному делу, если они свидетельствуют о *наличии у лица умысла* на незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, *сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность* (курсив наш. – И.Ж.).

Российские суды все больше ориентируют правоприменителей на правильное применение законодательства об оперативно-розыскной деятельности, в том числе использование правомерных методов и способов осуществления оперативно-розыскных мероприятий. В многочисленных решениях судов общей юрисдикции неоднократно встречается упоминание об этом критерии, который часто становится одним из основополагающих при решении вопроса о том, имела ли место провокация преступления со стороны правоохранительных органов.

Например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Республики Хакасия, рассмотрев уголовное дело в апелляционном порядке, отменила обвинительный приговор суда первой инстанции и указала, что из материалов оперативно-

¹ См.: Обзор судебной практики апелляционной и кассационной инстанции по уголовным делам Приморского краевого суда за 6 месяцев 2015 г.; Обзор Приморского краевого суда, Управления Судебного департамента в Приморском крае от 01.07.2015 // Бюл. судебной практики. 2015. № 2 (32).

² Дело «Банникова (Bannikova) против Российской Федерации» (жалоба № 18757/06): постановление Европейского суда по правам человека от 04.11.2010 // Российская хроника Европейского суда. 2011. № 4.

розыскного мероприятия следует, что осужденная не имела намерения сбывать наркотическое средство, и об отсутствии у осужденной умысла на сбыт наркотического средства свидетельствовала также трижды высказанная ею просьба больше к ней не приезжать¹.

3. Провокацией признается активная роль сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, при проведении оперативно-розыскного мероприятия.

Так, при рассмотрении дел о провокации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств Европейский суд неоднократно отмечал необходимость сотрудников правоохранительных органов придерживаться пассивной роли при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, что предполагает отсутствие всякого рода давления на лицо, в отношении которого проводится оперативно-розыскное мероприятие. При этом в отношении дел рассматриваемой категории Европейский суд особо подчеркивал, что должны быть исключены случаи инициативного контакта с лицом, повторного предложения сбыть наркотики после первоначального отказа, настоятельных требований сбыть запрещенные предметы, повышения цены по сравнению с обычной или обращения к состраданию лица в связи с абстинентным синдромом².

С точки зрения Европейского суда провокацией являются и случаи, когда сотрудники органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, либо лица, действующие по их указанию, не ограничиваются пассивной ролью, а осуществляют такое воздействие на субъект, в результате чего он совершает преступление, которое в противном случае не было бы совершено³.

Например, приговором Харабалинского районного суда Астраханской области от 24 июня 2010 г. Распопов М.А. осужден по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ.

Судом было установлено, что 30 марта 2010 г. Распопов, собрав верхушечные части листьев дикорастущей конопли, незаконно приобрел с целью сбыта марихуану, которую хранил при себе в полимерном пакете. В тот же день Распопов незаконно сбыв участнику проверочной закупки И. за 100 рублей марихуану, однако не довел преступление до конца, так как указанное наркотическое средство было изъято сотрудниками МРО регионального Управления ФСКН России по области.

¹ Обзор судебной практики использования результатов оперативно-розыскной деятельности, как средства доказывания в уголовном процессе // Официальный сайт Верховного суда Республики Хакасия. URL: http://vs.hak.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=299 (дата обращения 09.10.2020).

² См., напр.: Постановление Европейского суда по правам человека от 15.12.2005 «Дело Ваньян (Vanujan) против Российской Федерации» (жалоба № 53203/99) // Консультант Плюс; Постановление Европейского суда по правам человека от 05.02.2008 «Дело Раманаускас (Ramanauskas) против Литвы» (жалоба № 74420/01) // Там же; Постановление Европейского суда по правам человека от 02.10.2012 «Дело Веселов и другие (Veselov and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 23200/10, 24009/07 и 556/10) // Там же.

³ Бюл. Европейского суда по правам человека. Спец. вып. // Российская хроника Европейского суда. 2011. № 4. С. 82–96.

В своей жалобе, адресованной в Европейский суд, Распопов указывал, что он осужден за преступление, совершенное в результате провокации со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Европейский суд в постановлении от 15 марта 2016 г. по делу «Егоров и другие против России» констатировал, что при рассмотрении уголовного дела в отношении Распопова имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции. Как усматривается из материалов уголовного дела, Распопов в судебном заседании не признал себя виновным и показал, что И. неоднократно звонил ему и просил найти для него наркотики, при этом обещал ему помочь с трудоустройством. В результате Распопов помог И. приобрести наркотическое средство у Ф., за что И. передал ему 100 рублей в качестве благодарности.

На основании изложенного Президиум Верховного суда Российской Федерации постановлением от 22 июня 2016 г. по делу № 67-П16 отменил приговор Харабалинского районного суда Астраханской области от 24 июня 2010 г. и кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Астраханского областного суда от 19 августа 2010 г.¹

4. В теории уголовного права, а также в правоприменительной практике неоднократно возникал вопрос оценки действий лица, подбрасывающего наркотические средства другому лицу, в том числе в целях привлечения такого лица к уголовной ответственности или наступления иных неблагоприятных последствий.

Некоторые специалисты предлагают квалификацию действий лица, подбрасывающего наркотические средства, по ст. 228¹ УК РФ как незаконный сбыт наркотических средств либо по ст. 228¹ УК РФ со ссылкой на ст. 30 УК РФ как покушение на незаконный сбыт наркотических средств.

Оценка действий лица, подбрасывающего наркотические средства другому лицу, как незаконный сбыт наркотических средств представляется не обоснованной и не соответствующей требованиям закона по следующим основаниям.

Во-первых, под незаконным сбытом наркотических средств в судебной практике понимается незаконная деятельность лица, направленная на их возмездную либо безвозмездную реализацию (продажа, дарение, обмен, уплата долга, дача взаймы и т.д.) другому лицу².

Несмотря на то что, Верховный суд указывает, что сама передача лицом реализуемых средств, веществ, растений приобретателю может быть осуществлена любыми способами, однако, как представляется, сбыт характеризуется двусторонней связью, которая предполагает осведомленность обеих сторон (сбытчика и приобретателя) о фактическом характере совершаемых действий (прием-передача). Кроме того, необходимо установить факт передачи наркотического средства и приемку приобретателем товара, у которого, соответственно, должно наличествовать волеизъявление на принятие товара, что отсутствует при подбрасывании наркотических средств.

¹ Постановление Президиума Верховного суда Российской Федерации от 22 июня 2016 г. по делу № 67-П16 // Консультант Плюс.

² Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Консультант Плюс.

Во-вторых, родовым объектом незаконного сбыта наркотических средств (ст. 228¹ УК РФ) являются общественные отношения в сфере охраны здоровья населения, в то же время вызывает сомнение, что в случае подбрасывания наркотических средств страдают именно эти общественные отношения. На наш взгляд, в данном случае необходимо говорить скорее о посягательстве на интересы правосудия, что позволяет рассматривать такое деяние, как направленное на нарушение общественных отношений в сфере нормальной деятельности органов правосудия.

Вышеуказанное также подтверждается судебной практикой. Так, в приговоре Павловского районного суда Краснодарского края от 06.02.2017, которым Егоров признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, отмечено, что распоряжение наркотическим средством путем подбрасывания на чужие земельные участки не является сбытом наркотических средств, а значит, и уголовно наказуемым деянием, поскольку Егоров распорядился наркотическим средством тайно, его действия не были направлены на распространение наркотических средств, и, кроме того, Егоров преследовал цель искусственно создать доказательства обвинения в отношении А. и Б.¹

Также в литературе обращается внимание, что квалификация действий лица, подбросившего другому лицу наркотические средства, как оконченного сбыта наркотика, ошибочна, поскольку впоследствии происходит изъятие данного наркотического средства из незаконного оборота, и, соответственно, посягательства на объект уголовно-правовой охраны не происходит [7].

Другие специалисты рассматривают действия лица, подбрасывающего другому лицу наркотические средства, как провокацию преступления [7; 1]. Примечательно, что В.Г. Шумихин, в частности, утверждая, что действия лица, подбрасывающего другому лицу наркотические средства, являются провокационными, в то же время предлагает квалифицировать их по ст. 306 УК РФ как заведомо ложный донос. Аналогичную позицию специалист занимает в отношении подбрасывания предметов, предусмотренных ст. ст. 222 и 222¹ УК РФ, указывая, что такие действия содержат все признаки провокации преступления. Аргументируя свою позицию, В.Г. Шумихин предпринимает попытку выявить в действиях по «подбрасыванию» запрещенных предметов признаки, описанные в ст. 304 УК РФ, а именно, признаки умышленной односторонней деятельности лица, направленной на моделирование такого поведения другого лица, которое имело бы все внешние признаки преступления с целью дискредитации, шантажа, создания искусственных доказательств обвинения. При этом, с точки зрения исследователя, такие действия посягают на интересы правосудия, в связи с чем подлежат уголовно-правовой оценке, в том числе по ст. 306 УК РФ как заведомо ложный донос [7].

¹ Приговор Павловского районного суда Краснодарского края от 06.02.2017 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: [https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=3_f81524818160d0b407a9a6f2ec219e2d&shard=%D0%92%D1%81%D0%B5%20%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B0%20\(%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5\)&from=p&r={%22type%22](https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=3_f81524818160d0b407a9a6f2ec219e2d&shard=%D0%92%D1%81%D0%B5%20%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B0%20(%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5)&from=p&r={%22type%22) (дата обращения 22.11.2020).

Представляется, что использование по аналогии признаков, описанных в ст. 304 УК РФ, применительно к общему определению провокации не вполне обоснованно, поскольку в данной норме речь идет скорее не о провокации, а о частном случае фальсификации доказательств.

С нашей точки зрения, действия лица, подбрасывающего другому лицу наркотические средства, не являются провокацией преступления, поскольку под провокацией мы понимаем умышленные односторонние действия лица, направленные на создание условий, возбуждающих желание у другого лица совершить общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания, в целях привлечения его к уголовной ответственности или наступления иных неблагоприятных для него последствий при отсутствии признаков соучастия.

Такому действию, как «подбрасывание наркотических средств», не присуще свойство возбуждения желания у лица совершить преступление. В данном случае взаимодействия между лицами не происходит, также не происходит моделирования поведения лица с точки зрения мотивационной составляющей.

Также некоторые ученые полагают, что в случае, если подбрасывание наркотических средств другому лицу осуществляется специальным субъектом – должностным лицом, то действия такого лица должны квалифицироваться по ст. 285 или 286 УК РФ [3].

При наличии всех признаков преступления, предусмотренного ст. 285 или ст. 286 УК РФ, квалификация по данным составам, как представляется, обоснована. Однако в случае подбрасывания наркотических средств частным лицом – общим субъектом преступления квалификация по данным нормам исключается, что порождает ряд проблемных вопросов, основной из которых – совершено ли в данном случае общественно опасное деяние и какой нормой УК РФ предусмотрена ответственность за совершение такого деяния?

Наиболее приемлемой в рассматриваемой ситуации, на наш взгляд, является позиция ряда ученых, полагающих, что здесь налицо состав преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 306 УК РФ или ч. 2–4 ст. 303 УК РФ, в зависимости от фактических обстоятельств. Судебная практика идет по аналогичному пути.

Хрестоматийным в этой части примером является дело Бондарева и Гайворонской, осужденных приговором Каменского районного суда Ростовской области от 05.03.2013. Бондарев признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228 УК РФ (по эпизоду незаконных приобретения, хранения, перевозки наркотических средств, в крупном размере), ч. 1 ст. 222 УК РФ (по эпизоду незаконных приобретения, хранения, перевозки боеприпасов) и ч. 3 ст. 306 УК РФ (по эпизоду заведомо ложного доноса о совершении преступления, соединенного с созданием доказательств обвинения); Гайворонская признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228 УК РФ (по эпизоду незаконных приобретения, хранения, перевозки наркотических средств, в крупном размере), ч. 1 ст. 222 УК РФ (по эпизоду незаконных приобретения, хранения, перевозки боеприпасов).

Так, судом установлено, что Бондарев нарвал листья конопли, которые высушил, измельчил и, осознавая, что данное вещество является наркотическим средством

– каннабисом (марихуаной), стал незаконно хранить его без цели сбыта в своем домовладении в специально изготовленном свертке. Далее Бондарев нашел также картонный коробок, в котором находилось восемь патронов и стал незаконно их хранить в специальном свертке.

Через некоторое время Бондарев вступил в преступный сговор с Гайворонской об оставлении в автомобиле А. марихуаны и восьми патронов с целью сообщить об этом в правоохранительные органы, чтобы А. был привлечен к уголовной ответственности. Бондарев, действуя согласно разработанному плану, передал Гайворонской сверток с марихуаной и сверток с восемью патронами и проинструктировал Гайворонскую как она должна действовать. Гайворонская, действуя согласованно с Бондаревым, имея при себе указанные выше сверток с марихуаной и сверток с восемью патронами, познакомилась с А. и вечером, находясь в автомобиле А., поместила свертки с марихуаной и восемью патронами под переднее пассажирское сиденье.

Затем Бондарев из личной неприязни к А., на почве мести, достоверно зная о том, что в принадлежащем А. автомобиле находятся наркотические средства и боеприпасы, которые сам Бондарев с помощью Гайворонской незаконно поместил в указанный автомобиль без ведома А., заведомо ложно сообщил по телефону на стационарный пост ГИБДД сотрудникам полиции о совершаемом А. преступлении: незаконном хранении наркотических средств и боеприпасов¹.

В приведенном примере вызывает интерес то, что сами действия осужденных, а именно «подбрасывание» не имеют уголовно-правового значения. Предположим, если бы Бондарев не сообщил сотрудникам полиции о якобы совершенном А. преступлении, то действия осужденных по подбрасыванию товара А. не нашли бы уголовно-правовой оценки.

С.В. Ермаков, анализируя дело Бондарева и Гайворонской, указывает, что в связи с тем, что «подбрасывание» наркотических средств и боеприпасов производится с целью искусственного создания доказательств совершения преступления, такие обстоятельства наиболее полно отражают состав преступления, предусмотренный ст. 303 УК РФ – фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности, поскольку данная норма предполагает создание несуществующих доказательств совершения преступления [3].

Позволим себе не согласиться с предложенной уголовно-правовой квалификацией деяния, поскольку, во-первых, субъект преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ, – специальный, в частности, по ч. 2 указанной статьи лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, защитник. На этом основании, учитывая, что Бондарев не является специальным субъектом применительно к ст. 303 УК РФ, квалификация по указанной норме исключается.

Кроме того, учитывая, что помимо искусственного создания доказательств обвинения, Бондарев осуществил звонок в правоохранительные органы и донес заведо-

¹ Приговор Каменского районного суда Ростовской области от 05.03.2013 // Официальный сайт Каменского районного суда Ростовской области. URL: https://kamensky-ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=66452172&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 22.11.2020).

мо ложную информацию о совершенном преступлении, данные действия, несомненно, образуют состав преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 306 УК РФ.

С учетом изложенного, полагаем, что подбрасывание лицу наркотических средств не является провокацией преступления и в зависимости от фактических обстоятельств, а также от свойств лица, совершившего данное деяние, такие действия могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 306 УК РФ, как заведомо ложный донос о совершении преступления, соединенный с искусственным созданием доказательств обвинения по соответствующей части ст. 303 УК РФ, как фальсификация доказательств или при наличии соответствующих оснований по ст. 285 или 286 УК РФ.

Таким образом, в настоящее время в уголовном законодательстве не урегулированы отдельные вопросы провокации преступления в целом, и провокации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, в частности. Вместе с тем с учетом достаточно распространенной практики провокации указанных преступлений и в правоприменительной практике возникает ряд сложностей при рассмотрении таких дел. Наиболее приемлемым решением возникшей проблемы, на наш взгляд, является конструирование в Особенной части УК РФ общей нормы о провокации преступления, в этой связи необходимо изменить редакцию ст. 304 УК РФ, в том числе исключить указание на конкретные преступления, за совершение которых наступает уголовная ответственность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Битов А.А. Некоторые вопросы квалификации провокации отдельных видов преступлений // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. XIII. № 4. – С. 358–360.
2. Волженкин Б.В. Служебные преступления. – М.: Юристь, 2000. – 368 с.
3. Ермаков С.В. Особенности квалификации по статьям 286, 303 УК РФ действий сотрудников оперативных подразделений, допустивших провокацию // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 3 (94). – С. 83–90.
4. Капинус О.С. Практика Европейского суда по правам человека по вопросу провокации преступления и ее уголовно-правовое значение // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 12. – С. 62–70.
5. Курченко В. Отграничение провокации от действий при пресечении преступлений // Законность. – 2004. – № 1. – С. 10–12.
6. Тонков В.Е. Квалификация преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков на стадии судебного разбирательства: монография. – Белгород: БелГУ, 2008. – 214 с.
7. Шумихин В.Г. Квалификация провокации отдельных преступлений / В.Г. Шумихин // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. – Вып. 2 (28). – С. 142–147.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bitov A.A. Some questions of qualification of provocation of separate types of crimes // Gaps in Russian legislation. – 2020. – Т. XIII. № 4. – P. 358–360.
2. Volzhenkin B.V. Official crimes. – М.: Jurist, 2000. – 368 p.
3. Ermakov S.V. Peculiarities of qualification by articles 286, 303 of the Criminal Code of actions of employees of operational units, allowing the provocation // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (94). – P. 83–90.
4. Kapinus O.S. Practice of the European court of human rights on the question of provocation of a crime and its criminal-legal significance // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2014. – № 12. – P. 62–70.
5. Kurchenko V. Delimitation of provocation from the actions with the suppression of crimes // Legality. 2004. – № 1. – P. 10–12.
6. Tonkov V.E. Qualification of crimes in sphere of illegal drug trafficking on the stage of the proceedings: monographiya. – Belgorod: Belgorod State University, 2008. – 214 p.
7. Shumikhin V.G. Qualification of provocation of separate crimes // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. – 2015. – Issue 2 (28). – P. 142–147.

УДК 343.14

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-92-101

Конин Владимир Владимирович

доцент кафедры уголовно-
процессуального права Северо-
Западного филиала
Российского государственного
университета правосудия
(г. Санкт-Петербург)
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: vkonin.kld@yandex.ru

Konin Vladimir Vladimirovich

Associate Professor of Criminal
Procedure Department,
North-Western branch of the Russian
State University of Justice
(St. Petersburg)
Candidate of Law, Associate Professor
e-mail: vkonin.kld@yandex.ru

Елаев Алексей Александрович

юрист, член Общественной палаты
Калининградской области
e-mail: elaev@yandex.ru

Elaev Alexey Alexandrovich

Lawyer, member of the Public Chamber of
the Kaliningrad region
e-mail: elaev@yandex.ru

**ВЫЯВЛЕНИЕ И ФИКСАЦИЯ КОСВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ПО НАЛОГОВЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ И ИХ ЗНАЧИМОСТЬ
ДЛЯ ПОСЛЕДУЮЩЕГО ДОКАЗЫВАНИЯ СОБЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Введение: налоги, уплачиваемые как юридическими, так и физическими лицами, для любого государства являются одним из основных источников наполнения бюджета. Конституция Российской Федерации устанавливает обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы, а налоговое и уголовное законодательство предусматривают ответственность за уклонение от установленной конституционной обязанности, поскольку данное правонарушение непосредственно посягает на благополучие общества. В статье предпринята попытка рассмотреть некоторые вопросы выявления косвенных доказательств, позволяющих обосновать выдвижение обвинительного тезиса в совершении налогового преступления.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, Налоговый кодекс РФ, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации, совместные нормативные акты Следственного комитета РФ и Федеральной налоговой службы РФ, решения арбитражных судов Российской Федерации, на основании анализа которых авторы пришли к выводам, изложенным в статье.

Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили выработать рекомендации для следователей и сотрудников подразделений по борьбе с экономическими преступлениями, которые помогают выявлять факты, имеющие доказательственное значение в процессе последующего расследования налоговых преступлений, а также устанавливать вероятностные корреляционные связи между ними.

Выводы и заключения: проанализированные взаимосвязи между отдельными элементами противоправной деятельности при совершении налоговых преступлений раскрыли взаимообусловленность особенностей элементов совершения налоговых преступлений.

Ключевые слова: косвенные доказательства, налоговые органы, следователь, финансовые документы, цифровые следы, налоговые преступления.

IDENTIFICATION AND RECORDING OF INDIRECT EVIDENCE ON TAX CRIMES AND THEIR SIGNIFICANCE FOR SUBSEQUENT PROOF OF THE CRIME EVENT

Introduction: Taxes paid by both legal entities and individuals are one of the main sources of budget replenishment for any state. The Constitution of the Russian Federation establishes the obligation of everyone to pay legally established taxes and fees, and tax and criminal legislation provides for liability for evading the established constitutional obligation, since this offense directly encroaches on the welfare of society. This article will attempt to address some issues of identifying indirect evidence that can justify the accusation of a tax crime.

Materials and Methods: the normative basis of the research constitute the Constitution of the Russian Federation, Tax Code of Russia, criminal and criminal-procedural legislation Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, the joint regulations of the Investigative Committee of the Russian Federation and Federal tax service of the Russian Federation, decisions of arbitration courts of the Russian Federation, on the basis of the analysis which the authors came to the conclusions presented in the article.

The methodological basis of the research is the General dialectical method of scientific knowledge, which has a universal character, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

Results of the Study: allowed us to develop recommendations for investigators and employees of departments for combating economic crimes, allowing us to more fully identify facts that are of evidentiary value in the process of identifying and subsequent investigation of tax crimes, as well as to establish probabilistic correlations between them.

Findings and Conclusions: the analyzed relationships between individual elements of illegal activity in the Commission of tax crimes revealed the interdependence of the features of the elements of tax crimes.

Key words: indirect evidence, tax authorities, investigator, financial documents, digital traces, tax crimes.

Вопросам борьбы с нарушением налогового законодательства посвящено достаточно большое количество исследований [1; 2; 3, 4], но проблема не уходит на второй план, а приобретает все более важное значение в условиях экономических трудностей, переживаемых государством в настоящее время.

Как отметил Пленум Верховного суда Российской Федерации, нужно «обратить внимание судов на то, что общественная опасность уклонения от уплаты налогов и сборов, то есть умышленного невыполнения конституционной обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы, заключается в непоступлении денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации» [5].

Одним из основных субъектов по выявлению налоговых преступлений в настоящее время, помимо подразделений по борьбе с экономическими преступлениями в системе МВД России и ФСБ России, является Федеральная налоговая служба Российской Федерации. Именно по материалам налоговых органов в настоящее время возбуждается основная масса уголовных дел. Вместе с тем, как показал проведенный опрос сотрудников подразделений по борьбе с экономическими преступлениями, они не в полной мере владеют информацией о методах, которые применяются сотрудниками налоговых органов в выявлении и документировании налоговых правонарушений. Еще более интересные результаты выявил опрос следователей Следственного комитета РФ, расследующих уголовные дела по налоговым преступлениям. Как отметили опрошенные следователи, что поскольку, согласно сложившейся следственной практике, материалы налоговой проверки изначально являются доказательством, имеющим статус иных документов, соответственно, задача следователя заключается в том, чтобы преобразовать собранный налоговыми органами материал в соответствии с требованиями, предъявляемыми УПК РФ, т.е. провести необходимые следственные действия. Из числа следственных действий, входящих в число основных на первоначальном этапе расследования, были названы такие, как обыск либо выемка, в ходе которого необходимо изъять финансовую документацию, которая была уже в значительной мере исследована сотрудниками налогового органа (в том числе путем изготовления заверенных копий, и в случае уничтожения подлинных финансовых документов в налоговых органах изымаются заверенные копии, по которым в дальнейшем и проводится расследование), компьютерную технику и серверы. Затем, имея в виду выводы налоговых органов о размере неуплаченных налогов, которые пока еще официально не легализованы, назначить судебно-бухгалтерскую, а при необходимости и судебно-экономическую экспертизу по изъятым финансовым документам, судебно-техническую экспертизу по изъятым компьютерам и серверам. В дальнейшем, используя в качестве информационной основы объяснения, полученные сотрудниками налогового органа, допросить свидетелей, а

также лиц из числа руководителей юридического лица, принимавших управленческие решения, с учетом правовой позиции, выработанной Пленумом Верховного суда Российской Федерации, определившей, кто является субъектом преступления [5]. Если же лицо, указанное в качестве руководителя юридического лица является фиктивным руководителем, то необходимо установить, кто распоряжался денежными средствами предприятия, давал указания, обязательные для исполнения сотрудникам [6]. Параллельно с этим установить механизм уклонения от уплаты налогов, провести другие следственные и процессуальные действия, чтобы обосновать выдвинутое обвинение, и окончательно сформировать уголовное дело. Но следователи признают, что, как правило, пределы доказывания по уголовному делу уже заранее установлены материалами налоговой проверки, предоставленными налоговыми органами, и крайне редко процесс расследования выходит за них.

В связи с этим возникла необходимость исследовать опыт налоговых органов для того, чтобы ориентировать следователей и сотрудников подразделений по борьбе с экономическими преступлениями на более активные действия по выявлению и фиксации доказательств совершения налоговых преступлений.

Сразу же отметим, что налоговые органы в последние годы используют достаточно оригинальные методы для выявления фактов уклонения от уплаты налогов, на которые раньше налогоплательщики не обращали внимание, и которые не в полной мере известны оперативным сотрудникам и следователям.

Если выявление факта сделки между юридическими лицами, имеющими одного учредителя, одного директора или один юридический адрес, особенно если они являются массовыми, позволяют предположить, что существуют основания для более пристального внимания к финансовой деятельности и необходимости изучения финансовой документации на предмет возможных нарушений налогового законодательства, то в отношении менее традиционных способов идентификации, оставляющих цифровые следы, это происходит не всегда. Особенно это актуально в новых условиях применения ст. 54.1 Налогового кодекса РФ, требующей доказывания налогоплательщиком реальности существования контрагента и осуществления им конкретных операций, применяющейся в любом случае с учётом ст. 10 Налогового кодекса РФ, не допускающей формального документооборота и злоупотребления правами налогоплательщика.

В условиях возрастающей цифровизации бизнеса практически от всех действий всех контрагентов остаётся цифровой след – отражение в целом ряде электронных документов, либо следов в Интернете, которые практически невозможно подделать, особенно в тех случаях, когда при помощи фирмы-однодневки и активных действий недобросовестные предприниматели и бухгалтеры пытаются создать фиктивный документооборот.

Некоторые особенности выявления фиктивных сделок налогоплательщика, осуществляющихся с целью «налоговой экономии» при дроблении бизнеса, описаны в методических рекомендациях "Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора)" (подготовлены Следственным комитетом РФ и Федеральной налоговой службой) [7].

В методических рекомендациях в основном рассмотрены типовые схемы совершения налоговых преступлений и описаны признаки, свидетельствующие о совершенном преступлении. В частности, о возможном противоправном нарушении в сфере налогового законодательства может свидетельствовать наличие в помещении организации-налогоплательщика печатей фирмы-однодневки, бланков аффилированных организаций и иные следы фиктивного документооборота.

Но, как нам представляется, гораздо интереснее использовать нетиповые средства выявления косвенных доказательств в доказывании факта совершения налогового преступления. Рассмотрим некоторые ситуации, позволяющие выявить косвенные доказательства о наличии какой-либо схемы уклонения от уплаты налогов.

1. Использование юридическими лицами одного IP-адреса.

Экономическая деятельность всегда оставляет цифровые или электронные следы. Для выявления электронных следов следователю рекомендуется направлять запросы и истребовать сведения об IP-адресах по месту выхода в сеть юридических лиц, в отношении которых проводится расследование, в частности, для направления налоговой отчетности и распоряжения расчётным счётом по системе «банк–клиент».

При этом достаточно эффективным способом является комплексное использование доказательств, наряду с установлением цифрового следа юридических лиц используются показания свидетелей, а также материалы оперативно-розыскных мероприятий. Как пример можно привести Постановление 17 Арбитражного апелляционного суда от 04 июля 2018 г. по делу № А60-66977/2017, где наряду с допросами свидетеля, сообщившего, что зарегистрировался индивидуальным предпринимателем за вознаграждение, используется довод о том, что управление банковскими счетами как налогоплательщика, так и контрагента использовалось с одного IP-адреса [8]. Аналогичные выводы содержатся и в решении Арбитражного суда Волгоградской области от 13.07.2018 г. по делу № А12-9429/2018, который указал следующее: «Инспекцией установлено, что налоговую и бухгалтерскую отчетность ООО “Дизель Агро Сервис” представляло в электронном виде за подписью руководителя – Караваева Валерия Владимировича через оператора электронного документооборота ООО “Компания “Тензор”. Волгоградским региональным филиалом АО “Российский Сельскохозяйственный Банк” представлены документы по ООО “АгроПартнер” и ООО “Дизель Агро Сервис”, в результате анализа которых установлено, что владельцами сертификата открытого ключа являлись Кашкаров Геннадий Викторович – ООО “АгроПартнер”; Караваев Валерий Владимирович – ООО “Дизель Агро Сервис”. IP-адреса и MAC-адреса, с которых осуществлялось подключение к системе дистанционного банковского обслуживания у ООО “АгроПартнер” и ООО “Дизель Агро Сервис” идентичны» [9]. Тем самым была установлена взаимозависимость, казалось бы, различных юридических лиц.

Аналогичную позицию занимают и другие арбитражные суды, что прослеживается в судебных решениях. Анализируя судебную практику, можно сделать вывод о том, что в настоящее время сложилась типовая формулировка выводов арбитражных судов о взаимозависимости юридических лиц при идентичности IP-адресов, с которых осуществляется доступ к системе «банк–клиент». Уверенность судов о взаимозависимости юридических лиц базируется на информации, предоставленной банками по запросам налогового органа. Информация, представленная банками, затем иссле-

довалась в судебном разбирательстве и получила статус доказательства, позволяющего обосновать вынесенное судебное решение.

Таким образом, цифровой след позволяет сформировать доказательство, свидетельствующее о взаимосвязанности контрагентов – юридических лиц и существовании схемы ухода от налогов.

Однако при этом необходимо иметь в виду, что есть случаи, когда юридические лица, не взаимозависимые между собой и не применяющие схемы по уходу от налогов, используют один IP-адрес. Например, это возможно, если одно юридическое лицо находится на территории другого юридического лица и возмещает понесенные вторым юридическим лицом затраты на связь, но при этом имеет другую клиентскую базу [10]. Существуют и другие основания использования различными юридическими лицами одного IP-адреса, поэтому в каждом случае необходимо выяснять причины.

2. Нахождение всех электронных документов в одном месте.

Является аксиомой, что не только по расследуемым уголовным делам, но и при производстве доследственной проверки по материалам, связанным с налоговыми преступлениями, изымаются компьютеры и серверы. Цель, как правило, обнаружение финансовой документации, хранящейся в электронном виде. Вместе с тем стоит обратить внимание и на наличие электронной документации, к которой проверяемое юридическое лицо формально отношения не имеет. Например, очень сложно представить себе, что контрагент юридического лица может хранить свою документацию на чужих серверах или в чужой электронной почте. Всегда очень сложно обосновать законность действий юридического лица, если в ходе выемки или обыска изъят сервер, на котором будет обнаружена вся информация о контрагенте, включая те электронные документы, которых у проверяемого юридического лица быть не должно. Это также свидетельствует о том, что контрагент является взаимозависимым лицом [11].

3. Одинаковые сведения в «малосущественных» документах.

При расследовании налоговых преступлений, как правило, не обращается внимание на то, какие сведения содержатся в, казалось бы, разовых и малосущественных документах. Например, в заявлениях о выдаче ключей электронных подписей. Обычно в этих документах содержатся настоящие контактные лица и номера телефонов, чтобы можно было оперативно связаться в случае выявления тех или иных спорных вопросов. Так как указанные документы также находятся в банке, то и они могут быть предоставлены следователю в соответствии с требованиями УПК РФ, или при проведении налоговой проверки по запросу налогового органа. Например, в примечательном как по объему доказательств, так и по участию иностранного элемента деле № А76-31930/2016 Арбитражным судом Уральского округа было отмечено следующее: «Из информации, представленной банками, в которых открыты счета общества “Стройтехснаб”, следует, что вышеперечисленные руководители данного юридического лица выдавали доверенности на распоряжение расчетными счетами общества “Стройтехснаб” физическим лицам в те периоды, когда они не являлись лицами, имеющими на то соответствующие полномочия. Более того, в карточке с образцами подписей и оттисков печати общества “Стройтехснаб” указаны номера телефонов, оплату за которые производило общество “СИК “Золотой мост” (плата за телефон включалась в стоимость арендной платы за нежилое помещение по юридическому адресу общества “СИК “Золотой мост” в г. Санкт-Петербурге). Инспекцией установ-

лено, что IP-адреса общества “Стройтехснаб”, с которых направлялась отчетность в налоговые и иные контролирующие органы, IP-адреса из журнала соединений с АКБ “Банк Китая (ЭЛОС)” совпадают с IP-адресами, представленными в журнале соединений АКБ “Банк Китая (ЭЛОС)” в отношении общества “СИК “Золотой мост”» [12]. Это стало одним из доводов в поддержку требований налогового органа в суде кассационной инстанции.

Не стоит следователю забывать также о том, кто регистрировал используемые в качестве контрагента фирмы-однодневки и кто отправляет бухгалтерскую отчетность через систему. Если это одни и те же юристы и бухгалтеры, то доводы о том, что юридическое лицо привлекло для работы юридическую фирму или аудиторскую компанию, необходимо будет доказывать, действительно ли это сторонние организации, а не взаимозависимое и не внутреннее подразделение. Об этом свидетельствуют не только фамилии специалистов и IP-адреса, но и движение средств по счетам и структура постоянных издержек.

4. Важные мелочи.

В споре по делу № А42-8684/2016 одним из доводов в обоснование тезиса об уклонении юридическим лицом от уплаты налогов явился пропускной режим на предприятии, куда должны были заходить транспортные средства для разгрузки. Исследуя и анализируя довод налогового органа о том, что невозможно переместить требуемое количество груза имеющимся количеством транспорта, суд достаточно подробно рассмотрел организацию пропускного режима на предприятии, который предполагал платность заезда, однако счета за оплату проезда не выставлялись, а допрошенные свидетели путались в показаниях. В решении суда отражено следующее: «В ходе допроса свидетели сообщили, что при въезде на территорию склада в г. Москве, где происходила загрузка товаром, существовал пропускной режим. Оплату пропусков при выезде со склада они осуществляли сами наличными денежными средствами и потом сдавали их в гараже директору, Впоследствии данные суммы компенсировались путем включения их в командировочные расходы. Однако непосредственный руководитель указанных свидетелей – Бреднев А.А. при проведении налоговой проверки в ходе допроса показал, что оплату за оформление пропусков ни он, ни его водители при въезде на территорию складов не осуществляли. Таким образом, показания указанных водителей расходятся со свидетельскими показаниями Бреднева А.А. Поскольку Бреднев А.А. в допросе указал, что ни он, ни его водители оплату пропусков не осуществляли, то в таком случае арендодателем складских помещений (ЗАО “Курьяновское”) в адрес арендаторов должны были выставляться счета за оформление пропусков на въезд (выезд) автотранспортных средств (выставление данных счетов предусмотрено договорами аренды). Однако в периоды поставок товаров арендодателем (ЗАО “Курьяновское”) в адрес арендаторов (ООО “Мульти Вайн”, ООО “Кармен Алко”) счета за оформление пропусков на въезд (выезд) грузовых автотранспортных средств не выставлялись» [13].

В решении Арбитражного суда Республики Коми от 06 июня 2018 г. по делу № А29-17285/2017 дана оценка возможности поставки автозапчастей транспортному средству путём исследования сведений из не так давно введённой в действие на территории Российской Федерации системы «Платон». Если транспортное средство не оборудовано обязательными для него системами контроля оплаты использования ав-

тодорог, то сомнительно, чтобы для него могли систематически приобретаться запчасти и осуществляться иные затраты.

Пока нет устоявшихся судебных решений со ссылкой на систему учёта ветеринарной продукции «Меркурий», использование которой стало обязательным с 1 июля 2018 г., но можно ожидать и готовиться к этому заранее, что выписки из системы появятся в делах по фиктивным поставкам продовольствия, равно как и выписки из постепенно создаваемых в субъектах федерации единых систем обращения с отходами производства и потребления. «Цифровой след» от их оборота может оказаться настолько уникальным, насколько и трудно «рисуемым» отдельными недобросовестными сотрудниками бухгалтерии, поскольку он должен совпадать со многими параллельными базами данных.

5. Доказательство переговоров с контрагентами.

Прошли те времена, когда переговоры производились коммивояжерами и бумажной перепиской: современные переговоры высокотехнологичны, основаны на использовании не только телефона и электронной почты, но и мессенджеров. Не может контрагент взяться из ниоткуда и уйти в никуда, во что «искренне» верят недобросовестные предприниматели. Переписка, которая, как правило, предшествует заключению договора, и осуществляемая в процессе исполнения договора, должна остаться. Но достаточно часто в процессе расследования уголовных дел по налоговым преступлениям, а также в процессе налоговых проверок выясняется, что переписка у проверяемого юридического лица с контрагентом отсутствует. Например, в деле № А55-10066/2017 свидетели пытались доказать, что руководили субподрядными работами при помощи скайпа и телефона, но суд апелляционной инстанции не принял указанный довод во внимание [14].

Таким образом, в процессе проведения доследственной проверки либо при расследовании уголовного дела по фактам нарушения налогового законодательства оперативным сотрудникам подразделений по борьбе с экономическими преступлениями и следователям необходимо иметь в виду цифровые следы, а также второстепенные, на первый взгляд, детали, которые позволяют в более полном объеме установить механизм совершения налогового преступления, собрать доказательства, подтверждающие выдвинутый обвинительный тезис. Несмотря на то, что указанные доказательства будут являться косвенными, но в связке с прямыми доказательствами они позволят в полном объеме доказать виновность лица в совершении налогового преступления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Серeda И.М. Ответственность за налоговые преступления // Законность. – 2003. – № 5. – С. 57–59.
2. Воронин М.И. Актуальные вопросы доказывания по уголовным делам о налоговых преступлениях // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 2 (42). – С. 66–77.
3. Гордеев А.Ю., Хорьяков С.Н. Особенности доказывания при расследовании налоговых преступлений // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина. – 2017. – № 2 (30). – С. 22–25.
4. Грибунов О.П., Волошина Л.А. Первоначальный этап расследования налоговых преступлений в сфере неисполнения обязанностей налогового агента // Вестник

Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2009. – № 4 (51). – С. 3–8.

5. О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления: постановление Пленума Верховного суда РФ от 26.11.2019 N 48 // СПС Консультант Плюс

6. Рожавский З.Д. Подставное лицо в контексте преступлений, совершаемых с использованием фирм-однодневок // Современное право. – 2017. – N 6. – С. 85–88.

7. Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора): методические рекомендации Следственного комитета России // СПС Гарант.

8. Постановление 17 арбитражного апелляционного суда от 04 июля 2018 г. по делу № А60-66977/2017 // СПС Консультант Плюс.

9. Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 13.07.2018 г. по делу № А12-9429/2018 // СПС Консультант Плюс.

10. Решение Арбитражного суда Кировской области от 17.05.2018 г. по делу № А28-5790/2017 // СПС Консультант Плюс.

11. Постановление АС Московского округа от 13.07.2018 г. по делу № А40-156878/2017 // СПС Консультант Плюс.

12. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29.12.2017 г. по делу № № А76-31930/2016 // СПС Консультант Плюс.

13. Решение Арбитражного суда Мурманской области от 30.10.2017 г. по делу № А42-8684/2016 // СПС Гарант.

14. Постановление 11 Арбитражного апелляционного суда от 13.03.2018 г. по делу № А55-10066/2017 // СПС Консультант Плюс.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Sereda I. M. Responsibility for tax crimes // *Legality*. – 2003. – No. 5. – P. 57–59.

2. Voronin M. I. Topical issues of evidence in criminal cases of tax crimes // *Bulletin of the University named after O. E. Kutafin (MSAL)*. – 2018. – No. 2 (42). – P. 66–77.

3. Gordeev A. Yu., Horyakov S. N. Features of proof in the investigation of tax crimes // *Bulletin of the Belgorod law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin*. – 2017. – No. 2 (30). – P. 22–25.

4. Gribunov O. P., Voloshina L. A. The initial stage of the investigation of tax crimes in the field of non-performance of duties of a tax agent // *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2009. – No. 4 (51). – P. 3–8

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.11.2019 N 48 "on the practice of application by courts of legislation on liability for tax crimes" // *SPS Consultant Plus*.

6. Rozhavsky Z. D. a Figurehead in the context of crimes committed using one-day firms // *Modern law*. – 2017. – N 6. – P. 85–88.

7. Methodological recommendations of the Investigative Committee of Russia "on the study and proof of intentional non-payment or incomplete payment of tax (fee)" (pre-

pared by the Investigative Committee of the Russian Federation and the Federal tax service) // SPS Garant.

8. Resolution 17 of the commercial court of appeal of July 04, 2018 in case no. A60-66977/2017 // SPS Consultant Plus.

9. Decision of the Arbitration court of the Volgograd region of 13.07.2018 in case no. A12-9429/2018 // SPS Consultant Plus.

10. Decision of The arbitration court of the Kirov region of 17.05.2018 in case no. A28-5790/2017 // SPS Consultant Plus.

11. Resolution of the AC of the Moscow district of 13.07.2018 in case no. A40-156878/2017 // SPS Consultant Plus.

12. Resolution of the Arbitration court of the Ural district of 29.12.2017 in case no. A76-31930/2016 // SPS Consultant Plus.

13. Decision of the Commercial court of the Murmansk region of 30.10.2017 in case no. A42-8684/2016 // SPS Garant.

14. Resolution 11 of the Commercial court of appeal of 13.03.2018 in case no. A55-10066/2017 // SPS Consultant Plus.

УДК 343.13

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-102-111

Лукьянова Алина Александровна
преподаватель кафедры уголовного
процесса Барнаульского юридического
института МВД России
E-mail: lok_doc@mail.ru

Lukyanova Alina Aleksandrovna
Lecturer of the Criminal Procedure Depart-
ment of the Barnaul Law Institute of the
Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: lok_doc@mail.ru

**ОГРАНИЧЕНИЕ СВОБОДЫ И ЛИЧНОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ:
ОТ СУЩНОСТИ К ПРОБЛЕМЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
ПРАВОВОГО СТАТУСА (ПОЛОЖЕНИЯ)**

Введение: эффективность уголовного судопроизводства должна обеспечиваться на основе разумного баланса между защищаемым публичным интересом и правовой возможностью государства ограничивать права и свободы человека и гражданина, установленной ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Одним из средств достижения указанной сбалансированности видится система правовых гарантий защиты личности от чрезмерного и необоснованного правоограничения, к числу которых, в понимании отраслевой конкретизации и установления пределов реализации субъективного права, относится предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством правовой статус любого лица, вступающего в уголовно-процессуальные правоотношения, тем более сопряженные с ограничением его свободы и личной неприкосновенности.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составили Конституция РФ, положения международно-правовых актов, ратифицированные РФ, решения Европейского суда по правам человека и Конституционного суда РФ, нормы действующего уголовно-процессуального законодательства, а также иные нормативные, правовые акты, имеющие отношение к уголовно-процессуальному праву. Методологической основой стали общенаучные методы познания (диалектический, логический метод; методы индукции и дедукции; анализа и синтеза), а также специальные методы научного познания (научного толкования, формально-логический, сравнительно-правовой, системно-структурный и др.).

Результаты исследования позволили уточнить существующие подходы к толкованию сущности права на свободу и личную неприкосновенность через определение категории «лишение свободы», а также процедур, обладающих принудительными элементами, достаточными для признания факта ограничения названного права. На основе конституционно-правового смысла указанных категорий выявлена проблема неопределенности правового статуса лиц в ситуациях ограничения свободы и личной неприкосновенности классической процессуальной формы или смежной с ней.

Выводы и заключения: высказаны предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, направленные на усиление защищенности личности, вовлекаемой в уголовно-процессуальные правоотношения.

Ключевые слова: право на свободу и личную неприкосновенность, задержание, уголовно-процессуальное принуждение, правовой статус, ограничение прав.

RESTRICTION OF LIBERTY AND PERSONAL SECURITY IN CRIMINAL PROCESS: FROM THE ESSENCE TO THE PROBLEM OF LEGAL STATUS UNCERTAINTY (REGULATIONS)

Introduction: the effectiveness of criminal proceedings should be ensured on the basis of a reasonable balance between the protected public interest and the legal ability of the state to restrict human and civil rights and freedoms, established by Part 3 of Art. 55 of the Constitution of the Russian Federation. One of the means of achieving this balance is seen as a system of legal guarantees for the protection of an individual from excessive and unreasonable legal restriction, which, in the understanding of industry specificity and the establishment of limits for the implementation of subjective rights, includes the legal status of any person entering into criminal procedural legal relations provided for by the criminal procedural legislation, especially those associated with the restriction of his freedom and personal inviolability.

Materials and Methods: The normative basis of the study is the Constitution of the Russian Federation, the provisions of international legal acts ratified by the Russian Federation, decisions of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation, the norms of the current criminal procedure legislation, as well as other regulatory and legal acts related to criminal procedure law. The methodological basis of the study is general scientific methods of cognition (dialectical, logical method; methods of induction and deduction, analysis and synthesis), as well as special methods of scientific cognition (scientific interpretation, formal-logical, comparative-legal, system-structural methods, and others).

Results of the Study: made it possible to clarify the existing approaches to the interpretation of the essence of the right to liberty and security of person through the definition of the category of «deprivation of liberty», as well as procedures that have coercive elements sufficient to recognize the fact of restriction of the said right. On the basis of the constitutional and legal meaning of these categories, the problem of the uncertainty of the legal status of persons in situations of restriction of the right to liberty and security outside classical procedural form or an adjacent one is revealed.

Findings and Conclusions: suggestions are made to improve the criminal procedural legislation aimed at strengthening the protection of the individual involved in criminal procedural legal relations.

Key words: the right to liberty and security of person, detention, criminal procedural compulsion, legal status, restriction of rights.

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – аксиома, используемая во всех сферах правового общения, к числу которых относится и уголовное судопроизводство. Имея организационно-властный характер, профессиональная деятельность лиц, осуществляющих проверку сообщений о преступлениях, предварительное расследование по уголовным делам, по своей природе сопряжена с использованием принудительных методов и средств. В свою очередь такого рода потенциал уголовно-процессуальной деятельности обусловлен необходимостью реализации назначения уголовного судопроизводства, что во взаимосвязи с положениями ст. 6.1 УПК РФ должно происходить в разумные сроки.

Именно своевременность процессуального реагирования, например, на возникшую ситуацию, требующую безотлагательного производства следственного действия с целью изъятия значимого для уголовного дела объекта, может предопределить целесообразность использования принудительных механизмов в урегулировании уголовно-процессуальных правоотношений. Равно как и необходимость предупреждения (пресечения), в отдельных случаях незамедлительного, фактов нарушения процессуальных обязанностей или злоупотребительного поведения участников уголовно-процессуальных правоотношений может оправдать применение средств принудительного характера, предусмотренных УПК РФ.

Стоит отметить, что, несмотря на непрерывное реформирование уголовно-процессуального законодательства, обеспечение прав и свобод лиц, вовлекаемых в уголовный процесс, остается одной из уязвимых сфер российской правовой системы. Вопросы реализации уголовно-процессуального законодательства, законности и обоснованности действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, стабильно остаются одним из самых распространенных предметов обращений в правозащитные органы.

Анализируя статистические данные, заметим, что Российская Федерация на протяжении многих лет занимает лидирующее положение среди государств – ответчиков по делам с выявленными нарушениями Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в частности ст. 5. Абсолютным большинством по сравнению с нарушениями других статей Конвенции по делам с участием РФ обладают нарушения права на свободу и личную неприкосновенность, в том числе допущенные в уголовном судопроизводстве¹. Работниками прокуратуры в рамках надзора за исполнением законов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства ежегодно выявляется более 5 млн нарушений, в частности, связанных с несоблюдением прав и свобод человека и гражданина². Только в 2019 г. почти треть обращений в Аппарат Уполномоченного по правам человека в РФ касалась уголовного судопроизводства (например, обоснованности возбуждения уголовного дела, уголовного преследования, сроков содержания под стражей). При этом в общей шкале количества обращений по

¹ Информация с официального сайта Европейского суда. URL: <http://www.echr.coe.int/> (дата обращения 15.01.2021).

² Сводные статистические данные о деятельности органов прокуратуры. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/> (дата обращения 15.01.2021).

отдельным отраслям права уголовный процесс занимает на протяжении последних лет первое место¹.

Уголовно-процессуальное принуждение обладает высокой социальной значимостью, так как неотъемлемым его компонентом является ограничение прав и свобод в конституционно допустимых пределах. Свобода и личная неприкосновенность каждого, гарантированная ст. 22 Конституции РФ, тоже может быть ограничена путем заключения и содержания под стражей, а также досудебного задержания, срок которого не может превышать 48 часов. Названные формы ограничения искомого права применимы к сфере уголовного судопроизводства и конкретизированы в качестве отдельных мер уголовно-процессуального принуждения (пресечения).

Необходимо признать, что современное право, декларированное ч. 1 ст. 22 Конституции РФ, прежде всего является выражением физической свободы личности [1, с. 19, 22; 2, с. 78, 80, 81, 85], которая наделена такими атрибутами материи, как пространственно-временная определенность. Это означает, что реализация права на свободу и личную неприкосновенность предполагает осознанный и по своей воле выбор лица, в каком месте находиться и на протяжении какого временного отрезка. Такая интерпретация содержания названного конституционного права предопределяет возможность расширительного толкования норм уголовно-процессуального права, регламентирующих систему принуждения.

В целом принуждение в уголовном процессе можно рассматривать в широком смысле и в узком смысле, как меры уголовно-процессуального принуждения. Объединение научных взглядов современного уголовного процесса в две названные концепции было обосновано еще в докторской диссертации Э.К. Кутуева [3]. О проблемах неурегулированности «других принудительных мер для достижения целей уголовного правосудия и обеспечения нормального хода уголовного судопроизводства» писал Б.Б. Булатов, называя физическое принуждение единственным средством фактического проведения следственных действий в отдельных случаях [4].

Справедливым видится мнение Л.В. Головки о том, что в широком смысле принуждение пронизывает весь уголовный процесс. Автор определяет критерий, по которому меры уголовно-процессуального принуждения выделены в отдельный правовой институт: целевое назначение (единственной целью таких мер является их специальная направленность на обеспечение принудительного исполнения участниками уголовного процесса их процессуальных обязанностей или на предотвращение гипотетического уклонения от исполнения данных обязанностей). В то время далеко не каждое процессуальное действие, сопряженное с применением принуждения (в широком смысле), является мерой процессуального принуждения (в узком смысле). В качестве примера ученый приводит классическую меру процессуального принуждения – меру пресечения подписка о невыезде и надлежащем поведении, направленную на предотвращение уклонения обвиняемого (подозреваемого) от исполнения им своих процессуальных обязанностей, а противопоставляет ей обыск, в рамках которого происходит более существенное ограничение конституционных прав личности, но которое направлено на собирание доказательств и относится к институту следственных действий [5, с. 521].

¹ Доклад по результатам деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год. URL: <http://ombudsmanrf.org/> (дата обращения 15.01.2021).

Характеризуя следственные действия, С.Б. Россинский отмечает, что принудительный характер свойствен всем следственным действиям, но в разной степени. Так, потенциальной возможностью применения каких-либо принудительных приемов фактически характеризуются только три следственных действия: освидетельствование, обыск и выемка, для которых именно поэтому ч. 1 ст. 164 УПК РФ установлена особая процедура принятия решения об их производстве. Следственные действия, не предусмотренные ч. 1 ст. 164 УПК РФ, по мнению автора, в определенном плане тоже подкреплены государственным принуждением, но только как бы извне (например, для допроса и очной ставки – уголовная ответственность по ст. 308 УК РФ) [6, с. 39–41].

Широкий подход к толкованию уголовно-процессуального принуждения, сопряженного с ограничением свободы и личной неприкосновенности, обнаруживается и через определение категорий «лишение свободы» и «задержание», имеющих, к примеру, в судебной практике. Конституционный суд РФ, предопределяя недопустимость произвольного вмешательства в сферу автономии личности¹, признает, что принудительными элементами, достаточными для признания факта ограничения вышеназванного права, обладают не только классические формы «арест», «заключение и содержание под стражей», а также «задержание», перечисленные в ч. 2 ст. 22 Конституции РФ.

На протяжении длительного времени понятие «лишение свободы» в его конституционно-правовом понимании формировалось и приобрело автономное значение, как итог, синонимизировав категории «лишение свободы» и «ограничение свободы». Во взаимосвязи с критерием существенности правоограничения Конституционный суд РФ охватил названным явлением и ограничение свободы передвижения – удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов². Установив связь между законодательными ограничениями и фактическим следствием их применения³, суд определил, что «лишение свободы» охватывает собой любые вводимые в законодательстве ограничения⁴ независимо от их отраслевых юридических характе-

¹ По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Костромина: постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2018 № 12-П. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения 15.01.2021).

² По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: постановление Конституционного суда РФ от 27.06.2000 № 12-П. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения 15.01.2021).

³ По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е.С. Сизикова: постановление Конституционного суда РФ от 17.11.2016 № 25-П. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения 15.01.2021).

⁴ По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К.: постановление Конституционного суда РФ от 24.05.2018 № 20-П. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения 15.01.2021).

ристик и целевого предназначения, в том числе принудительные меры обеспечительного характера.

В свою очередь, Верховный суд РФ, говоря уже об уголовно-правовых явлениях, посягающих на свободу и личную неприкосновенность, тем же порядком основывается на физическом признаке права, декларированного ст. 22 Конституции РФ. Именно в незаконном ограничении человека в физической свободе, в том числе свободе передвижения и выбора места своего нахождения (путем захвата, перемещения и удержания), заключается общественная опасность преступлений, посягающих на охраняемые главой 17 УК РФ общественные отношения. Автор умышленно обращается к уголовно-правовой сфере и соответствующим составам преступления, так как установленная законом ответственность за незаконное лишение свободы, в том числе совершенное в условиях необоснованности или превышения пределов допустимого правоограничения, является эффективной правовой гарантией защиты личности.

Европейский суд по правам человека как международный правозащитный институт неоднократно в своих решениях обращал внимание не только на унифицированное толкование ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и противопоставляемое ей лишение физической свободы, которое *de facto* может приобретать разнообразные формы, не всегда тождественные тюремному заключению в его классическом понимании¹, но и на необходимость создания системы правового гарантирования защиты личности от произвола властей. Одним из наиболее существенных нарушений, допускаемых органами власти, по мнению суда, является «недокументированное лишение свободы» [7] (курсив наш. – А.Л.), а расширительное толкование основания законности лишения свободы и личной неприкосновенности представляется недопустимым, поскольку они видятся исключениями из фундаментальных гарантий личной свободы человека. Такой взгляд в полной мере координируется с правовой позицией Конституционного суда РФ, в которой надлежащее обеспечение права на свободу и личную неприкосновенность подразумевает эффективную защиту от лишения свободы без предусмотренных законом оснований и сверх установленных временных пределов, а также осуществление принудительных мер, влекущих ограничение этого права только с соблюдением конституционных и конвенционных требований².

Говоря о правовых гарантиях защиты личности от необоснованного и чрезмерного ограничения искомого права, справедливым видится утверждение о том, что их

¹ См.: Постановление ЕСПЧ от 06.11.1980 по делу «Гуццарди (Guzzardi) против Италии». URL: <http://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения 15.01.2021); Постановление ЕСПЧ от 24.11.1994 по делу «Кеммаш (Kemmach) против Франции». URL: <http://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения 15.01.2021); Постановление ЕСПЧ от 25.05.1998 по делу «Курт (Kurt) против Турции». URL: <http://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения 15.01.2021); Постановление ЕСПЧ от 28.03.2017 по делу «З.А. и другие против России». URL: <http://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения 15.01.2021).

² По делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой лица без гражданства Н. Г. Мсхиладзе: постановление Конституционного суда РФ от 23.05.2017 № 14-П. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения 15.01.2021).

исчерпывающий перечень создать практически невозможно. Список будет коррелироваться по объему и содержанию не только исходя из вида правоотношений, но и в зависимости от фактической ситуации. К примеру, такой правовой гарантией, как получение квалифицированной юридической помощи [8] в соответствии с положениями ст. 48 Конституцией РФ наделен каждый. Однако лицо, задержанное в качестве подозреваемого, может воспользоваться данной гарантией путем оказания этой помощи адвокатом-защитником, а также своевременно с момента задержания (ч. 2 ст. 48 Конституции РФ, п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ), когда ограничение прав становится реальным. Вместе с тем, если получение квалифицированной юридической помощи обусловлено дачей показаний, то его обеспечение должно происходить безотлагательно¹.

Исследование вышеназванных правовых категорий высветляет одну из нерешенных проблем обеспечения прав и свобод лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, – проблему неопределенности правового статуса (положения)² лица, вступающего в правоотношения, сопряженные с ограничением его свободы и личной неприкосновенности, в ситуациях правоограничения классической процессуальной формы «задержания» или смежной с ней. основополагающей гарантией защиты личности в момент вступления в конкретные правоотношения видится наличие регламентированного законом правового статуса, предусматривающего комплекс прав, которые могут быть использованы в свою защиту.

Законодатель в п. 58 ст. 5 УПК РФ именуется лиц, принимающих участие в уголовном процессе, участниками уголовного судопроизводства. Исчерпывающий перечень указанных участников, содержащийся в разделе 2 УПК РФ, не согласован с отдельными «действующими лицами» уголовного процесса, например: с лицом, застигнутым при совершении преступления и фактически лишенным свободы передвижения до возбуждения уголовного дела; с лицом, находящимся в помещении или ином месте, в котором производится обыск, и которому запрещено покидать его; свидетелем, предъявленным для опознания и опознанным как лицо, совершившее преступление.

И.В. Смолькова с учетом законодательной регламентации процессуального статуса участников уголовного судопроизводства справедливо разделяет их на четыре группы, четвертая из которых – участники, вступающие в уголовно-процессуальные отношения, но никак не упоминающиеся в УПК РФ. По мнению автора, «всех лиц, вступающих в уголовно-процессуальные отношения, необходимо признать участниками уголовного судопроизводства и включить в раздел 2 УПК РФ, а также указать в общей норме УПК РФ, что эти лица имеют уголовно-процессуальные права и обязанности» [9].

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Савенко Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьями 91, 92 и 142 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 17.07.2012 № 1280-О. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения 15.01.2021).

² Не вдаваясь в полемику по вопросу соотношения категорий «правовой статус» и «правовое положение», для удобства данные термины автором будут использованы в качестве синонимов.

Действительно, такие лица вынуждены в рамках уголовно-процессуальных правоотношений отстаивать свои интересы, которые не всегда могут быть связаны с основной целью уголовного судопроизводства. Наличие явления «внестатусности» или полное отсутствие регламентированных процессуальных статусов отдельных лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, объективно влечет за собой соответствующие негативные правовые последствия. Предусмотрение в законе самостоятельного правового (процессуального) статуса лица, ставшего участником уголовно-процессуальных правоотношений, является гарантией осуществления личностью принадлежащих ей прав. Однако неопределенность правового статуса (положения) лица как участника уголовно-процессуальных отношений не означает отрицание его общеправового (конституционного) статуса, являющегося основой, которая может быть интерферирована процессуальным статусом (положением).

О внестатусности пишет В.Н. Григорьев, обнаруживая в этом явлении «выход за пределы статуса, определяемого обычно в соответствии с функциями участника уголовного процесса, в ситуации, когда участник уголовного процесса с одним статусом (либо вовсе без такового) обретает элементы не характерного для него статуса другого участника процесса» [10]. Статус участника уголовного судопроизводства позволяет лицу осуществлять свой материальный и процессуальный интерес, для чего оно наделяется соответствующими возможностями [11].

Неопределенность правового статуса независимо от ситуации (правовая неопределенность или фактическая в условиях внестатусности) препятствует возможности полноценной реализации конституционных прав личности. Наиболее существенным неоправданным ограничением подвержена личность в условиях фактического уголовного преследования. На недопустимость смешения процессуальных статусов указывает Конституционный суд РФ, например, рассматривая жалобу В.В. Ченского, который задерживался по подозрению в преступлении и после освобождения из-под стражи был допрошен в качестве свидетеля при отсутствии процессуального решения о прекращении его уголовного преследования¹. Нуждаясь не только в восстановлении чести и доброго имени, опороченного неправомерным подозрением, но и в возмещении вреда, причиненного фактом нахождения в изоляции от общества, лицо фактически было лишено правовых гарантий защиты.

Примечательно, что исследуемое правовое явление – ограничение свободы и личной неприкосновенности, в отдельных ситуациях может являться самостоятельным основанием для наделения лица уголовно-процессуальным статусом или же для его изменения. Например, лицо становится подозреваемым в момент задержания, если изначально уголовное дело было возбуждено в отношении неустановленного лица, и процессуальные действия с задерживаемым лицом до момента ограничения его свободы названным способом не производились. Кроме того, уголовно-процессуальное задержание является удобоваримым основанием смены статуса сви-

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Ченского: постановление Конституционного суда РФ от 21.11.2017 № 30-П. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения 15.01.2021).

детеля на предусмотренный ст. 46 УПК РФ, если до момента задержания основания для подозрения в совершении преступления отсутствовали.

Учитывая сложившееся в судебной практике понимание исследуемого конституционного права, основанное на физических признаках свободы личности, а также обусловленный этим широкий подход к восприятию уголовно-процессуальных средств, фактическим следствием применения которых является ограничение (лишение) свободы и личной неприкосновенности, обоснованным представляется вывод о том, что любые действия должностных лиц, направленные на ограничение искомого права в ходе уголовного судопроизводства, должны фиксироваться независимо от стадии и формального процессуального положения лица. Данное умозаключение, кроме того, детерминировано означенной выше проблемой неопределенности правового статуса (положения), а требование фиксации должно предполагать не только признание факта правоограничения, но и сопутствующие действия по разъяснению принадлежащих лицу прав и свобод (прежде всего конституционного уровня), обеспечению возможности их реализации.

Резюмируя, полагаем необходимым включить в ст. 10 УПК РФ положение, устанавливающее обязанность должностного лица незамедлительно с момента начала осуществления любых процессуальных действий, фактически ограничивающих свободу и личную неприкосновенность лиц, юридически фиксировать этот факт, разъяснять лицу, принадлежащие ему права и свободы, обеспечивать возможность их реализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бойко Е.Ю. Конституционный суд Российской Федерации как гарант защиты права на свободу и личную неприкосновенность человека: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 232 с.
2. Морозов А.П. Конституционное право человека и гражданина на свободу и личную неприкосновенность в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – 221 с.
3. Кутуев Э.К. Уголовно-процессуальное принуждение в досудебных стадиях: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2004. – 44 с.
4. Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. – Н.Новгород, 2003. – 490 с.
5. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – М.: Статут, 2016. – 1278 с.
6. Россинский С.Б. Следственные действия: монография. – М.: Норма, 2018. – 240 с.
7. Лукьянова А.А. Проблемы реализации права на свободу и личную неприкосновенность: правовые позиции ЕСПЧ // Алтайский юридический вестник. – 2020. – № 4 (32). – С. 139–143.
8. Лукьянова А.А. Право на получение квалифицированной юридической помощи как гарантия защиты свободы и личной неприкосновенности: проблемы обеспечения в уголовном судопроизводстве // Сибирский юридический форум: проблемы

обеспечения прав человека: материалы всерос. науч.-практич. конф. / под ред. Ю.В. Анохина. – Барнаул: Барнаульский юрид. институт МВД России, 2020. – С. 125–127.

9. Смолькова И.В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Известия Байкальского государственного университета. – 2017. – Т. 27. № 2. – С. 205–210.

10. Григорьев В.Н., Зайцев О.А. Новый инструмент правового регулирования статуса участников уголовного производства // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 413. – С. 205–209.

11. Максимов О.А. Индивидуальный статус участника уголовного процесса, как необходимое условие полноценной уголовно-процессуальной деятельности // Полицейская и следственная деятельность. – 2018. – № 2. – С. 1–8.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Boyko E.Yu. Constitutional Court of the Russian Federation as a guarantor of protection of the right to liberty and security of person: dis. ... cand. jurid. sciences. – M., 2011. – 232 p.

2. Morozov A.P. The constitutional right of man and citizen to liberty and security of person in the Russian Federation: dis. ... cand. jurid. sciences. – Saratov, 2002. – 221 p.

3. Kutuev E.K. Criminal procedural coercion in pre-trial stages: author. dis. ... doc. jurid. sciences. – St. Petersburg, 2004. – 44 p.

4. Bulatov B.B. State coercion in criminal proceedings: dis. ... doc. jurid. sciences. – N. Novgorod, 2003. – 490 p.

5. Course of criminal procedure / ed. L.V. Golovko. – M.: Statute, 2016. – 1278 p.

6. Rossinsky S.B. Investigative actions: monograph. – M.: Norma, 2018. – 240 p.

7. Lukyanova A.A. Problems of realization of the right to liberty and security of person: legal positions of the ECHR // Altai legal bulletin. – 2020. – № 4 (32). – P. 139–143.

8. Lukyanova A.A. The right to receive qualified legal assistance as a guarantee of the protection of liberty and security of person: problems of security in criminal proceedings // Siberian Legal Forum: Problems of Ensuring Human Rights: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference / ed. Yu.V. Anokhin. – Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. – P. 125–127.

9. Smolkova I.V. Participants in criminal proceedings with an uncertain procedural status // Izvestia of the Baikal State University. – 2017. – Т. 27. № 2. – P. 205–210/

10. Grigoriev V.N., Zaitsev O.A. New instrument of legal regulation of the status of participants in criminal proceedings // Bulletin of the Tomsk State University. – 2016. – № 413. – P. 205–209.

11. Maksimov O.A. The individual status of a participant in criminal proceedings as a necessary condition for a full-fledged criminal procedural activity // Police and investigative activity. – 2018. – № 2. – P. 1–8.

УДК 343.1

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-112-123

Шпагина Юлия Викторовна
адъюнкт факультета подготовки
научных и научно-педагогических
кадров Академии управления
МВД России
E-mail: iushpagina@yandex.ru

Shpagina Yulia Viktorovna
Postgraduate, Scientific and Pedagogical
Personnel Training Department, The Acad-
emy of Management of the Interior Ministry
of Russia
E-mail: iushpagina@yandex.ru

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЫ ДОЗНАНИЯ

Введение: современные реалии требуют повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности органов расследования, минимизации срока от момента совершения преступления до момента отправления правосудия, особенно по уголовным делам о преступлениях, совершенных в условиях очевидности, не представляющих большой общественной опасности и сложности в доказывании, при условии соблюдения гарантий прав личности. Статья посвящена исследованию проблемных вопросов правовой регламентации введенной федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ в УПК РФ главы 32¹ «Дознание в сокращенной форме» с точки зрения как эффективности, так и обеспечения прав и законных интересов участников, вовлеченных в сферу действия уголовно-процессуальных правоотношений.

Материалы и методы: при подготовке статьи автором изучена правоприменительная практика (материалы архивных уголовных дел в семи регионах Российской Федерации Центрального, Приволжского и Северо-Кавказского федеральных округов), проанализированы данные официальной статистической информации Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частные научные методы, в частности формально-логический, анализ документов, статистический, социологический (в форме опроса респондентов из 33 регионов Российской Федерации).

Результаты исследования: определены критерии эффективности уголовно-процессуальной деятельности органов дознания, проведен анализ правового регулирования дознания в сокращенной форме с точки зрения его эффективности и обеспечения прав и законных интересов участников судопроизводства, а также соответствия обозначенным критериям.

Выводы и заключения: автор пришел к выводу о том, что фактически сокращенное дознание вовсе не является сокращенным и соответственно не достигает процессуальной экономии, как это изначально задумывал законодатель, вводя в УПК РФ главу 32¹, а также не обеспечивает эффективную реализацию органами дознания данного института и соблюдение гарантий прав личности.

Ключевые слова: защита прав и законных интересов участников уголовного процесса, гарантии прав личности, досудебное производство, дознание в сокращенной форме, дознаватель.

ON THE CURRENT STATE OF THE REDUCED FORM OF PRE-TRIAL INVESTIGATION

Introduction: modern realities require an increase in the efficiency of the criminal procedural activity of the investigating bodies, minimization of the period from the moment of committing a crime to the moment of administration of justice, especially in criminal cases about crimes committed in the conditions of evidence, which do not pose a great public danger and difficulty in proving, provided compliance with guarantees of individual rights. The article is devoted to the study of problematic issues of legal regulation introduced by Federal Law No. 23-FZ of 03/04/2013 in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, chapter 321 «Pre-trial investigation in reduced form», from the point of view of both its effectiveness and ensuring the rights and legitimate interests of participants involved in the scope criminal procedural legal relations.

Materials and Methods: when preparing this study, the author studied law enforcement practice, namely, materials from archival criminal cases in seven regions of the Russian Federation, representing the Central, Volga and North Caucasian federal districts, analyzed the data of official statistical information of the Department of Justice under the Supreme Court of the Russian Federation, the Ministry of Internal affairs of the Russian Federation. The methodological basis of the study is formed by general scientific and private scientific methods, in particular: formal-logical, document analysis, statistical, sociological (in the form of a survey of respondents from 33 regions of the Russian Federation).

Results of the Study: the criteria for the effectiveness of criminal procedural activities of the investigative bodies are determined, the analysis of the legal regulation of pre-trial investigation in reduced form is carried out in terms of its effectiveness and ensuring the rights and legitimate interests of participants in the proceedings, as well as compliance with the designated criteria.

Findings and Conclusions: the author came to the conclusion that, in fact, reduced form of preliminary investigation is not reduced at all, and does not achieve procedural efficiency, as the legislator originally intended when introducing Chapter 321 into the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and also does not ensure effective implementation by the preliminary investigative bodies of this institution, as well as the observance of guarantees of individual rights.

Key words: protection of the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings, guarantees of individual rights, pre-trial proceedings, pre-trial investigation in reduced form, interrogator.

В настоящее время в России ведётся динамичная правотворческая работа по дальнейшему развитию уголовного судопроизводства. Существенные изменения затронули и сферу досудебного правового регулирования, связанные с появлением новых правовых институтов. Так, федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ¹ в УПК РФ была введена глава 32¹ «Дознание в сокращенной форме», что не было спонтанным решением законодателя, а обусловлено как минимум рядом предпосылок экономического, материально-правового и уголовно-процессуального характера. Представители научной общественности на протяжении последних десятилетий ведут активную научную полемику по вопросу дифференциации уголовно-процессуальной формы [4, 13, 14 и др.] и введение в УПК РФ главы 32¹ имело своей целью оптимизацию и повышение эффективности уголовного судопроизводства, а также процессуальную экономию и сокращение процессуальных затрат.

Таким образом, наличие указанного института в российском уголовно-процессуальном законодательстве было предопределено рядом предпосылок, свидетельствующих о естественной потребности в упрощении процессуальных правил судопроизводства.

Однако, несмотря на указанные выше доводы, учеными и правоприменителями нововведение было воспринято неоднозначно, а в ряде случаев и критично.

Так, О.В. Качалова считает, что при производстве дознания в сокращенной форме в должной мере не происходит обеспечения прав и законных интересов не только участников производства, но государства и общества в целом. Отказ от полноценного доказывания автор приравнивает к некому отступлению от норм Конституции Российской Федерации [7, с. 145]. В определенной степени вышеизложенные воззрения поддерживает и А.П. Кругликов [9].

В этой связи достаточно обоснованной представляется позиция О.В. и Г.П. Химичевых, что каждое из вновь введенных особых производств имеет, прежде всего, недостатки в правовой регламентации, препятствующие эффективному применению и влекущие зачастую нарушение прав лиц, вовлеченных в судопроизводство [14, с. 34].

Одновременно среди ученых имеются и сторонники дифференциации процессуальной формы [3 и др.], к которым также относится и автор [16]. Позитивно к упрощению формы расследования по преступлениям, которые очевидны и не представляют сложности в доказывании, относится профессор С.И. Гирько [5].

Среди представителей научной общественности имеются и те, кто занял нейтральную позицию [6].

Что касается практики, то за семь лет функционирования дознания в сокращенной форме правоприменителем так и не найден общий знаменатель в применении положений главы 32¹ УПК РФ, несмотря на, в целом, положительную динамику уголовных дел, расследованных дознавателями полиции в форме сокращенного дознания, представленную на рис. 1.

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

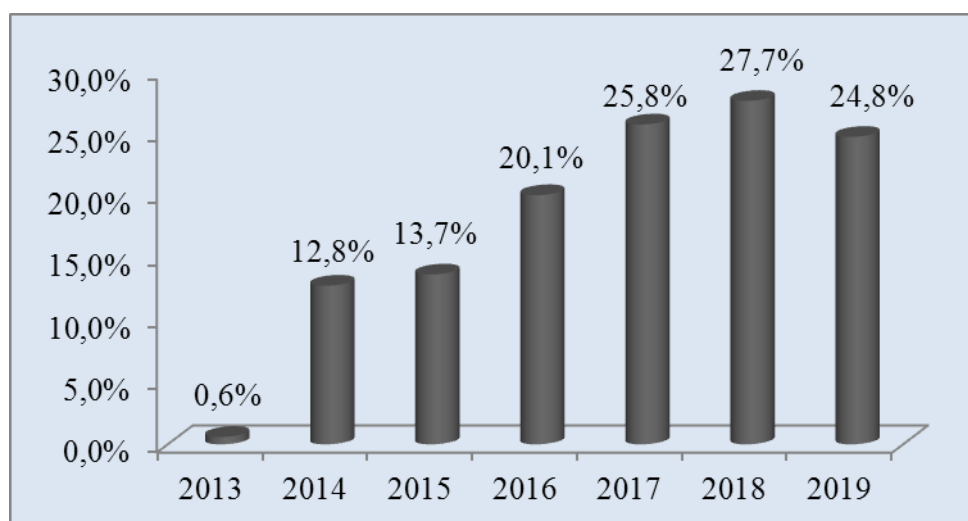

Рис. 1. Динамика уголовных дел, расследованных в сокращенной форме дознания в 2013–2019 гг.
(к общему количеству оконченных дознавателями дел)

С учетом изложенного приходим к выводу о том, что задача повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности органов дознания до настоящего времени не решена в силу ряда причин. К их числу следует отнести и недостатки в правовом регулировании, проявляющиеся в процессе применения отдельных норм главы 32¹ УПК РФ. Данный тезис подтвердили в своих высказываниях 49 % опрошенных в ходе исследования респондентов, которые указали, что на уровень эффективности уголовно-процессуальной деятельности органов дознания оказывает влияние несовершенство отдельных правовых норм. Справедливо и замечание ряда исследователей о том, что в действующем алгоритме производства дознания в сокращенной форме отсутствует логическая последовательность и он достаточно сложен [1].

Говоря об эффективности уголовно-процессуальной деятельности органов дознания, в частности полиции, при производстве дознания в сокращенной форме (а также и других видах деятельности. – Ю.Ш.), считаем необходимым уточнить, что понимаем под данной дефиницией, определяя её как достигнутый посредством минимальных процессуальных средств и затрат времени результат уголовно-процессуальной деятельности полиции как органа дознания при производстве конкретного вида процессуальной деятельности, призванного в последующем обеспечить надлежащее достижение назначения уголовного судопроизводства. В данном случае устанавливается приоритет определенного результата, полученного с минимальными процессуальными затратами, при безусловном соблюдении прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Таким образом, если законодатель определил полиции как органу дознания определенный объем уголовно-процессуальных полномочий и одновременно установил сроки их реализации, то этим он предопределил критерии эффективности её деятельности. Полагаем, что к ним можно отнести:

- *оптимальность и рациональность*. Деятельность каждого дознавателя полиции или иного должностного лица органа дознания, осуществляющего уголовно-процессуальную деятельность, не должна осуществляться только ради увеличения

показателей. Результаты их деятельности должны быть направлены на защиту прав и законных интересов граждан, вовлеченных в сферу действия уголовно-процессуальных правоотношений;

- *соразмерность имеющихся средств*. Достижение целей в каждом конкретном случае требует использования определенного объема имеющихся средств. На наш взгляд, чем очевиднее и проще уголовно-правовая ситуация, тем меньше усилий необходимо приложить для ее разрешения и тем самым сэкономить ресурсы и время как должностных лиц органа дознания, так и граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Совершенно справедливо замечание, что для разбирательства дел о преступлениях различной степени тяжести и сложности вполне допустимы соразмерные процедуры. Разбирать дело о преступлении, не обладающем значительной степенью тяжести и совершенном в условиях очевидности человеком, добровольно и искренне признающим свою вину – это все равно что «стрелять из пушки по воробьям»¹;

- *разумность сроков*. Законодательное урегулирование процессуальных сроков предварительного расследования сегодня призвано обеспечить гарантии участников уголовного процесса и быстроту производства по уголовным делам.

Представляется целесообразным провести анализ правового регулирования дознания в сокращенной форме с точки зрения его эффективности и обеспечения прав и законных интересов участников судопроизводства. Для этого необходимо рассмотреть как положительные тенденции, так и имеющиеся недостатки с целью их учета в дальнейших научных трудах и при совершенствовании законодательства.

Переходя непосредственно к анализу проблемы, отметим следующее.

1. Законодатель в качестве основания для производства дознания в сокращенной форме предусмотрел ходатайство лица, подозреваемого в совершении преступления, и четко обозначил в уголовно-процессуальном законе процедуру его заявления (ч. 2 ст. 226¹ УПК РФ). Так, дознаватель до начала первого допроса разъясняет подозреваемому право на заявление соответствующего ходатайства, а также порядок и правовые последствия производства дознания в сокращенной форме, о чем делается соответствующая отметка в протоколе его допроса (ч. 1 ст. 226⁴ УПК РФ).

В свою очередь подозреваемый вправе заявить ходатайство об указанном выше производстве не позднее двух суток со дня, когда ему было разъяснено право заявить такое ходатайство (ч. 2 ст. 226⁴ УПК РФ). После чего поступившее от подозреваемого ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме подлежит рассмотрению дознавателем в срок не более 24 часов с момента его поступления (ч. 3 ст. 226⁴ УПК РФ). В данном случае решающим фактором для принятия дознавателем решения о производстве дознания в сокращенной форме является соответствующее ходатайство подозреваемого. Однако отношение законодателя к заявленному подозреваемым ходатайству как к безусловному основанию начала производства не является бесспорным. В этой части солидаризируемся с коллективом ученых (В. В. Абрамов, С. Л. Никонович, А. С. Климов, А. Я. Авдалян, А. А. Шаевич [1]), что такое ходатайство целесообразнее рассматривать как повод. Поскольку в уголовном судопроизводстве повод выступает толчком к уголовно-процессуальной деятельности, является побудительным

¹ Уголовный процесс западных государств / Головки Л.В., Гуценко К.Ф., Филимонов Б.А. URL: http://library.nlu.edu.ua/POLN_TEXT/UP/GUCENKO_20 (дата обращения 25.09.2020).

началом, с которым закон связывает возникновение у должностного лица, осуществляющего предварительное расследование по уголовному делу, обязанности принять определенное процессуальное решение. В данном случае указанное выше ходатайство подозреваемого обязывает дознавателя принять решение о производстве дознания в общем порядке или в сокращенной форме.

По результатам рассмотрения указанного ходатайства дознаватель при отсутствии обстоятельств, препятствующих производству дознания в сокращенной форме, выносит постановление об его удовлетворении и о производстве дознания в сокращенной форме. Срок такого дознания не должен превышать 15 суток и может быть продлен прокурором дополнительно до 5 суток. При этом исчисление указанного срока начинается не с момента возбуждения уголовного дела, а со дня вынесения дознавателем постановления о производстве дознания в сокращенной форме. Отсюда справедливо замечание Ю.В. Францифорова о том, что уменьшение срока производства дознания в сокращенной форме, заявленное законодателем, на практике не совсем соответствует действительности [15, с. 149]. Но основной недостаток, по нашему мнению, в том, что законодатель не установил, в какой период должно быть принято указанное решение.

Анализ материалов архивных уголовных дел, расследованных дознавателями полиции в форме сокращенного дознания, показал, что с момента регистрации заявления (сообщения) о преступлениях до момента принятия итогового решения судом нередко проходит 2–3 месяца, а в ряде случаев этот срок доходит и до 5–6 месяцев.

Так, уголовное дело № 11901560046000227 было возбуждено 12 апреля 2019 г. по п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ дознавателем отдела полиции № 4 Управления МВД России по г. Пенза в отношении М. по факту причинения легкого вреда здоровью гражданке Н. С момента регистрации сообщения о преступлении и до принятия дознавателем решения о возбуждении уголовного дела прошло 38 суток, поскольку по данному факту неоднократно выносились процессуальные решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Почти через месяц после начала расследования 9 мая 2019 г. дознавателем в связи с заявлением подозреваемым М. ходатайства вынесено процессуальное решение о его удовлетворении и производстве дознания в сокращенной форме. 12 мая 2019 г. указанное уголовное дело по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ, вместе с обвинительным постановлением направлено прокурору Первомайского района г. Пензы. Судебное разбирательство по уголовному делу завершилось 11 июня 2019 г. примирением сторон¹. Таким образом, с момента регистрации заявления о преступлении и до момента вынесения судебного решения прошло более 3 месяцев.

С учетом изложенного, приходим к выводу о том, что срок дознания в сокращенной форме при определенных обстоятельствах фактически может быть равен и даже превышать срок дознания, производимого в общем порядке (а в отдельных случаях и предварительного следствия), что явно не отвечает требованию эффективности уголовного судопроизводства и обеспечению права потерпевшего на доступ к правосудию в минимальные сроки по преступлениям, носящим очевидный характер и не представляющим сложности в доказывании. В этой связи справедливым видится за-

¹ Дело № 11901560046000227 // Архив мирового судебного участка № 1 Первомайского района г. Пензы за 2019 г.

мечание Г.Б. Петровой о том, что для обеспечения реального, а не «мифического», как в приведенном выше уголовном деле, влияния процессуальных сроков на эффективность уголовно-процессуальной деятельности при производстве дознания (*по мнению автора и предварительного следствия*), законодателю необходимо в нормах права зафиксировать промежутки времени, которые бы соответствовали объему работы, выполняемому дознавателем в течение указанного времени [12, с. 115].

2. К числу недостатков в правовом регулировании уголовно-процессуальной деятельности при производстве дознания в сокращенной форме автор относит и положение ч. 3 ст. 226³ УПК РФ, представляющее право заинтересованным невластным участникам уголовного процесса заявить ходатайство о прекращении производства по уголовному делу в сокращенной форме дознания и продолжении дознания в общем порядке. Подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или его представитель имеют право заявить указанное ходатайство как в ходе расследования, так и судебного разбирательства (до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора), которое подлежит безусловному удовлетворению.

И даже если у суда не возникает сомнений в качестве проведенного расследования, уголовное дело должно быть возвращено прокурору в порядке ч. 4 ст. 226⁹ УПК РФ для производства дознания в общем порядке. Данная практика приводит к затягиванию процесса, а последующее собирание и исследование доказательств усложняется. Примеров возвращения уголовных дел прокурору в порядке ч. 4 ст. 226⁹ УПК РФ сегодня в судебной практике предостаточно и это является одной из причин, во-первых, значительного увеличения сроков расследования, что фактически отдалает момент отправления правосудия, а, во-вторых, не побуждает дознавателя осуществлять производство дознания в сокращенной форме в силу возможности возвращения ему уголовного дела на дополнительное расследование по обстоятельствам, от него не зависящим.

В этой связи Б.Я. Гаврилов справедливо указывает на то, что решение о производстве расследования в сокращенной форме должно быть за уголовно-процессуальным законом и лицом, производящим расследование [2, с. 21]. В свою очередь М.В. Лопатников и А.С. Александров считают, что публичное уголовное судопроизводство поставлено в зависимость от воли лица, совершившего уголовно наказуемое деяние (подозреваемого), так и частного лица. Дополнительно они отмечают, что стоит вообще отказаться от согласования с потерпевшим производства дознания в сокращенной форме (п. 6 ч. 1 ст. 226² УПК РФ), оставив за ним право обжалования данного решения в порядке ст. 125 УПК РФ [11, с. 26]. С последним мнением мы согласны лишь частично, поскольку полный отказ от согласовательной процедуры по принятию решения о производстве дознания в сокращенной форме с участниками, чьи права и законные интересы призваны защищать правоохранительные органы, может не привести к желаемому результату.

Одновременно отметим, что уголовно-процессуальный закон сегодня прямо не обуславливает получение согласия потерпевшего на принятие должностным лицом решения о производстве дознания в сокращенной форме, поскольку в его адрес направляется лишь уведомление о уже принятом дознавателем решении в отношении заявленного подозреваемым ходатайства с разъяснением порядка и правовых последствий производства дознания в сокращенной форме, а также право возражать против

такого производства по уголовному делу (ч. 5 ст. 226⁴ УПК РФ). Возникает парадокс – должностное лицо информирует потерпевшего о том, что фактически производство в сокращённой форме уже началось и уведомляет его о праве возражать против такого порядка. В то время как возражение последнего согласно ч. 2 ст. 226² УПК РФ императивно блокирует постановление должностного лица, на что обращает внимание Н.Н. Ковтун [8]. Налицо очевидная противоречивость правового регулирования. Логичнее представляется получение должностным лицом согласия потерпевшего до принятия решения о производстве дознания в сокращённой форме.

Необходимо также учитывать и то обстоятельство, что российский уголовный процесс принадлежит к континентальной правовой семье и имеет публичную правовую природу, а значит исключение волеизъявления сторон обвинения и защиты из норм УПК РФ именно (как основополагающего условия. – Ю.Ш.) выбора сокращённой формы дознания будет способствовать расширению правоприменительной практики расследования преступлений в данной форме.

Разрешение сложившейся правовой ситуации видится в превалировании дискреционных полномочий должностного лица органа дознания, что позволит исключить возвращение из суда уголовных дел прокурору для производства по нему дознания в общем порядке лишь по причине изменения, зачастую без достаточных оснований, позиции подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и (или) потерпевшего, его представителя относительно применённого порядка судопроизводства.

3. Исследуя проблемы современного сокращённого досудебного производства, следует указать на то обстоятельство, что дознаватель не обладает в полной мере процессуальной самостоятельностью в сборе, проверке и оценке доказательств, что предопределено регламентированными УПК РФ правами отдельных участников уголовного процесса. Так, положения уголовно-процессуального закона предписывают указанному должностному лицу проверять доказательства лишь при их оспаривании заинтересованными лицами, например, допросить лицо, от которого было получено объяснение в ходе доследственной проверки сообщения о преступлении, или назначить повторную или дополнительную судебную экспертизу в случае, если у одной из сторон имеются сомнения в достоверности выводов специалиста.

Указанное предписание закона вступает в противоречие с теорией доказывания и принципами уголовного судопроизводства, в соответствии с которыми никакие доказательства не имеют установленной заранее силы, а компетентные должностные лица согласно положениям ст. 17 УПК РФ должны оценивать имеющиеся в уголовном деле доказательства по их совокупности, по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью.

Следует обратить внимание еще на ряд противоречий в части установления правил доказывания при производстве дознания в сокращённой форме. Так, исходя из смысла нормы, предусмотренной ч. 2 ст. 74 УПК РФ, в качестве доказательств признаются показания участников уголовного судопроизводства, полученные в ходе допроса. Допрос – это следственное действие, а при проведении дознания в сокращённой форме лицо, его осуществляющее, имеет право «не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения» (п. 2 ч. 3 ст. 226⁵ УПК РФ). Из этого следует, что доказательством по уголовному делу, рассле-

дуемому в указанной форме, признаются объяснения, однако в перечень доказательств они не включены.

По мнению профессора В.А. Лазаревой [10], соединив процессуальное доказывание с так называемой доследственной проверкой, сокращенное дознание фактически оказалось приближенным к ней в большей степени, чем к самостоятельной форме предварительного расследования, каковым сегодня является дознание.

Из изложенного выше следует, что фактически сокращенное дознание вовсе не является сокращенным и соответственно не достигает процессуальной экономии, как это изначально задумывал законодатель, вводя в УПК РФ главу 32¹, а также не обеспечивает эффективную реализацию органами дознания данного института.

Изложенная позиция подтверждается также:

- результатами проведенного анкетирования практических работников системы МВД России в части их отношения к существующей сокращенной форме дознания, по результатам которого две трети (67 %) респондентов отметили, что сокращенная форма дознания себя не оправдала;

- статистическими сведениями, из анализа которых прослеживается тенденция роста количества возвращенных судом уголовных дел для передачи по подследственности и производства дознания в общем порядке, из которых порядка 70 % возвращаются по причине заявления обвиняемым, подсудимым, потерпевшим или его представителем ходатайства о производстве дознания в общем порядке, что отражено на рис. 2¹.

Рис. 2. Статистические сведения о возвращенных уголовных делах судом прокурору для передачи по подследственности и производства дознания в общем порядке

¹ Отчет по форме № 1-ЕМ «Сведения об основных показателях следственной работы и дознания» (книга № 25) // ГИАЦ МВД России. 2020.

Таким образом, правоприменительная практика подтвердила опасения специалистов в части наличия в сокращенной форме дознания процессуальных правил, противоречащих букве и духу упрощенного судопроизводства, и которые соответственно выступают сдерживающим фактором, препятствующим полноценной реализации замысла законодателя и требуют безусловного пересмотра положений главы 32¹.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Абрамов В. А., Никонович С. Л., Климов А. С. [и др.]. Проблемные аспекты правового регулирования сокращенной формы дознания // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – № 1 (84). – С. 9–14.
2. Гаврилов Б. Я. Дознание в сокращенной форме: законодательные мифы и реалии правоприменения // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2014. – № 6. – С. 57–63.
3. Гаврилов Б. Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 1 (37). – С. 18–25.
4. Гаврилов Б. Я., Милехин В. А. Перспективы совершенствования форм расследования преступлений подследственных органам дознания системы МВД России // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 2. – С. 92–96.
5. Гирько С. И. Практика ускоренного дознания: организационные и теоретические проблемы // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 2. – С. 51–57.
6. Долгих Т. Н. Особенности судебного производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме // Российский судья. – 2015. – № 9. – С. 25–28.
7. Качалова О. В. Ускоренные производства в уголовном процессе: есть ли предел дифференциации уголовного судопроизводства? // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 1 (62). – С. 141–149.
8. Ковтун Н. Н. Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования // Российская юстиция. – 2013. – № 12. – С. 47–49.
9. Кругликов А. П. Дифференциация уголовного судопроизводства и уголовная ответственность // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16. – № 3. – С. 33–37.
10. Лазарева В. А. Порядок и проблемы рассмотрения судом уголовного дела, поступившего с обвинительным постановлением // Юридический вестник Самарского университета. – 2016. – Т. 2. – № 3. – С. 72–76.
11. Лопатников М. В., Александров А. С. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «Сокращенного дознания» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 22. – С. 23–28.
12. Петрова Г. Б. Сроки как элемент правового регулирования в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – 222 с.
13. Победкин А. В. О ценности процессуальной формы в условиях правового нигилизма в России // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 2. – С. 46–48.

14. Химичева О. В., Химичева Г. П. Дифференциация как основной тренд современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 1. – С. 33–36.

15. Францифоров Ю. В. Обеспечение прав и законных интересов участников процесса при производстве дознания в сокращенной форме // Судебная власть и уголовный процесс. – 2015. – № 4. – С. 146–150.

16. Шпагина Ю. В. Нуждается ли современный российский уголовный процесс в ускоренном досудебном производстве? // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 3 (51). – С. 145–152.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Abramov V. A., Nikonovich S. L., Klimov A. S., Avdalyan A. Ya., Shaevich A. A. Problematic aspects of legal regulation of the abbreviated form of inquiry // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – No. 1 (84). – P. 9–14.

2. Gavrilov B. Ya. Inquiry in an abbreviated form: legislative myths and realities of law enforcement // News of the Irkutsk State Economic Academy. – 2014. – No. 6. – P. 57–63.

3. Gavrilov B. Ya. Pre-trial proceedings under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the concept of improvement // Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – No. 1 (37). – P. 18–25.

4. Gavrilov B. Ya., Milekhin V. A. Prospects for improving the forms of investigation of crimes under investigation by the bodies of inquiry of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of economic security. – 2018. – No. 2. – P. 92–96.

5. Girko S. I. Practice of accelerated inquiry: organizational and theoretical problems // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 2. – P. 51–57.

6. Dolgikh T. N. Peculiarities of judicial proceedings in a criminal case, the inquiry on which was carried out in an abbreviated form // Russian judge. – 2015. – No. 9. – P. 25–28.

7. Kachalova O. V. Accelerated proceedings in criminal proceedings: is there a limit to the differentiation of criminal proceedings? // Actual problems of Russian law. – 2016. – No. 1 (62). – P. 141–149.

8. Kovtun N. N. Inquiry in an abbreviated form: collisions and gaps of regulatory regulation // Russian justice. – 2013. – No. 12. – P. 47–49.

9. Kruglikov A. P. Differentiation of criminal proceedings and criminal responsibility // Legal paradigm. – 2017. – Vol. 16. – No. 3. – P. 33–37.

10. Lazareva V. A. Procedure and problems of the court's consideration of a criminal case received with an indictment // Legal Bulletin of Samara University. – 2016. – Vol. 2. – No. 3. – P. 72–76.

11. Lopatnikov M. V., Aleksandrov A. S. Old problems of evidence in the new criminal procedural packaging of the "Abbreviated Inquiry" // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2013. – No. 22. – P. 23–28.

12. Petrova G. B. Terms as an element of legal regulation in criminal proceedings: diss. ... Cand. jurid. sciences. – Saratov, 2004. – 222 p.
13. Pobedkin A. V. On the value of the procedural form in the context of legal nihilism in Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2012. – No. 2. – P. 46–48.
14. Khimicheva O. V., Khimicheva G. P. Differentiation as the main trend of modern criminal justice // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – No. 1. – P. 33–36.
15. Frantsiforov Yu. V. Ensuring the rights and legitimate interests of the participants in the process in the production of inquiry in an abbreviated form // Judicial power and criminal procedure. – 2015. – No. 4. – P.146–150.
16. Shpagina Yu. V. Does modern Russian criminal procedure need accelerated pre-trial proceedings? // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 3 (51). – P. 145–152.

**СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ;
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.131.2

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-124-136

Можаяева Ирина Павловна

главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России
доктор юридических наук
E-mail: mirina-crim@yandex.ru

Mozhaeva Irina Pavlovna

Chief Scientific Researcher of the Scientific Research Center, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Law
E-mail: mirina-crim@yandex.ru

Ефремова Елена Александровна

доцент кафедры Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
кандидат юридических наук
E-mail: efelal@ya.ru

Efremova Elena Aleksandrovna

Associate Professor of Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Candidate of Law
E-mail: efelal@ya.ru

**КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОТРУДНИКАМ,
ЗАМЕЩАЮЩИМ (ПРЕТЕНДУЮЩИМ НА ЗАМЕЩЕНИЕ)
ДОЛЖНОСТИ НАЧАЛЬНИКОВ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
СЛЕДСТВИЯ**

Введение: в статье поднимаются проблемные вопросы разработки и правового закрепления квалификационных требований к сотрудникам, замещающим (претендующим на замещение) должности руководителей следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, а также должности начальников органов предварительного следствия территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях, представлена примерная модель квалификационных требований.

Материалы и методы: основу исследования составляет законодательство Российской Федерации, научные исследования в области квалификационных требований сотрудников, замещающих (претендующих на замещение) должности начальников органов предварительного следствия. Методологическую основу составляют общенаучные и частнонаучные методы: анализ, синтез, сравнение, обобщение, корреляция, регрессионный и факторный анализы, экспертные оценки.

Результаты исследования: установлено, что назначение на руководящие должности компетентных сотрудников требует разработки, внедрения и поддержания в актуальном состоянии системы квалификационных требований, включающей детализированные требования к профессиональному образованию, стажу службы и (или) стажу (опыту) работы по специальности, профессиональным и личностным качествам, знаниям, навыкам и умениям.

Выводы и заключения: комплексный анализ эмпирической базы позволил авторам сформировать научно обоснованную модель квалификационных требований к сотрудникам, замещающим (претендующим на замещение) должности начальников органов предварительного следствия на региональном и районном уровнях.

Ключевые слова: органы предварительного следствия, управление органами предварительного следствия, начальники органов предварительного следствия, квалификационные требования, направления профессиональной служебной деятельности.

QUALIFICATION REQUIREMENTS FOR EMPLOYEES WHO ARE REPLACING (APPLYING FOR REPLACEMENT) POSITIONS OF HEADS OF PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES

Introduction: the article raises the problematic issues of development and legal consolidation of the qualification requirements to employees of replacement (applying to) the posts of heads of the investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation, as well as positions of heads of bodies of preliminary investigation of territorial bodies of the Ministry of internal Affairs of Russia at regional and district levels, presents an exemplary model of qualification requirements.

Materials and Methods: the research is based on the legislation of the Russian Federation, scientific research in the field of qualification requirements of employees who are replacing (applying for replacement) positions of heads of preliminary investigation bodies. The methodological basis of the research consists of General scientific and specific scientific methods: analysis, synthesis, comparison, generalization, correlation, regression and factor analysis, expert assessments.

Results of the Study: it is established that ensuring the appointment of competent employees to senior positions requires the development, implementation and maintenance of a system of qualification requirements, including detailed requirements for professional education, service experience and (or) work experience in the specialty, professional and personal qualities, knowledge, skills and abilities.

Findings and Conclusions: a comprehensive analysis of the empirical base allowed the authors to form a scientifically-based model of qualification requirements for employees who are replacing (applying for replacement) the positions of heads of preliminary investigation bodies at the regional and district levels.

Key words: bodies of preliminary investigation, management of bodies of preliminary investigation, heads of bodies of preliminary investigation, qualification requirements, directions of professional service activity.

Динамические процессы обновления общества, которые происходят в нашей стране, изменение отношения граждан к разному роду антисоциальным проявлениям требуют более эффективной борьбы с правонарушениями. В условиях кардинальных преобразований, имеющих место в России, перед правоохранительными органами стоит задача изменения приоритетов в направлении демократизации взаимоотношений с гражданами, беспрекословного соблюдения прав человека, оказания помощи населению как в правовых, так и в социальных вопросах. Сказанное непосредственно касается и определения более приемлемых к современным реалиям квалификационных требований к сотрудникам, замещающим (претендующим на замещение) должности начальников следственных органов Следственного комитета Российской Федерации и органов предварительного следствия территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях, так как на стабильность деятельности данных органов, успешное выполнение поставленных перед ними задач в сфере уголовного судопроизводства важное значение имеют грамотность и профессионализм возглавляемых ими лиц, что в конечном итоге оказывает большое влияние на общество, а общество демонстрирует свое отношение к правоохранительной системе в целом.

Вместе с тем проведенное исследование показало, что в настоящее время отсутствует как правовая регламентация разработки квалификационных требований, предъявляемых к рассматриваемой категории руководителей, так и единый подход к их системе. Так, федеральное законодательство в сфере деятельности органов внутренних дел устанавливает хоть и обязательные, но только общие квалификационные требования, предъявляемые ко всем видам и категориям должностей в системе МВД России¹. Аналогично поступает законодатель и применительно к Следственному комитету Российской Федерации, апеллируя весьма пространными требованиями, относящимися ко всем сотрудникам данного ведомства, указывающими на необходимость у них соответствующего уровня и вида образования, а также профессиональных и моральных качеств².

Попытка выделить специальные квалификационные требования для сотрудников, относящихся к определенной должностной категории, прослеживается во внутриведомственных нормативных правовых актах. В частности, применительно к органам внутренних дел это требования к стажу службы или стажу (опыту) работы по специальности, профессиональным знаниям и навыкам для лиц, замещающих должности среднего и старшего начальствующего состава³. Однако и таким требованиям присущ общий, без учета специфики направления деятельности соответствующих руководителей характер. Единственным специальным квалификационным требованием к должностям, выполне-

¹ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 30 нояб. 2011 г. № 342-ФЗ (ст. 9). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения 24.08.2020).

² О Следственном комитете Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 28 дек. 2010 г. № 403-ФЗ (ст. 16). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения 24.08.2020).

³ Приложение № 11 к Порядку организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденному приказом МВД России от 1 февр. 2018 г. № 50. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1805114/#review> (дата обращения 24.08.2020).

ние обязанностей по которым предусматривает организацию расследования уголовных дел, подследственных следователям органов внутренних дел, является наличие высшего юридического образования¹.

В Следственном комитете Российской Федерации квалификационные требования к профессиональным знаниям и профессиональным навыкам разработаны только для соответствующих должностей федеральной государственной гражданской службы, в том числе и по категории «руководитель»². Перечень определенных квалификационных требований представлен также в примерных должностных регламентах федеральных государственных гражданских служащих, замещающих должности в центральном аппарате Следственного комитета Российской Федерации³. Однако применение таковых к начальникам следственных органов неправомерно.

Большое значение при определении квалификационных требований играет профессионализм руководителя органа предварительного следствия, который формируется в пределах двух деятельностных аспектах:

- 1) внешнего, связанного с преобразовательной деятельностью, направленной на внешние для руководителя объекты (информация, процессы, сотрудники, граждане);
- 2) внутреннего, связанного с самопреобразовательной деятельностью, направленной на самоактивизацию и профессиональное развитие в процессе профессиональной деятельности.

В условиях сочетания этих составляющих и возникает новое качество – профессионализм – способность к стабильно успешному, квалифицированному выполнению профессиональных функций и задач.

Соответственно, как показывает анализ деятельности органов предварительного следствия по подбору, расстановке и подготовке своих руководящих кадров, отсутствует выработка единого подхода в данном направлении, что свидетельствует о необходимости универсальных единых квалификационных требований к сотрудникам, на которых возложено осуществление руководства органами, наделенными функциями предварительного следствия. Это позволит оптимизировать методы, формы и содержание подготовки, переподготовки и повышения квалификации руководителей, усовершенствовать организационно-правовые основы оценки их деятельности, определить вектор развития научной организации деятельности субъектов досудебного производства, а также разрешить заявленную проблематику в статье.

Детальный анализ нормативных правовых актов, определяющих деятельность органов предварительного следствия в системе МВД России, научных исследований в

¹ Приложение № 13 к указанному Порядку.

² Об утверждении квалификационных требований к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей по должностям федеральной государственной гражданской службы в Следственном комитете Российской Федерации: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 4 июля 2012 г. № 39. URL: <https://www.sledcom.ru> (дата обращения 24.08.2020).

³ Об утверждении примерных должностных регламентов федеральных государственных гражданских служащих, замещающих должности федеральной государственной гражданской службы в центральном аппарате Следственного комитета Российской Федерации: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 13 мая 2014 г. № 40. URL: <https://base.garant.ru/70709982/> (дата обращения 23.08.2020).

указанной области, а также закрепленных прав и возложенных на их руководителей обязанностей позволил сформулировать научно обоснованные примерные квалификационные требования к соответствующей должностной категории лиц, которые могут быть полезны (или выступить в качестве фундамента) для разработки таковых применительно к сотрудникам Следственного комитета.

Квалификационные требования включают в себя три раздела [5, с. 118–120]:

I. Общие положения.

II. Система квалификационных требований.

III. Основные направления профессиональной служебной деятельности в органах предварительного следствия системы МВД России.

Раздел I. Общие положения.

1. Система квалификационных требований, предъявляемых к сотрудникам, замещающим (претендующим на замещение) должности начальников органов предварительного следствия на региональном и районном уровнях, представляет собой совокупность требований к достаточному уровню образования и имеющейся специальности, служебному стажу и стажу (опыту) деятельности по указанному направлению, обладающим профессиональными и личностными высокоморальными качествами, а также к знаниям, умениям и навыкам, необходимым для замещения должностей руководителей органов предварительного следствия на региональном и районном уровнях.

2. Квалификационные требования дифференцируются на:

- уровень региональный – заместители министров внутренних дел по республикам, начальников главных управлений (управлений) по иным субъектам Российской Федерации – начальники главных следственных управлений (следственных управлений, отделов)¹ [1, 2, 3];

- уровень районный – заместители начальников управлений (отделов, отделений) МВД России по муниципальным образованиям, в том числе по нескольким муниципальным образованиям, на части территории административного центра субъек-

¹ Перечень должностей старшего и среднего начальствующего состава и соответствующих им предельных специальных званий в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации на региональном уровне, утвержденный приказом МВД России от 30.04.2011 № 333 «О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России»; Типовая структура территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации на региональном уровне, утвержденная приказом МВД России от 30.04.2011 № 333 «О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России»; Типовое положение о следственном управлении (отделе) управления на транспорте Министерства внутренних дел Российской Федерации по федеральному округу, следственном управлении (отделе) линейного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, подчиненного Министерству внутренних дел Российской Федерации, главного следственного управления (управлении, отделе) министерства внутренних дел по республике, главного управления, управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по иному субъекту Российской Федерации, утвержденное приказом МВД России от 09.01.2018 № 1 «Об органах предварительного следствия в системе МВД России».

та Российской Федерации, УВД по административным округам ГУ МВД России по г. Москве – начальники следственных управлений (отделов, отделений, групп)¹:

1) заместители начальников управлений МВД России по городу (городскому округу), по нескольким муниципальным образованиям – начальники следственных управлений² [4];

2) заместители начальников управлений, отделов, отделений МВД России по району, городу и иному муниципальному образованию, в том числе по нескольким муниципальным образованиям, на части территории административного центра субъекта Российской Федерации, по закрытому административно-территориальному образованию, на особо важном и режимном объекте – начальники следственных управлений (отделов, отделений, групп)³.

3. Квалификационные требования разработаны с целью определения соответствия образования, стажа службы и стажа (опыта) работы по направлению деятельности, направлению подготовки, профессиональных и личностных качеств, знаний, навыков и умений сотрудников, замещающих должности начальников органов предварительного следствия на региональном и районном уровнях. Соответствие квалификационным требованиям определяется при аттестации, а также при проведении

¹ Перечень должностей старшего и среднего начальствующего состава и соответствующих им предельных специальных званий в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне, утвержденный приказом МВД России от 30.04.2011 № 333 «О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России»; Квалификационные требования к сотрудникам, замещающим (претендующим на замещение) должности начальников органов предварительного следствия территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях (п. 45 Плана научной деятельности Академии управления МВД России на 2017 г. по заявке Следственного департамента МВД России от 11.07.2016 № 17/2-18300).

² Типовое положение о следственном управлении управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по городу (городскому округу), по нескольким муниципальным образованиям, утвержденное приказом МВД России от 09.01.2018 № 1 «Об органах предварительного следствия в системе МВД России».

³ Типовое положение о следственном управлении (отделе) линейного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, подчиненного управлению на транспорте Министерства внутренних дел Российской Федерации по федеральному округу, следственном управлении (отделе, отделении, группе) управления, отдела, отделения Министерства внутренних дел Российской Федерации по району, городу и иному муниципальному образованию, в том числе по нескольким муниципальным образованиям, на части территории административного центра субъекта Российской Федерации, по закрытому административно-территориальному образованию, на особо важном и режимном объекте, следственном отделе (отделении, группе) линейного отдела, отделения Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, следственном управлении управления внутренних дел на Московском метрополитене Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по г. Москве, следственном отделе Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации на комплексе «Байконур», утвержденное приказом МВД России от 09.01.2018 № 1 «Об органах предварительного следствия в системе МВД России».

иных мероприятий по оценке кадрового состава.

4. Система квалификационных требований включает в себя базовые и функциональные квалификационные требования [5, с. 12].

5. В квалификационных требованиях применяются следующие определения:

Базовые квалификационные требования – требования к сотрудникам, замещающим (претендующим на замещение) должности начальников органов предварительного следствия на региональном и районном уровнях, предъявляемые к достаточному уровню образования и имеющейся специальности, служебному стажу и стажу (опыту) деятельности по указанному направлению, обладающими профессиональными и личностными высокоморальными качествами, соответствие которых необходимо для исполнения должностных обязанностей.

Функциональные квалификационные требования – требования к совокупности знаний, умений и навыков, необходимых для замещения должностей руководителей органов предварительного следствия на региональном и районном уровнях.

Направление деятельности – деятельность органов предварительного следствия, осуществляемая в соответствии с целями, задачами, полномочиями и функциями на региональном и районном уровнях.

Профессиональное образование – вид образования, который направлен на приобретение обучающимися в процессе освоения основных профессиональных образовательных программ знаний, умений, навыков и формирование компетенции определенных уровня и объема, позволяющих вести профессиональную деятельность в сфере уголовного судопроизводства и (или) выполнять работу по конкретной профессии или специальности.

Стаж (опыт) службы – периоды профессиональной служебной деятельности на должностях в органах внутренних дел, в том числе в органах предварительного следствия, после получения документа об образовании и квалификации по определенной специальности (направлению подготовки), в течение которых применялись и совершенствовались знания, умения и навыки, приобретенные в рамках указанного образования.

Профессиональные знания – совокупность правовых и иных знаний, необходимых для эффективного и результативного исполнения должностных обязанностей.

Профессиональные умения – освоенные способы выполнения действий, обеспечиваемые совокупностью приобретенных знаний.

Профессиональные навыки – способности применения профессиональных знаний и умений при исполнении должностных обязанностей, сформированные путем повторения и доведенные до автоматизма, ставшие привычными, осуществляемые без контроля сознания.

Профессиональные качества – характеристики, проявляемые в поведении, отражающие совокупность знаний, умений, навыков и личностных качеств, необходимых для эффективного и результативного исполнения должностных обязанностей.

6. Квалификационные требования могут быть реализованы путем осуществления в органах предварительного следствия комплекса целенаправленных мероприятий:

1) по разработке нормативных правовых и иных актов, регламентирующих дея-

тельность органов предварительного следствия на региональном и районном уровнях, а также управленческих решений;

2) по оценке соответствия сотрудников, замещающих (претендующих на замещение) должности начальников органов предварительного следствия на региональном и районном уровнях;

3) по разработке должностных регламентов (инструкций) сотрудников, замещающих должности начальников органов предварительного следствия на региональном и районном уровнях;

4) по повышению квалификации сотрудников, замещающих должности начальников органов предварительного следствия на региональном и районном уровнях.

Раздел II. Система квалификационных требований.

7. Система квалификационных требований объединяет следующие виды требований:

- базовые квалификационные;
- функциональные квалификационные.

К базовым квалификационным требованиям относятся:

- требования к должному уровню профессионального образования;
- требования к продолжительности стажа (опыта) службы по направлению деятельности, направлению подготовки вне зависимости от направления деятельности;
- требования к личным качествам.

К функциональным квалификационным требованиям относятся:

- требования к знаниям правовых основ общих и специальных направлений деятельности органов предварительного следствия на региональном и районном уровнях;

- требования к профессиональным знаниям, умениям и навыкам сотрудников, замещающих (претендующих на замещение) должности начальников органов предварительного следствия на региональном и районном уровнях.

Раздел III. Основные направления профессиональной служебной деятельности в органах предварительного следствия системы МВД России¹ [6].

8. Основными задачами органов предварительного следствия являются:

- обеспечение в пределах своих полномочий исполнения законодательства Российской Федерации об уголовном судопроизводстве;
- организационно-методическое руководство расследованием преступлений, подследственных следователям органов внутренних дел Российской Федерации.

9. Органы предварительного следствия осуществляют следующие основные функции:

- анализируют следственную практику, организацию и результаты деятельности следователей органов внутренних дел Российской Федерации, разрабатывают и

¹ Положение об органах предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденное указом Президента РФ от 23.11.1998 № 1422 «О мерах по совершенствованию организации предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации».

реализуют меры по повышению качества и сокращению сроков производства расследования;

- изучают, обобщают и рекомендуют к внедрению положительный опыт предварительного следствия, разрабатывают для использования на практике современные методики расследования отдельных видов преступлений;

- организуют взаимодействие следователей органов внутренних дел Российской Федерации с органами, осуществляющими оперативно-розыскную, экспертно-криминалистическую деятельность, дознание, прокурорский надзор и судебный контроль по уголовным делам;

- изучают правоприменительную практику следователей органов внутренних дел Российской Федерации и осуществляют разработку предложений по совершенствованию законодательства Российской Федерации;

- обеспечивают эффективную кадровую политику, подбор, расстановку и воспитание следственных кадров, повышение их квалификации и профессионального мастерства;

- организуют рассмотрение и разрешение в соответствии с законодательством Российской Федерации писем, жалоб и заявлений граждан, поступающих в связи с производством предварительного следствия по уголовным делам.

В этой связи возможно предложить модель квалификационных требований к сотрудникам, замещающим (претендующим на замещение) должности начальников органов предварительного следствия территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях. Структурно-содержательный анализ модели квалификационных требований возможно представить в виде двух блоков:

- 1) базовые квалификационные требования;
- 2) функциональные квалификационные требования.

Базовые квалификационные требования:

Требования к уровню профессионального образования – сотрудники, замещающие (претендующие на замещение) должности начальников органов предварительного следствия на региональном и районном уровнях обязаны иметь высшее юридическое образование.

Требования к продолжительности стажа службы и стажа работы по направлению деятельности к сотрудникам, замещающим (претендующим на замещение) должности начальников органов предварительного следствия классифицируются в зависимости от уровня:

Первый уровень региональный – заместители министров внутренних дел по республикам, начальников главных управлений (управлений) по иным субъектам Российской Федерации – начальники главных следственных управлений (следственных управлений, отделов) – стаж следственной работы (включая стаж работы в органах прокуратуры, судебской работы) не менее 7–12 лет (в зависимости от численности возглавляемого отдела) и стаж руководящей работы на различных должностях в органах предварительного следствия и дознания, а в исключительных случаях и в оперативных службах не менее 5–7 лет.

Второй уровень районный – заместители начальников управлений (отделов, отделений) МВД России по муниципальным образованиям, в том числе по нескольким муниципальным образованиям, на части территории административного центра субъекта Российской Федерации, УВД по административным округам ГУ МВД России по г. Москве – начальники следственных управлений (отделов, отделений, групп):

1) заместители начальников управлений МВД России по городу (городскому округу), по нескольким муниципальным образованиям – начальники следственных управлений – стаж следственной работы не менее 5–7 лет (в зависимости от численности возглавляемого отдела) и стаж руководящей работы на различных должностях не менее 3–5 лет;

2) заместители начальников управлений, отделов, отделений МВД России по району, городу и иному муниципальному образованию, в том числе по нескольким муниципальным образованиям, на части территории административного центра субъекта Российской Федерации, по закрытому административно-территориальному образованию, на особо важном и режимном объекте – начальники следственных управлений (отделов, отделений, групп) – стаж следственной работы не менее 2–5 лет (в зависимости от численности возглавляемого отдела).

Требования к личностным качествам – сотрудники, замещающие (претендующие на замещение) должности начальников органов предварительного следствия на региональном и районном уровнях должны соответствовать следующим *личностным качествам (профессиограмма)*:

1. Уровень социальной адаптации личности:

- высокий уровень социальной адаптации, социальная и служебная ответственность;
- высокий уровень правосознания, воспитания и культуры;
- честность, гражданское мужество, объективность, принципиальность;
- чуткость, скромность и нравственная чистота;
- способность к самонаблюдению, самокритике, самоконтролю, адекватный уровень притязаний и самооценки.

2. Интеллектуальный уровень:

- развитый интеллект, эрудиция, творческое мышление;
- аналитические способности, умение оперативно воспринимать новые знания и адаптировать их к целям, задачам и функциям деятельности;
- способность к анализу, синтезу и обобщению информации;
- умение сосредоточиться на главном, системность в изложении материала, логичность и последовательность в изложении заключений и выводов.

3. Психологическая (эмоциональная) устойчивость личности:

- высокая работоспособность;
- устойчивость к стрессу и психофизическим перегрузкам;
- способность к контролю над поведением и эмоциональными проявлениями, толерантность, уравновешенность, продуктивность в состоянии эмоционального стресса;

- сила воли, уравновешенность, физическое здоровье.

4. Коммуникативные качества личности:

- общительность, умение устанавливать межличностный контакт;
- эмоциональная устойчивость;
- умение слушать других;
- развитая коммуникативная сфера, культура речи (богатый словарный запас, умение правильно формулировать ответы, умение вести деловую беседу);
- свободное владение вербальными и невербальными средствами общения;
- взаимодействие с сотрудниками иных следственных подразделений, ответственность и исполнительность при выполнении служебных обязанностей;
- способность правильно осуществлять взаимодействие с сотрудниками правоохранительных органов, органов государственного и муниципального контроля, других органов государственной власти, институтами гражданского общества;
- вежливое и внимательное отношение к гражданам во время исполнения служебных обязанностей, а также в нерабочее время, тактичное отношение к институтам гражданского общества с сохранением независимости, требовательности и принципиальности.

5. Когнитивная сфера:

- достаточный уровень объема, концентрации внимания;
- наблюдательность, гибкость мышления.

Функциональные квалификационные требования: требования к совокупности *знаний, умений и навыков сотрудников*, замещающих (претендующих на замещение) должности начальников органов предварительного следствия территориальных органов МВД России, необходимые для исполнения должностных обязанностей на региональном и районном уровнях [7].

Использование разработанных квалификационных требований повысит качество отбора кадров для назначения на руководящие должности в органах предварительного следствия на региональном и районном уровнях, оценку их квалификации, профессионального развития, формирования кадрового резерва и ротации.

На основании изложенного материала можно сделать вывод о том, что соблюдение приведенного выше подхода к установлению квалификационных требований к руководителям органов предварительного следствия создаст возможности для активизации и мобильности кадрового потенциала следственных подразделений и расширит перспективы должностного роста соответствующих сотрудников.

Ряд ученых придерживаются мнения о том, что в условиях реформирования системы государственного управления квалификационные требования не могут в полной мере гарантировать эффективность работы органа, если изменения коснутся определенных полномочий или структурной реорганизации [8; 9; 10]. Поэтому в процессе изучения качеств кандидата на вышеуказанные должности важно ориентироваться еще и на наличие у них определенных потенциальных способностей, деловых и профессиональных качеств, которые можно будет эффективно использовать для выполнения поставленных перед ними правоохранительных задач.

Расширение осведомленности сотрудников органов предварительного след-

ствия о квалификационных требованиях повысит открытость службы и создаст важные предпосылки для формирования у них реального понимания потенциальных возможностей для замещения должностей начальников органов предварительного следствия на региональном и районном уровнях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Егоров С.А. Законодательные новации в сфере разработки и применения профессиональных стандартов / С.А. Егоров // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 4 (65). – С. 150–155.
2. Казанник А.И. Научная организация управленческого труда в государственных и муниципальных учреждениях России: монография / А.И. Казанник. – Омск: Омский дом печати, 2004. – 400 с.
3. Казимирчук Г.И. Организация работы с резервом кадров для назначения на должности руководящего состава органов внутренних дел: учебное пособие – 5-е изд., перераб. и доп. – Домодедово: Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2011. – 81 с.
4. Костенко Ю.Я. Работа с кадровыми резервами подразделений и территориальных органов МВД России и основные направления ее совершенствования / Ю.Я. Костенко, О.А. Галанин // Вестник МВД России. – 2015. – № 5. – С. 72–77.
5. Кофтина Ю.Н. Правовое регулирование и организация замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2020. – 204 с.
6. Маслов А.Е. Вопросы правового регулирования и организации профессиональной подготовки кадров органов внутренних дел по месту службы / А.Е. Маслов, О.А. Чурсин // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 10. – С. 290–292.
7. Перков А.А. Взаимосвязь коммуникативной компетентности с формированием благоприятного морально-психологического климата в коллективе сотрудников органов внутренних дел / А.А. Перков // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2015. – № 1 (4). – С. 108–111.
8. Пономарева М.А. Развитие стрессоустойчивости у руководителей правоохранительных органов как фактор совершенствования подготовки управленческих кадров / М.А. Пономарева // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: сб. материалов междунар. науч.-практич. конф. – Минск: Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2016. – С. 447–448.
9. Прошин А.А. Руководящие кадры органов внутренних дел: требования, предъявляемые к ним в современных условиях / А.А. Прошин // Актуальные проблемы управления органами внутренних дел в условиях административной реформы: сб. научных статей. – М.: Академия управления МВД России, 2005. – С. 174–178.
10. Россинский С.Б. О полномочиях должностных лиц, осуществляющих следственные действия: вопросы теории и практики / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 8. – С. 73–81.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Egorov S.A. Legislative innovations in the field of development and application of professional standards / S.A. Egorov // Current problems of Russian law. – 2016. – № 4 (65). – P. 150–155.
2. Kazannik A.I. Scientific organization of managerial labor in state and municipal institutions of Russia: monograph / A.I. Kazannik. – Omsk: Omsk house of printing, 2004. – 400 p.
3. Kazimirchuk G.I. Organization of work with the reserve of personnel for appointment to positions of senior staff of internal Affairs bodies: textbook – 5-th edit., revis. and suppl. – Domodedovo: All-Russian Institute for advanced training of employees of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2011. – 81 p.
4. Kostenko Yu.Y. Work with personnel reserves of divisions and territorial bodies of the Ministry of internal Affairs of Russia and the main directions of its improvement / Yu.Y. Kostenko, O.A. Galanin // Bulletin of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2015. – № 5. – P. 72–77.
5. Yu.N. Koftina Legal regulation and organization of filling positions in the internal affairs bodies of the Russian Federation: dis. ... Cand. jurid. sciences. – M., 2020.
6. Maslov A.E. Questions of legal regulation and organization of professional training of personnel of internal Affairs bodies at the place of service / A.E. Maslov, O.A. Chursin // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2015. № 10. – P. 290–292.
7. Perkov A.A. The Relationship of communicative competence with the formation of a favorable moral and psychological climate in the team of employees of internal Affairs agencies / A.A. Perkov // Bulletin of the Tyumen Institute for advanced training of employees of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2015. – № 1 (4). – P. 108–111.
8. Ponomareva M.A. Development of stress resistance in law enforcement leaders as a factor in improving the training of managerial personnel / M.A. Ponomareva // Problems of fighting crime and training personnel for law enforcement agencies: collection of materials of the international scientific and practical conference. – Minsk: Academy of the Ministry of internal Affairs of the Republic of Belarus, 2016. – P. 447–448.
9. Proshin A.A. Managerial personnel of internal Affairs bodies: requirements for them in modern conditions / A.A. Proshin // Actual problems of management of internal Affairs bodies in the conditions of administrative reform: collection of scientific articles. – M.: Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2005. – P. 174–178.
10. Rossinsky S.B. on the powers of officials who carry out investigative actions: questions of theory and practice / S. B. Rossinsky // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2017. – № 8. – P. 73–81.

**КРИМИНАЛИСТИКА;
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ;
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.985.1

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-137-145

Варданян Акоп Вараздатович
начальник кафедры криминалистики
и ОРД Ростовского юридического
института МВД России
доктор юридических наук,
профессор
заслуженный деятель науки Россий-
ской Федерации
E-mail: avardanyan@yandex.ru

Vardanyan Akop Varazdatovich
Head of the Department of Criminalistics
and Criminal Intelligence of the Rostov
Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Doctor of Law,
Professor
Honored Scientist of the Russian Federation
E-mail: avardanyan@yandex.ru

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ РАССЛЕДОВАНИЮ:
В ПРОДОЛЖЕНИЕ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ**

Введение: в статье автор обращается к проблеме формирования частного криминалистического учения о противодействии предварительному расследованию. Несмотря на широкий научный и практический интерес к частному криминалистическому учению, оно продолжает сохранять дискуссионный характер по ряду позиций. Уважая и признавая точки зрения различных исследователей, автор аргументировано выразил собственное видение относительно сущности и соотношения некоторых криминалистических научных категорий, относящихся к учению: противодействие предварительному расследованию, сокрытие преступлений, противодействие уголовному преследованию.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Методологической основой послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: проблема противодействия предварительному расследованию является одной из актуальных для криминалистической науки, носящей как теоретико-методологический, так и прикладной характер. В рамках исследования проблем противодействия расследованию целесообразно различать действия по реализации обвиняемым и/или его защитником конституционного права на защиту от уголовного преследования и действия этих же лиц, равно других лиц в их интересах, направленные на сознательное искажение (дискредитацию) доказательственной информации и иных результатов по уголовному делу. Кроме того, в целях оптимизации работы следователя важно изучать типичные действия участников со стороны защиты, что является необходимым как с точки зрения разоблачения и признания несостоятельными доводов представителей со стороны защиты, так и использования представленной ими доказательственной информации для установления обстоятельств, свидетельствующих в той или иной степени в пользу обвиняемого.

Выводы и заключения: криминалистика, разрабатывая рекомендации по повышению результативности деятельности следователя (дознателя), в том числе и в условиях оказания противодействия расследованию, должна опираться на существующие требования уголовно-процессуального законодательства, выступающего одним из источников криминалистических рекомендаций.

Ключевые слова: противодействие, предварительное расследование, сокрытие преступлений, уголовное преследование, обвиняемый, следователь, криминалистическое учение.

COUNTERACTING TO THE PRELIMINARY INVESTIGATION: CONTINUING THE SCIENTIFIC DISCUSSION

Introduction: In the article, the author addresses the problem of the formation of a private forensic doctrine on counteracting preliminary investigation. Despite the wide scientific and practical interest in this particular forensic doctrine, it continues to remain controversial in a number of positions. Respecting and recognizing the points of view of various researchers, the author reasonably expressed his own vision of the essence and correlation of some forensic scientific categories related to the named teaching: counteraction to preliminary investigation, concealment of crimes, counteraction to criminal prosecution.

Materials and Methods: the normative basis of the research is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal and remedial legislation. The methodological basis of the study is the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as the methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

Results of the Study: the problem of counteraction to preliminary investigation is one of the most relevant for forensic science, which is both theoretical, methodological and applied in nature. As part of the study of the problems of counteracting the investigation, it is advisable to distinguish between actions on the implementation by the accused and / or his defender of the constitutional right to protection from criminal prosecution and actions of the same persons, as well as other persons in their interests, aimed at deliberately distorting (discrediting) evidence and other results on criminal case. In addition, in order to optimize the work of the investigator, it is important to study the typical actions of the participants on the part of the defense, which is necessary both from the point of exposing and recognizing as untenable the arguments of the representatives on the part of the defense, and from the use of the evidentiary information presented by them to establish circumstances that, to one degree or another, in favor of the accused.

Findings and Conclusions: Forensic science, developing recommendations for improving the performance of the investigator (interrogator), including in the context of countering the investigation, should rely on the existing requirements of the criminal procedure legislation, which is one of the sources of forensic recommendations.

Key words: counteraction, preliminary investigation, concealment of crimes, criminal prosecution, accused, investigator, forensic doctrine.

Одной из актуальных проблем криминалистической науки, носящей как теоретико-методологический, так и прикладной характер, на протяжении нескольких десятилетий привлекающей внимание многих выдающихся и молодых исследователей, является проблема противодействия предварительному расследованию [1; 2]. Как известно, эмпирическими предпосылками формирования учения о противодействии расследованию явились такие реалии правоприменительной практики, как кардинальные изменения в структуре преступности, стремительный не только количественный, но и качественный рост криминалитета, произошедший в ранний постсоветский период. Активизация организованных групп и преступных сообществ позволила обратить внимание на то, что в структуре деятельности таких формирований особое место занимают действия, направленные на воспрепятствование установлению подлинных обстоятельств преступления, которые постепенно стали существенно выходить за рамки традиционных представлений о сокрытии преступления [3; 4]. Следовательно, нуждались в корректировке устоявшиеся криминалистические рекомендации по разоблачению умысла указанных субъектов и успешному расследованию преступлений в условиях ситуации противодействия. Отмеченные тенденции обусловили потребность в формировании и дальнейшем развитии учения о противодействии расследованию.

Уважая суждения всех авторов, внесших посильный вклад в исследование проблемы противодействия расследованию и в разработку одноименного криминалистического учения, не претендуя на анализ всех аспектов данного научного знания, а также всех альтернативных точек зрения, сформулируем собственное видение указанной проблемы по существу отдельных позиций.

Определение понятия противодействия расследованию, а также его соотношение с исходным и содержательно близким понятием сокрытия преступления не является общепризнанным. Оба понятия так или иначе обозначают действия, направленные на воспрепятствование установлению истинных обстоятельств события, признаваемого преступлением, и избегание привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления. Эти действия могут совершаться как самими субъектами преступления, так и иными лицами, действующими в интересах субъектов преступлений, имеющих различные варианты взаимоотношений с ними.

Традиционно к способам сокрытия преступления относятся действия по утаиванию, уничтожению, маскировке, фальсификации информации и/или ее носителей, включая сочетание указанных способов (смешанные способы, инсценировки) [5]. Под противодействием расследованию обычно понимаются более целеустремленные и организованные действия, сутью которых является воздействие не только и не столько на следовую информацию и/или на ее носителей, но и на лиц, осуществляющих расследование преступлений, а также принимающих участие в уголовном судопроизводстве (экспертов, специалистов, оперативных и/или участковых уполномоченных, должностных лиц, осуществляющих руководящие или надзорные полномочия, свидетелей, потерпевших, подозреваемых (обвиняемых), вставших на пусть сотрудничества со следствием и т.д.). К вариантам противодействия расследованию также относятся такие явления, как симуляция нетрудоспособности, хронических и иных рас-

стройств (вплоть до психических заболеваний), препятствующих контакту со следственными органами и/или избранию меры пресечения в виде заключения под стражу, уклонение от участия в следственных действиях под различными надуманными предлогами, срывы следственных действий путем провоцирования других участников (например, при очной ставке, предъявлении для опознания, следственном эксперименте, проверке показаний на месте, обыске или выемке и т.д.), уничтожение или повреждение протоколов следственных действий или иных материалов текущего уголовного дела и т.п.

Согласно одному из первых определений, сформулированному профессором В.Н. Карагодиным, противодействие расследованию есть умышленные действия, совокупность действий, нацеленная на воспрепятствование установлению объективной истины по делу, реализации других целей предварительного расследования [6, с. 38]. Дальнейшее развитие частного криминалистического учения способствовало уточнению ряда его базовых положений [7; 8; 9], касающихся формулирования различных авторских дефиниций самого понятия противодействия расследованию, определения форм и субъектов противодействия, изложения содержательной сущности явления (сочетание действий и бездействия, а также их типичного проявления) и, разумеется, приемов и тактических операций по его преодолению и т.д.

Обобщив научные наработки по существу данной сферы знания применительно к современному периоду, А.Ю. Головин пришел к выводу о том, что противодействие предварительному расследованию следует определять как «умышленную и преимущественно противоправную деятельность субъектов преступления, связанных с ними или других преследующих собственные интересы лиц, препятствующую в различных формах работе правоохранительных органов по выявлению признаков преступных деяний, возбуждению уголовного дела и производству предварительного расследования» [10, с. 143].

Солидаризируясь в отношении концептуальных положений анализируемого явления, нашедших отражение в приведенном выше определении, обратим внимание на некоторые дискуссионные аспекты.

Под противодействием расследованию понимаются действия или бездействие лиц, совершивших преступление, и/или иных лиц, реализуемые, с одной стороны, вопреки деятельности правоохранительных органов по реагированию на сообщение о признаках преступления, проведению проверочных действий, принятию решения в стадии возбуждения уголовного дела, дальнейшему осуществлению предварительного расследования. С другой стороны, сам термин «противодействие расследованию» предполагает более конкретный этап уголовного судопроизводства, т.е. предварительное расследование. Рамки этапа предварительного расследования как стадии уголовного процесса определены с момента принятия к производству возбужденного уголовного дела до окончания предварительного расследования (путем составления обвинительного заключения/обвинительного акта и направления дела в суд либо прекращения производства по делу), т. е. привычное и устоявшееся понятие «противодействие предварительному расследованию» охватывает более узкий этап, однако это не означает, что на иных (помимо предварительного расследования) стадиях уголов-

ного судопроизводства заинтересованными лицами не оказывается воздействие с целью дискредитации результатов уголовно-процессуальной деятельности.

Нам представляется, что дело здесь не только в возможном расширении наименования анализируемого понятия. Сам по себе термин «противодействие» означает деятельность, осуществляемую в «противовес» какой-либо исходно инициированной деятельности. Следовательно, если имеет место противодействие именно расследованию, то деятельность по расследованию преступлений, как минимум, должна хотя бы начаться. Если нет самого расследования преступлений (в том числе по причине того, что преступление осталось латентным), то нечему и оказывать противодействие. Иными словами, если действия, направленные на минимизацию задержания с поличным и последующего изблечения, совершаются на подготовительном этапе к совершению преступления, то их при всей их серьезности и опасности, на наш взгляд, по определению вряд ли правильно относить к противодействию расследованию.

Соккрытие преступления в ряде источников специальной криминалистической литературы нередко именуют в качестве формы противодействия расследованию [11]. В то же время нам представляется, что само по себе соотношение терминов «сокрытие преступления» и «противодействие расследованию» в плане направленности объектов, на которые осуществляется воздействие (преступление либо расследование), показывает, что они не всегда соотносятся как особенное (частное) и общее (родовое). Соккрытие преступления может происходить на всех этапах криминальной деятельности: докриминальном, в период непосредственного совершения преступления, посткриминальном. Наличие деятельности по противодействию расследованию, как нам представляется, может быть констатировано на посткриминальном этапе. Именно для посткриминального этапа наиболее выражено соотношение сокрытия преступления как формы противодействия расследованию.

Другая проблема, связанная с формированием и развитием криминалистического учения о противодействии расследованию и методах по его преодолению, заключается в отсутствии единообразия в научных позициях относительно объема или содержания действий, подпадающих под категорию «противодействие расследованию».

С одной стороны, и сокрытие преступления, и противодействию расследованию могут быть присущи действия (приемы) как уголовно наказуемые (например, фальсификация доказательств, заведомо ложные показания свидетелей и др.), так и нейтральные с позиции уголовного закона (например, массовые безосновательные обращения, ходатайства, жалобы, реагирование на которые способствует затягиванию сроков расследования, если это выгодно подозреваемым или обвиняемым по делу).

С другой стороны, в плане отнесения к мерам по противодействию расследованию весьма неоднозначно выглядят такие действия, как отказ от дачи показаний подозреваемого или обвиняемого в порядке ст. 51 Конституции РФ, дача этими лицами ложных показаний, ходатайства о проведении дополнительных следственных действий, назначении дополнительных (повторных) судебных экспертиз, иные действия подозреваемых или обвиняемых (а равно их защитников), направленные на реализацию ими законного права на защиту от уголовного преследования. Речь идет о действиях, не нарушающих уголовно-процессуальный закон, вполне допустимых с точки

зрения этики, не связанных с преднамеренными срывами следственных действий, но, тем не менее, не совпадающих с позицией субъектов расследования и направленных на отстаивание подозреваемым (обвиняемым) своей версии относительно события, в связи с которым возбуждено уголовное дело.

Некоторые исследователи, признавая, что подобные действия подозреваемого или обвиняемого направлены на предусмотренную УПК РФ возможность осуществления защиты от уголовного преследования, тем не менее относят их к разновидности противодействия расследованию преступлений. Поскольку, несмотря на гарантированность действующим законодательством права подозреваемого или обвиняемого на защиту от уголовного преследования, фактическая сущность этих действий по отношению к осуществлению предварительного расследования та же: прекращение уголовного дела и/или уголовного преследования, иное максимально возможное улучшение положения обвиняемого в уголовном судопроизводстве.

Нам представляется, что реализация подозреваемым, обвиняемым (а равно их защитником или законным представителем) предусмотренных УПК РФ прав на осуществление защиты от уголовного преследования вряд ли может быть отнесена к разновидности противодействия предварительному расследованию. Обоснуем позицию.

Предварительное расследование, как уже упоминалось, есть самостоятельная стадия уголовного судопроизводства (дифференцируемая на разновидности: предварительное следствие и дознание). УПК РФ достаточно детально регламентирует полномочия участников уголовного судопроизводства, появляющихся в стадии предварительного расследования, следственные и иные процессуальные действия, решения, присущие данной стадии. Соответственно, не обходит законодатель вниманием и регламентацию прав и законных интересов (а также процессуальных средств их реализации) лиц, участвующих со стороны защиты. Кроме того, обратившись к назначению уголовного судопроизводства, регламентированному ст. 6 УПК РФ, становится очевидно, что как уголовное преследование, так и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания и реабилитация, в равной степени соответствуют назначению уголовного судопроизводства. Кроме того, в соответствии со ст. 15 УПК РФ стороны обвинения и защиты равноправны перед судом, а противоположность их интересов относительно целей предварительного расследования (а впоследствии и судебного разбирательства) естественным образом предопределена состязательностью уголовного судопроизводства. Совсем другая ситуация с действиями участников со стороны защиты, хотя и не являющихся уголовно наказуемыми, тем не менее выходящими за пределы допустимости предусмотренных УПК РФ приемов, например, преднамеренный отказ от получения повесток или различных процессуальных документов в сочетании с использованием этого обстоятельства для ложного заявления о нарушении прав и законных интересов, игнорирование законных требований следователя и т.п.

Нам представляется, что в рамках исследования проблем противодействия расследованию целесообразно различать действия по реализации обвиняемым и/или его защитником конституционного права на защиту от уголовного преследования и действия этих же лиц, равно других лиц в их интересах, направленные на сознательное

искажение (дискредитацию) доказательственной информации и иных результатов по уголовному делу [12].

Криминалистика, разрабатывая рекомендации по повышению результативности деятельности следователя (дознавателя), в том числе и в условиях оказания противодействия расследованию должна в любом случае исходить из требований уголовно-процессуального законодательства, выступающего одним из источников криминалистических рекомендаций.

С другой стороны, для оптимизации работы следователя важно изучать типичные действия участников со стороны защиты, которые не только противоправны с точки зрения УК РФ или/и УПК РФ, либо нарушают этические нормы, но и действия в пределах правового поля, осуществляемые в порядке защиты от уголовного преследования. Это необходимо как с позиции разоблачения и признания несостоятельными доводов представителей со стороны защиты, так и использования представленной ими доказательственной информации для установления обстоятельств, свидетельствующих в той или иной степени в пользу обвиняемого.

Учитывая вышеизложенное, считаем целесообразным поддержать сторонников позиции о несинонимичности (тем более нетождественности) [13], но соотносительности понятий «противодействие предварительному расследованию» и «противодействие уголовному преследованию». При этом мы признаем, что оба понятия значимы для дальнейшей разработки концептуальных и прикладных положений анализируемого частного криминалистического учения, в том числе криминалистических приемов и тактических операций, направленных на преодоление вышеназванных разновидностей противодействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию: учебное пособие. – Свердловск: СЮИ, 1992. – 89 с.
2. Белкин Р.С. Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными средствами и методами // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. – М., 1997. – С. 129–149.
3. Грибунов О.П., Комаров И.М. Противодействие расследованию в форме сокрытия преступлений против собственности на железнодорожном транспорте // Библиотека криминалиста: научный журнал. – 2016. – № 2 (25). – С. 192–202.
4. Грибунов О.П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Ростов н/Д., 2016. – 54 с.
5. Айвазова О.В. Особенности сокрытия преступлений корыстной направленности, связанных с нарушением земельного законодательства // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2019. – № 1 (88). – С. 115–126.
6. Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию: дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1992. – 385 с.

7. Лавров В.П. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: курс лекций. – М.: Академия управления МВД России, 2011. – 147 с.
8. Тишутина И.В. Об общей характеристике противодействия расследованию // Вестник криминалистики. – 2013. – № 1 (45). – С. 24–31.
9. Головина Е.В. Противодействие предварительному расследованию и судебному разбирательству по уголовным делам: развитие понятия // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – № 1. – С. 21–35.
10. Головин А.Ю. Противодействие предварительному расследованию: некоторые вопросы системных исследований // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 1 (88). – С. 137–149.
11. Николайчук И.А. Соккрытие преступлений как форма противодействия расследованию. – Краснодар, 2000. – С. 360 с.
12. Айвазова О.В. Дискредитация доказательств как элемент противодействия расследованию // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития: сб. науч. статей по материалам всерос. науч.-практич. конф. (с междунар. участием), посвящ. 20-летию кафедры криминалистики. – Краснодар, 2019. – С. 225–231.
13. Бабаева Э.У. Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 312 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Karagodin V.N. Overcoming opposition to preliminary investigation: study guide. – Sverdlovsk: SYUI, 1992. – 89 p.
2. Belkin R.S. Counteraction to the investigation and ways to overcome it by forensic and operational-search means and methods // Criminalistic support of the activities of the criminal police and the bodies of preliminary investigation. – M., 1997. – P. 129–149.
3. Gribunov OP, Komarov IM Counteraction to investigation in the form of concealment of crimes against property in railway transport // Criminalist Library. Science Magazine. – 2016. – No. 2 (25). – P. 192–202.
4. Gribunov O. P. Theoretical foundations and applied aspects of disclosure, investigation and prevention of crimes against property committed on transport. Autoref.dis. ... Dr. jurid. sciences'. – Rostov on/D., 2016. – 54 p.
5. Aivazova OV Features of concealment of mercenary crimes associated with violation of land legislation // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 1 (88). – P. 115–126.
6. Karagodin V.N. Fundamentals of forensic doctrine on overcoming opposition to preliminary investigation: dis. ... doctors of law. sciences. – Yekaterinburg, 1992. – 385 p.
7. Lavrov V.P. Countering the investigation of crimes and measures to overcome it: a course of lectures. – M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011. – 147 p.
8. Tishutina I.V. On the general characteristics of counteraction to the investigation // Bulletin of criminalistics. – 2013. – No. – 1 (45). – P. 24–31.
9. Golovina E.V. Counteraction to preliminary investigation and trial in criminal cases: development of the concept // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – No. 1. – P. 21–35.

10. Golovin A.Yu. Counteraction to preliminary investigation: some issues of systemic research // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 1 (88). – P. 137–149.

11. Nikolaychuk I.A. Concealment of crimes as a form of opposition to investigation. – Krasnodar, 2000. – 360 p.

12. Aivazova OV Discrediting evidence as an element of counteracting the investigation // Modern problems of domestic criminalistics and prospects for its development: collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference (with international participation), dedicated to the 20th anniversary of the Department of Criminalistics. – Krasnodar, 2019. – P. 225–231.

13. Babaeva E.U. Problems of theory and practice of overcoming counteraction to criminal prosecution. – M.: Yurlitinform, 2006. – 312 p.

УДК 343.98

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-146-156

Грибунов Олег Павлович

заместитель начальника института
(по научной работе)

Восточно-Сибирского института

МВД России

доктор юридических наук, профессор

E-mail: gribunov@mail.ru

Gribunov Oleg Pavlovich

Deputy Head of the Institute
(for scientific work),

East Siberian Institute

of Ministry of Internal Affairs of Russia

Doctor of Law, Professor

E-mail: gribunov@mail.ru

**К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗРАБОТКИ
УЗКОСПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ МЕТОДИК РАССЛЕДОВАНИЯ**

Введение: в статье проведен подробный анализ диссертационных исследований последних лет, касающихся методики расследования отдельных видов преступлений. Подобный экскурс позволил выявить наиболее актуальные виды преступлений, расследование которых затруднено отсутствием современной методики расследования, а также мер профилактического и предупредительного характера.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, а также познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили заключить, что в криминалистической науке при подготовке кандидатских диссертаций устойчиво прослеживается следующая структура исследований: криминалистическая характеристика, организационные основы расследования, включающие особенности возбуждения уголовных дел и версию работу следователя (дознателя) в рамках отработки соответствующих следственных ситуаций, тактические особенности проведения отдельных следственных действий.

Выводы и заключения: проанализированные исследования позволили констатировать, что авторы в своих трудах выбирают наиболее проблемные, на их взгляд, следственные действия, которые не носят исчерпывающего характера, что в свою очередь вызывает соответствующие вопросы относительно отсутствия тактико-криминалистических рекомендаций по проведению таковых. Кроме того, наличие в методических рекомендациях теоретических основ и практических аспектов криминалистического предупреждения создают предпосылки выработки превентивных мер.

Ключевые слова: методика расследования преступлений, анализ уголовных дел, отдельные виды преступлений, раскрытие и расследование преступлений, криминалистика.

REVISITING THE NEED FOR DEVELOPMENT OF HIGHLY-SPECIALIZED INVESTIGATION METHODS

Introduction: the article provides a detailed analysis of the dissertation researches of recent years related to the examination of the investigation methods of certain types of crimes. Such an excursion made it possible to identify the most relevant types of crimes, investigation of which is complicated by the lack of a modern investigation methodology, as well as protective and preventive measures.

Materials and Methods: the normative basis of the research is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal and remedial legislation. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

Results of the Study: allowed to conclude that in forensic science, when preparing dissertations, the following structure of research is steadily traced: forensic characteristics; organizational foundations of the investigation, including the features of the initiation of criminal prosecution and the versioned work of the investigator (interrogator) in the framework of developing the relevant investigative situations; tactical features of individual investigative actions.

Findings and Conclusions: the analyzed studies allowed us to state that the authors in their works choose the most problematic, in their opinion, investigative actions that are not exhaustive in nature, which in turn raises relevant questions regarding the lack of tactical and criminalistic recommendations for such actions. Thus, the presence in the methodological recommendations of the theoretical foundations and practical aspects of forensic prevention create the preconditions for the development of preventive measures.

Key words: investigation methodology, analysis of criminal cases, certain types of crimes, solution and investigation of crimes, forensic science.

В настоящее время методики расследования отдельных видов преступлений, на наш взгляд, в достаточной степени разработаны и представлены правоприменителями [1, 2, 3]. Ранее нами уже было акцентировано внимание на относительной важности и значимости методико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений [4]. Вместе с тем отдельного внимания заслуживают узкоспециализированные методики расследования отдельных видов преступлений. По справедливому уточнению О.Ю. Антонова, «в последнее время в криминалистической науке ак-

тивно разрабатываются методики расследования отдельных видов преступлений. Это обусловлено как появлением новых составов уголовно наказуемых деяний в российском уголовном законодательстве, так и совершенствованием преступной деятельности» [5, с. 162].

При всем многообразии научного обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в правоприменительной практике возникают трудности в расследовании преступлений, в том числе не имеющих широкого распространения, например, приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины; хищение комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта; мошенничество при оказании оккультных услуг; хищение бюджетных средств, предназначенных для реализации национальных проектов; мошенничество, связанное с осуществлением инвестиционных проектов; преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Следует признать, что научное сообщество действительно определяет круг преступлений, которые, с одной стороны, согласно статистическим данным, носят единичный характер, с другой – вызывают определенные трудности в процессе их выявления и расследования у сотрудников правоохранительных органов.

Анализ диссертационных исследований последних лет позволил выявить круг преступлений, которые были исследованы следующими авторами: Э.Д. Нугаевой [6], С.Р. Низаевой [7], Г.Н. Карепановым [8], М.А. Поздняковым [9], Д.В. Паршиным [10], К.В. Гончаровым [11] Е.Н. Земсковой [12], А.А. Говоровым [13], В.Г. Выстроповым [14], А.Е. Антоновым [15], М.И. Максимовым [16], А.В. Чумаковым [17], И.А. Обуховым [18], Е.А. Малыхиной [19], С.П. Грибуновым [20], А.Л. Пермяковым [21] и др.

Поставленный в начале статьи вопрос о необходимости разработки узкоспециализированных методик расследования преступлений, вне всяких сомнений, имеет положительный ответ. Более того, результаты таких исследований должны активнее внедряться как в учебную, научную, так и в правоприменительную деятельность.

Не всегда количество зарегистрированных преступлений свидетельствует об истинной оперативной обстановке и правопорядке в соответствующих сферах или отраслях. К сожалению, высокая степень латентности зачастую связана с отсутствием научно обоснованных и практико ориентированных методических рекомендаций по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению таких преступлений. Следовательно, информация и внедрение результатов данных исследований способствует активизации деятельности правоохранительных органов в соответствующих направлениях. Полагаем, предложенный краткий обзор научных разработок даст новый импульс их использования и внедрения в правоприменительную деятельность правоохранительных органов, а также послужит ориентиром для разработки новых методик.

Как справедливо было указано Р.С. Белкиным, частные криминалистические методики являются конечным продуктом криминалистики, направленным на повышение эффективности следственной практики [22, с. 176].

Рассматривая диссертационное исследование Р. Н. Боровских «Теоретические основы и прикладные аспекты расследования преступлений в сфере страхования», становится очевидно, что научная новизна данной работы определяется системностью исследования криминалистических проблем расследования широкого спектра преступлений в сфере страхования, а также комплексным анализом (что видится еще более важным) методологических и теоретических оснований формирования и внедрения базовых (по терминологии автора) криминалистических методик расследования преступлений (на примере авторской методики расследования преступлений в сфере страхования).

Диссертационное исследование В.О. Давыдова на тему «Методика расследования транснациональной преступной деятельности экстремистского характера», вне всяких сомнений, является актуальным и востребованным в научном осмыслении. Диссертантом в качестве научного исследования вполне справедливо выбран транснациональный аспект данного вида преступной деятельности, так как в настоящее время экстремизм и преступления террористического характера вышли за рамки границ отдельно взятого государства, более того, преступления экстремистской направленности тесно связаны, а порой являются начальным этапом террористической деятельности. Это и обуславливает необходимость поиска новых подходов к организации расследования данных преступлений, в том числе с использованием криминалистических методов, средств и рекомендаций.

Р.В. Кулешов в диссертационной работе «Теоретико-методологические основы раскрытия и расследования преступлений в сфере экстремистской и террористической деятельности» предложил и сформировал интегрированную криминалистическую методику расследования преступлений экстремистской и террористической направленности, изложил собственную интерпретацию многих положений, относящихся к теоретическим и прикладным вопросам раскрытия и расследования данных преступлений.

В диссертационной работе К.В. Гончарова «Совершенствование методики расследования злоупотреблений полномочиями, совершенных вопреки интересам службы в коммерческих и иных организациях субъектами, осуществляющими управленческие функции» сформулирован комплекс научных положений и методико-криминалистических рекомендаций, внесших посильный вклад в совершенствование формирующейся частной криминалистической методики расследования. Автор достаточно обстоятельно анализирует вопросы формирования криминалистической характеристики злоупотреблений полномочиями, совершенных субъектами, осуществляющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях на современном этапе развития криминалистического знания, а также исследует ключевые признаки ее элементов. На должном уровне исследован личностный аспект, а именно, криминалистически значимые признаки личности преступника. Заслуживает внимания глубокий теоретический анализ ситуационного подхода в раскрытии и расследовании преступлений и попытка разработки «древа исходных следственных ситуаций», типичных для расследования злоупотреблений полномочиями.

В диссертационном исследовании И.А. Обухова на тему «Особенности расследования преступлений террористического характера в условиях действия правового режима контртеррористической операции» сформулирован комплекс научных положений и методико-криминалистических рекомендаций, позволивших внести вклад в разработку частной криминалистической методики расследования преступлений террористического характера в условиях действия правового режима КТО. В этом состоит научная новизна исследования. Заслуживают внимания приведенные данные в процентном соотношении видов преступлений (всего 11), подпадающих под данную категорию, что свидетельствует о качестве и объемах исследования материалов правоприменительной практики. Следует признать положительным предложение в порядке *De lege ferenda* авторской редакции понятия «контртеррористическая операция» и его законодательного закрепления в федеральном законе «О противодействии терроризму». Значительное внимание уделено анализу особенностей элементов криминалистической характеристики и их признаков с целью установления корреляционных связей. Так, следует признать состоятельным анализ особенностей личности преступника и потерпевшего при совершении преступлений террористического характера, проведенный с учетом социально-демографических, нравственно-психологических, уголовно-правовых и криминалистических аспектов, и имеющий значение в выборе тактических приемов проведения следственных действий, организации и планирования расследования. Кроме того, типизированы следственные ситуации, предложены общие и частные версии, а также программы рациональных, последовательных действий следователя в зависимости от способа совершения преступления и следственной ситуации. Разрабатывая тактические рекомендации следственных действий с учетом особенностей обстановки и места их проведения, автор уделил особое внимание и рекомендациям по обеспечению безопасности всех участников следственных действий.

Диссертационное исследование Э.Д. Нугаевой: «Особенности расследования мошенничества при оказании оккультных услуг» также направлено на формирование частной методики и рекомендаций по раскрытию и расследованию данной категории преступлений. Автором справедливо отмечено, что это первое исследование такой тематики. Особое внимание в работе уделено механизму мошенничества при оказании оккультных услуг, предложена авторская классификация способов совершения преступлений. Выделены наиболее распространенные способы мошеннических действий при оказании оккультных услуг, а также выявлены особенности подготовки, совершения и сокрытия преступлений данного вида. Исследованы методы и приемы криминальных манипуляций сознанием и поведением жертв, применяемые мошенниками при совершении преступлений рассматриваемого вида, базирующиеся на применении «современных психотехнологий». Автором также предложен при проведении допроса тактический прием «объявление о правовом оформлении, подготовке и незамедлительном производстве обыска в жилище допрашиваемого», способствующий принятию подозреваемым решения о сотрудничестве с органами предварительного расследования. Заслуживают внимания подготовленные соискателем типовые программы допроса потерпевших и подозреваемых применительно к складывающейся следственной ситуации на этапе досудебного производства мошенничества при оказании

окультурных услуг. Определен круг судебных экспертиз, проводимых в ходе расследования мошенничества рассматриваемого вида, а именно: судебно-психологических, судебно-психологических экспертиз психологического воздействия, судебно-психологических экспертиз по установлению иерархии преступной группы и индивидуально-ролевого статуса ее членов, социально-психолого-лингвистических, комплексных фоноскопических, психолого-лингвистических экспертиз.

Диссертационное исследование Д.В. Паршина «Совершенствование методики расследования хищений бюджетных средств, предназначенных для реализации приоритетных направлений развития сельского хозяйства» посвящено достаточно актуальной теме – защите от преступных посягательств одного из видов национальных проектов. Автором также предложен комплекс криминалистических рекомендаций, направленный на совершенствование методики расследования данного вида преступной деятельности.

В диссертационном исследовании С.Р. Низаевой «Расследование мошенничества в сфере оборота жилой недвижимости (проблемы теории и практики)» изучены закономерности механизма подготовки, совершения и сокрытия мошенничества в сфере оборота жилой недвижимости; собирания доказательственной информации об обстоятельствах преступного деяния, его участниках, проверке, оценке и использовании полученной информации в целях раскрытия и расследования преступлений данной категории. Заслуживает внимания подробный анализ способов совершения мошенничества с дифференциацией рынков первичного и вторичного жилья; особенностей взаимодействия следователя с оперативными работниками при выявлении фактов мошенничества в сфере оборота жилой недвижимости и использования получаемых таким образом данных в качестве доказательств, разработка предложений по совершенствованию организации и тактики использования специальных знаний при расследовании уголовных дел указанной категории.

Диссертационное исследование С.П. Грибунова «Методика расследования приобретения, хранения, перевозки, переработки в целях сбыта или сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины» является первым по исследуемой теме с момента введения соответствующего состава преступления в УК РФ в 2014 г. Автором разработана частная криминалистическая методика расследования приобретения, хранения, перевозки, переработки в целях сбыта или сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины.

Научная новизна диссертационного исследования Е.Н. Земсковой «Расследование преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» состоит в разработке на монографическом уровне теоретических и научно-практических основ расследования преступлений в сфере закупок на базе комплексного исследования проблем, что в современных условиях является актуальным и востребованным. Заслуживают внимания рассмотренные отдельно вопросы планирования расследования соответствующих преступлений, справедливо отмечено, что особенности планирования расследования преступлений в сфере закупок определяются криминалистической характеристикой отдельных видов таких деяний и следственными ситуациями по конкретному уголовному делу.

Диссертационное исследование Е.А. Малыхиной на тему «Методика расследования хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта» посвящено актуальной теоретической и практической проблеме современной криминалистики. Хищения комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта, несмотря на масштабы и социальную опасность, на сегодняшний день недостаточно изучены, в научной литературе нет работ, посвященных методике расследования преступлений данного вида, что предопределяет особую необходимость исследований указанной проблематики. Судебная перспектива уголовных дел, связанных с хищениями комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта, крайне нестабильна, низкий процент обвинительных заключений и большое количество отказных материалов свидетельствует о том, что на сегодняшний день остро стоит вопрос качественного решения комплекса типичных проблем, возникающих на стадии возбуждения уголовных дел и предварительного расследования. В диссертационном исследовании автором достигнуты главные его цели – сформирована криминалистическая характеристика и разработаны практические рекомендации по организации и осуществлению расследования рассматриваемой категории преступлений.

Научная новизна диссертационного исследования А.Л. Пермякова «Методика расследования мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях железнодорожного транспорта» заключается в том, что рассмотрена недостаточно изученная и сложная в теоретическом и практическом отношении проблематика, касающаяся участия в уголовных делах работников коммерческих организаций, частично или полностью принадлежащих государству, на примере предприятий железнодорожного транспорта. В работе сформулирована научная позиция по вопросу определения криминалистической характеристики мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях железнодорожного транспорта, выявлены наиболее значимые организационно-тактические аспекты расследования преступлений, а также предложены криминалистические рекомендации, направленные на повышение эффективности использования специальных знаний при расследовании преступных деяний.

Анализ диссертационных исследований позволяет заключить, что в криминалистической науке при подготовке кандидатских диссертаций сформировался тренд относительной структуры исследований: криминалистическая характеристика; организационные основы расследования, включающие особенности возбуждения уголовных дел и версию работу следователя (дознателя) в рамках отработки соответствующих следственных ситуаций; тактические особенности проведения отдельных следственных действий, что по справедливому уточнению А.Ю. Головина, представляет собой «логически и системно выдержанные криминалистические рекомендации» [23, с. 3]. При этом следует отметить, что авторы выбирают наиболее проблемные, на их взгляд, следственные действия, которые не носят исчерпывающего характера, что в свою очередь вызывает соответствующие вопросы относительно отсутствия тактико-криминалистических рекомендаций по проведению таковых. Кроме того, не всегда на должном уровне раскрыты вопросы взаимодействия в процессе расследования, а также противодействия расследованию и меры по его преодолению. Полагаем, что

криминалистическая профилактика также должна стать предметом исследования при формировании частной методики расследования преступлений.

Следует признать, что залогом успешности частных криминалистических методик является соблюдение принципов их формирования [24, с. 7]. Безусловно, каждое из перечисленных исследований не претендует на абсолютное совершенство. В той или иной степени присутствует региональный компонент, который, следует признать, имеет значение и учтен авторами. При этом правоприменительная практика из года в год совершенствуется, и через 2–3 года время придаст соответствующей методике новый научный потенциал. В этой части следует признать рекомендации А.В. Варданяна относительно того, что «процесс формирования частных криминалистических методик должен отвечать требованиям научности» [25, с. 29], в определенной мере учтены в представленных выше работах.

Совершая преступления, которые не носят распространенный характер, преступники совершенствуют и их способы, таким образом, наличие в методических рекомендациях теоретических основ и практических аспектов криминалистического предупреждения создают предпосылки выработки превентивных мер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Давыдов В.О. Методика расследования транснациональной преступной деятельности экстремистского характера: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Ростов н/Д., 2018. – 51 с.
2. Боровских Р.Н. Теоретические основы и прикладные аспекты расследования преступлений в сфере страхования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2018. – 54 с.
3. Кулешов Р.В. Теоретико-методологические основы раскрытия и расследования преступлений в сфере экстремистской и террористической деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Ростов н/Д., 2018. – 49 с.
4. Варданян А.В., Грибунов О.П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2017. – № 2 (81). – С. 23–35.
5. Антонов В.Ю. Криминалистическая структура взаимосвязанных видов преступлений: содержание, классификация и использование в целях разработки комплексных методик расследования преступлений // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 9 (94). – С. 161–170.
6. Нугаева Э.Д. Особенности расследования мошенничества при оказании оккультных услуг : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2018. – 28 с.
7. Низаева С.Р. Расследование мошенничества в сфере оборота жилой недвижимости (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Уфа, 2017. – 24 с.
8. Карепанов Г.Н. Особенности расследования мошенничеств, совершаемых работниками банков в сфере кредитования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2018. – 23 с.

9. Поздняков М.А. Использование специальных знаний при расследовании незаконной добычи водных биоресурсов с использованием иностранных морских судов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2019. – 30 с.

10. Паршин Д.В. Совершенствование методики расследования хищений бюджетных средств, предназначенных для реализации приоритетных направлений развития сельского хозяйства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2018. – 29 с.

11. Гончаров К.В. Совершенствование методики расследования злоупотреблений полномочиями, совершенных вопреки интересам службы в коммерческих и иных организациях субъектами, осуществляющими управленческие функции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2018. – 28 с.

12. Земскова Е.Н. Расследование преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – 32 с.

13. Говоров А.А. Совершенствование методики расследования нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2019. – 28 с.

14. Выстропов В.Г. Совершенствование расследования преступлений, связанных с организацией экстремистской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2018. – 29 с.

15. Антонов А.Е. Поисково-познавательная деятельность и ее особенности в ситуациях расследования преступлений на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2018. – 27 с.

16. Максимов М.И. Совершенствование методики расследования преступлений корыстной направленности, связанных с нарушением земельного законодательства Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2019. – 29 с.

17. Чумаков А.В. Особенности методики расследования мошенничества при получении выплат: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2018. – 24 с.

18. Обухов И.А. Особенности расследования преступлений террористического характера в условиях действия правового режима контртеррористической операции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2019. – 24 с.

19. Малыхина Е.А. Методика расследования хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2018. – 27 с.

20. Грибунов С.П. Методика расследования приобретения, хранения, перевозки, переработки в целях сбыта или сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2018. – 25 с.

21. Пермяков А.Л. Методика расследования мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях железнодорожного транспорта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2016. – 27 с.

22. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики: В 3 т. Т. 3. – М.: Академия МВД СССР, 1979. – 557 с.

23. Головин А.Ю. Криминалистические системы и классификации: вопросы практического использования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 1–2. – С. 3–11.

24. Варданыан А.В., Кулешов Р.В. К вопросу о принципах формирования частных криминалистических методик // Российский следователь. – 2015. – № 22. – С. 7–13.

25. Варданыан А.В., Айвазова О.В. Принципы формирования частных криминалистических методик: современное состояние и пути совершенствования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 1–2. – С. 17–23.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Davydov V.O. Methodology for investigating transnational criminal activities of an extremist nature: author. dis. ... Dr. jur. sciences. – Rostov n/a., 2018. – 51 p.

2. Borovsky RN Theoretical foundations and applied aspects of the investigation of crimes in the insurance industry: abstract. dis. ... Dr. jur. sciences. – M., 2018– 54 p.

3. Kuleshov R.V. Theoretical and methodological foundations of the disclosure and investigation of crimes in the field of extremist and terrorist activities: abstract. dis. ... Dr. jur. sciences. – Rostov n/a., 2018. – 49 p.

4. Vardanyan A.V., Gribunov O.P. The modern doctrine of the methodological and forensic support for the investigation of certain types of crimes // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – No. 2 (81). – P. 23–35.

5. Antonov V.Yu. The criminalistic structure of interrelated types of crimes: content, classification and use in order to develop integrated methods for investigating crimes // Actual problems of Russian law. – 2018. – No 9 (94). – P. 161–170.

6. Nugaeva E.D. Features of the investigation of fraud in the provision of occult services: author. dis. ... cand. legal sciences. – Rostov n/a., 2018. – 28 p.

7. Nizaeva S.R. Investigation of residential real estate fraud (problems of theory and practice): author. dis. ... cand. legal science. – Ufa, 2017. – 24 p.

8. Karepanov G.N. Features of the investigation of fraud committed by bank employees in the field of lending: author. dis. ... cand. legal sciences. – Yekaterinburg, 2018. – 23 p.

9. Pozdnyakov M.A. The use of special knowledge in the investigation of the illegal extraction of aquatic biological resources using foreign marine vessels: abstract. dis. ... cand. legal sciences. – Krasnodar, 2019. – 30 p.

10. Parshin D.V. Improving the methodology for the investigation of theft of budget funds intended for the implementation of priority areas of agricultural development: abstract. dis. ... cand. legal sciences. – Rostov n/a., 2018. – 29 p.

11. Goncharov K.V. Improving the methodology for investigating abuses of authority committed contrary to the interests of service in commercial and other organizations by entities performing managerial functions: author. dis. ... cand. legal sciences.– Rostov n/a., 2018– 28 p.

12. Zemskova E.N. Investigation of crimes in the field of procurement of goods, works, services to ensure state and municipal needs: author. dis. ... cand. legal sciences. – M., 2018. – 32 p.

13. Govorov A.A. Improving the methodology for investigating the misuse of budgetary funds and funds of state extra-budgetary funds: author. dis. ... cand. legal sciences. – Rostov n/D., 2019. – 28 p.

14. Vystropov V.G. Improving the investigation of crimes related to the organization of extremist activity: author. dis. ... cand. legal sciences. – Rostov n/D., 2018. – 29 p.

15. Antonov A.E. Search and cognitive activity and its features in situations of investigation of crimes in rail transport and objects of transport infrastructure: abstract. dis. ... cand. legal sciences. – Rostov n/D., 2018. – 27 p.

16. Maksimov M.I. Improving the methodology for investigating mercenary-related crimes related to violation of the land legislation of the Russian Federation: author. dis. ... cand. legal sciences. – Rostov n/D., 2019. – 29 p.

17. Chumakov A.V. Features of the methodology for investigating fraud in receiving payments: author. dis. ... cand. legal sciences. – Kaliningrad, 2018. – 24 p.

18. Obukhov I.A. Features of the investigation of crimes of a terrorist nature in the conditions of the legal regime of the counter-terrorist operation: abstract. dis. ... cand. legal sciences. – Barnaul, 2019. – 24 p.

19. Malykhina E.A. A technique for investigating the theft of component parts of railway transport facilities: author. dis. ... cand. legal sciences. – Rostov n/a., 2018. – 27 p.

20. Gribunov S.P. Methods of investigation of the acquisition, storage, transportation, processing for the sale or sale of knowingly illegally harvested wood: abstract. dis. ... cand. legal sciences. – Rostov n/a., 2018. – 25 p.

21. Permyakov A.L. Methodology for the investigation of fraud associated with the implementation of investment projects in railway transport enterprises: author. dis. ... cand. legal sciences. – Rostov n/a., 2016. – 27 p.

22. Belkin R.S. The course of Soviet forensics. In 3 t. T. 3. – M.: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1979. – 557 p.

23. Golovin A.Yu. Forensic systems and classifications: issues of practical use // Bulletin of Tula State University. Economic and legal sciences. – 2013. – No. 1–2. – P. 3–11.

24. Vardanyan A.V., Kuleshov R.V. To the question of the principles of the formation of private forensic techniques // Russian investigator. – 2015. – No. 22. – P. 7–13.

25. Vardanyan A.V., Aivazova O.V. The principles of the formation of private forensic techniques: the current state and ways of improvement // Bulletin of Tula State University. Economic and legal sciences. – 2016. – No. 1–2. – P. 17–23.

УДК 34.096

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-157-168

Иванов Пётр Иванович

главный научный сотрудник отдела
по исследованию проблем отраслевого
управления Научно-исследовательского
центра Академии управления Министерства
внутренних дел Российской Федерации
доктор юридических наук, профессор
заслуженный юрист Российской Федерации
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru.

Ivanov Peter Ivanovich

Chief Research Officer of the Industry
Management Research Department of the
Research Center of the Academy of man-
agement of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, Doctor of Law,
Professor, Honored Lawyer of the Russian
Federation
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru.

**ФЕДЕРАЛЬНОМУ ЗАКОНУ «ОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» 25 ЛЕТ**

Введение: спустя четверть века с момента принятия в 1995 г. федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (в новой редакции)¹, есть что вспомнить: о предпосылках его принятия, вкладе ученых в области теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), сторонниках и противниках Закона, пробелах и недочетах, а также о направлениях совершенствования и перспективах развития оперативно-розыскного законодательства в современных условиях. Чтобы вспомнить все, надо «перелопатить» немало источников, так как всё в юридической и специальной литературе излагается куце и врозь. Разрозненность, на наш взгляд, не позволяет читателю составить для себя хотя бы общее представление об исторической ретроспективе становления и развития указанного Закона.

Материалы и методы составили научные публикации, посвященные истории принятия и развития ФЗ «Об ОРД», в том числе связанные с совершенствованием оперативно-розыскного законодательства, собранные автором материалы, отражающие особенности его становления в советский и постсоветский периоды, а также современная правоприменительная практика.

В процессе исследования использовалась совокупность методов: диалектический материализм, комплексный подход к изучению истории, система общенаучных и частных методов познания, включающих в себя наблюдение, сравнение, описание, аналогию, формальную классификацию, а также логические приемы и способы исследования (анализ, синтез, индукция, дедукция).

Результаты исследования позволили обобщить материалы, связанные со становлением и развитием ФЗ «Об ОРД», вычленить специфические особенности на

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. федер. закона от 2 авг. 2019 г. № 311-ФЗ) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

каждом этапе его развития, обосновать их. Кроме того, благодаря проведенному исследованию удалось сформулировать и предложить основные направления совершенствования не только ФЗ «Об ОРД», но и оперативно-розыскного законодательства в целом. Обосновать идею об использовании при этом информационных технологий посредством разработки и принятия специального плана действий (мероприятий).

Выводы и заключения: современное представление об истории становления и развития ФЗ «Об ОРД» по причине фрагментарности и разрозненности материала не охватывает нюансы, послужившие основной предпосылкой его принятия. Как нам представляется, отрывчатое рассмотрение отдельных эпизодов не позволяет создать общую картину состоявшегося исторического события. Основоположники теории ОРД как относительно самостоятельного научного знания при этом остаются в «тени», поэтому трудно оценить последователям (молодым специалистам) их реальный вклад в перерастание теории в науку. Принятие ФЗ «Об ОРД» неразрывно связано с теорией ОРД.

Были уточнены и конкретизированы: заслуги ученых в области теории ОРД в создании необходимых предпосылок для принятия ФЗ «Об ОРД»; понятийно-категориальный аппарат применительно к современным условиям; пробелы и недочеты, установленные в процессе практического применения Закона; приоритетные направления его совершенствования.

Проблемы, связанные с дальнейшим развитием теории ОРД и совершенствованием ФЗ «Об ОРД», должны быть предметом специального исследования в рамках кандидатских и докторских диссертаций.

Ключевые слова: федеральный закон, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное законодательство, четверть века, достоинства и преимущества, направления совершенствования.

THE FEDERAL LAW «ABOUT POLICE INTELLIGENCE» IS 25 YEARS OLD

Introduction: a quarter of a century after the adoption in 1995 of the Federal law «About police intelligence» (in a new version) (hereinafter – the Federal law «About ORD»), there is something to remember: the prerequisites for its adoption, the contribution of scientists in the field of theory of operational search activities (hereinafter – ORD), supporters and opponents of such a Law, gaps and shortcomings, as well as the directions of improvement and prospects for the development of operational search legislation in modern conditions. To go through them, you need to «shovel» a lot of sources, since everything in the legal and special literature is presented in short and apart. Such disparity, in our opinion, does not allow the reader to form even for themselves at least a General idea of the historical retrospective of the formation and development of this Law.

Materials and Methods: scientific publications devoted to the history of the adoption and development of the Federal law «About ORD», including publications related to the improvement of operational search legislation, materials collected by the author that re-

flect the features of its formation and development in the Soviet and post-Soviet periods, as well as modern law enforcement practice.

In the process of research, a set of methods was used: dialectical materialism, an integrated approach to the study of history, a system of General scientific and private methods of knowledge, including: observation, comparison, description, analogy, formal classification, as well as logical techniques and methods of research (analysis, synthesis, induction, deduction).

Results of the Study: allowed the author to summarize the issues collected in the course of studying the formation and development of the Federal law «About ORD», identify specific features at each stage of its development, and scientifically substantiate them. In addition, thanks to the research conducted, it was possible to formulate and offer the reader the main directions for improving not only the Federal law «About ORD» itself, but also the operational search legislation in General. Substantiate the idea of using information technologies in this case by developing and adopting a special action plan (activities) for this purpose.

Findings and Conclusions: the current understanding of the history of the formation and development of the Federal law «About ORD» due to the fragmentary and fragmented material does not cover the nuances that served as the main prerequisite for its adoption. It seems to us that a fragmentary consideration of individual episodes does not allow us to create a General picture of the historical event that took place. The founders of the theory of ORD as a relatively independent scientific knowledge, as a rule, remain in the «shadow», which is difficult for followers (young specialists) to assess their real contribution to the development of the theory into science. The adoption of the Federal law «About ORD» is inextricably linked with the theory of ORD.

The following were clarified and concretized: the merits of scientists in the field of the theory of ORD in creating the necessary prerequisites for the adoption of the Federal law «About ORD»; the conceptual and categorical apparatus of the theory in relation to modern conditions; gaps and shortcomings identified in the process of practical application of this Law; priority areas for its improvement.

The author believes that the problems associated with the further development of the theory of ORD and the improvement of the Federal law «About ORD» should be the subject of special research in the framework of candidate and doctoral dissertations.

Key words: Federal law, police intelligence, criminal intelligence legislation, quarter of a century, advances and advantages, areas of improvement.

Обращаясь к истории принятия федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹, хочется выразить это незабываемое (знаменательное) событие, которое состоялось четверть века тому назад, сославшись на слова составителей энциклопедического словаря биографий: «современная юридическая общественность, её научная составляющая, прежде всего молодое поколение, не должна быть лишена возможности иметь представление о своих предшественниках, учителях, об

¹ В ходе дальнейшего изложения наряду с использованием полного наименования названного Закона также Закон, ФЗ «Об ОРД».

их вкладе в исследование таких сложнейших социальных явлений, как государство и право» [5, с. 3]. Думается, что сказанное полностью относится к затронутой нами тематике. Подчеркнем тезис о том, что история – это, прежде всего, лица, события, документы. На наш взгляд, только при этом удастся представить полную картину анализируемого исторического события.

Чтобы глубже понять предпосылки, предшествовавшие принятию ФЗ «Об ОРД», необходимо обратиться к его истокам. Закон принимался не на пустом месте. Для этого учеными в области теории ОРД были созданы необходимые условия, ими по существу была подготовлена благодатная почва.

Считаем, что предпосылки для принятия ФЗ «Об ОРД» были созданы задолго до его принятия вместе со становлением и развитием самой теории ОРД.

Изучение и анализ обширного исторического материала, посвященного процессу становления и развития теории ОРД как самостоятельной отрасли знания, позволяет выделить наиболее значимые этапы:

– *начало 1960-х годов* – формирование современной отечественной теории ОРД. Ученые в области теории ОРД (К.К. Горяинов, В.С. Овчинский, Г.К. Синилов) обоснованно утверждают, что теория ОРД начинает формироваться с начала 60-х гг., когда в принятых в 1958 г. Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик впервые был употреблен термин «оперативно-розыскные меры», осуществление которых, в частности, в соответствии со ст. 29 Основ, было возложено на органы дознания. Это положение вскоре нашло закрепление в Уголовно-процессуальном кодексе (далее – УПК) союзных республик СССР. Например, в ч. 1 ст. 118 УПК РСФСР предусматривалось принятие необходимых оперативно-розыскных мер в целях обнаружения признаков преступлений и лиц, их совершивших.

Давая характеристику данного этапа, следует также иметь в виду, что процесс становления теории ОРД как самостоятельной отрасли знания изначально зарождался в недрах криминалистики [20];

– *в 1970-е годы* теория ОРД стала развиваться как относительно самостоятельная наука, имея свой предмет, метод и систему знаний.

Полагаем, что нельзя не согласиться с позицией отечественных исследователей, утверждающих, что «основы современной теории ОРД заложили ученые и практики в МВД СССР: А.И. Алексеев, В.Г. Бобров, Б.Е. Богданов, А.С. Вандышев, А.Ф. Возный, Д.В. Гребельский, А.Г. Лекарь [9], В.А. Лукашов, Б.Г. Морохин, С.С. Овчинский, П.А. Олейник, В.Г. Самойлов, В.В. Сергеев, Г.К. Синилов [11], А.Б. Утевский и др.» [11]. Мы бы дополнили этот список, включив в их число Б.В. Бойцова [13], И.А. Климова, Е.В. Токарева [10], А.Ю. Шумилова [30]. Отрадно, что подавляющее большинство из них – выходцы из стен Академии управления МВД России.

В настоящее время продолжают активно исследовать проблемы ОРД В.М. Аتماжитов [2; 3], О.А. Вагин [4], Н.С. Железняк [7; 8], В.П. Кувалдин, В.Д. Ларичев, В.Ф. Луговик, А.Г. Маркушин, В.С. Овчинский [19], Н.В. Павличенко [22], А.Е. Чечетин [26; 27; 28] и др. В работах этих авторов подчеркивается особая значимость ФЗ «Об ОРД» в борьбе с тяжкими и особо тяжкими преступлениями, как правило, носящими организованный неочевидный характер.

Аналогичного мнения придерживается и профессор В.Д. Зорькин, говоря о том, что «противодействие новым вызовам и угрозам, с которыми человечество столкнулось в конце XX–начале XXI вв. (терроризм, организованная преступность, коррупция, наркобизнес), объективно невозможно без использования правоохранительными органами и специальными службами широкого арсенала специальных средств и методов, которые находятся вне рамок уголовного судопроизводства и носят, как правило, тайный характер. Многие из таких средств и методов ограничивают конституционные права и свободы человека и гражданина, но без их применения борьба с преступными проявлениями, особенно их тяжкими и особо тяжкими формами, теряет свою эффективность» [14, с. 5]. Далее профессор В.Д. Зорькин отмечает, что законодательное урегулирование вопросов, связанных с ОРД, в российской истории большое событие [14, с. 21].

Новый этап развития теории ОРД начался именно с принятия в первой редакции закона «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» (1992 г.)¹. Дальнейшее ее развитие получило в рамках федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (1995 г.), определившего содержание ОРД и закрепившего систему гарантий законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что принятие ФЗ «Об ОРД» ознаменовало:

- появление взамен закрытого нормативно-правового регулирования отношений в сфере ОРД законодательного акта, гласно регулирующего оперативно-розыскную работу, осуществляемую оперативными подразделениями органов, исчерпывающий перечень которых установлен рассматриваемым Законом. А.Н. Конев, подчеркивая значимость ФЗ «Об ОРД», справедливо отмечает, что потребность в нем возникла еще в начале XVIII в. в ходе реформ Петра Великого, когда деятельность сыскных подразделений приобретала все более совершенную правовую форму, однако единой нормативной базы не существовало [15, с. 8]. Заметим, что в советский период оперативно-розыскная функция борьбы с преступностью изначально регулировалась ведомственными нормативно-правовыми актами закрытого характера. Как считает в этом плане профессор Я.М. Мазунин, выделяя три взаимосвязанных между собой момента: 1) закрытость порождает много всякого рода недомолвок; 2) она же не сплачивает, а вызывает недоверие граждан к самой деятельности – оперативно-розыскной работе, осуществляемой в их же интересах; 3) наконец, результаты ОРД в ходе расследования уголовных дел следователями воспринимаются с большим недоверием к сотрудникам оперативных подразделений [18, с. 50];

¹ Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации: закон Российской Федерации № 2506-1 от 13 марта 1992 г. // Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 23 апр. 1992 г. № 17. Ст. 892 (утратил силу).

- создание твердого фундамента, ставшего основой формирования отечественного оперативно-розыскного законодательства, в структуре которого на начальном этапе в действительности доминировали закрытые нормативные правовые акты;

- новый этап полноценного развития теории и практики ОРД органов внутренних дел. Федеральный закон «Об ОРД» служит необходимой предпосылкой для всесторонней разработки организационно-правовых и теоретических проблем ОРД. По результатам таких разработок около 30 поправок были внесены в указанный Закон;

- перерастание теории ОРД в относительно самостоятельную отрасль науки. Мы считаем, что зарождение ОРД как науки во многом связано с теорией ОРД, когда она стала самостоятельной отраслью знания. При этом ни в коей мере не отрицаем роль и значение в этом процессе ФЗ «Об ОРД»;

- дальнейшее укрепление правовой системы России. Федеральный закон «Об ОРД», на наш взгляд, занял в ней достойное место, придавая системность правовому регулированию отношений в сфере ОРД. Благодаря чему были созданы необходимые условия для реализации принципа эффективного функционирования оперативных подразделений полиции в современных условиях [12; 23; 32];

- полноправное включение в систему международно-правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, состоящей из национальных правовых систем.

Сегодня на фоне некоторого осложнения криминогенной ситуации, обусловленной влиянием, прежде всего, киберпреступности, транснациональной организованной преступности, экстремизма и терроризма, трудно представить действенное противодействие их проявлениям без анализируемого закона, который выступает одним из инструментов в решении задач, стоящих перед оперативными подразделениями полиции. Невольно вспоминаешь слова А.В. Суворова: «Теория без практики мертва, практика без теории слепа». К тому же среди научной общественности в виде постулата существует выражение: «Нет ничего практичнее, чем хорошая теория».

В связи со сказанным нельзя не отметить работы таких ученых, как А.Ю. Шумилов (трехтомник «Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации», 2013–2014 гг.), В.И. Елинский («Основы методологии оперативно-розыскной деятельности», 2001 г.), М.А. Шматов («Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук», 2001 г.), Г.К. Синилов («История оперативно-розыскной деятельности: от древности до современности», 2010 г.).

В научных трудах профессора А.Ю. Шумилова обосновывается идея о дополнении ныне существующей системы права еще одной отраслью – уголовно-розыскным правом [31]. Выдвигая и аргументируя идею, он понимал, что когда-нибудь она станет реальностью. Многие специалисты в области теории ОРД подхватили ее [1; 6; 16]. Говоря о вероятности существования отрасли права, они выделяют три ее признака: а) уголовно-розыскное право, по их мнению, может быть рассмотрено не только как отрасль права, но и как неотъемлемая часть оперативно-розыскного законодательства; б) такая разновидность права может быть представлена как относительно самостоятельная наука; в) наконец, уголовно-розыскное право для начала может занять место учебного курса [29].

Не ставя перед собой задачу дать подробный анализ современного состояния оперативно-розыскного законодательства в рамках статьи, следует заметить, что ФЗ «Об ОРД» не догма, он постоянно развивается и совершенствуется, устраняя имеющиеся пробелы и недочеты. Среди специалистов в области теории ОРД в настоящее время ведутся дискуссии в трех основных направлениях, каждое из которых имеет своих сторонников и противников.

Сторонники первого направления предлагают совершенствовать оперативно-розыскное законодательство посредством принятия новой редакции ФЗ «Об ОРД» [7, с. 2].

В юридической литературе существует и такая точка зрения, согласно которой сторонники придерживаются мнения о необходимости разработки и принятия в новой редакции федерального закона «Об ОРД», но уже в виде кодекса «Об оперативно-розыскной деятельности» [17]. Свою позицию они аргументируют тем, что сегодня ОРД регламентирует более 60 нормативных правовых актов, к тому же обеспечить защиту личности, общества и государства от противоправных посягательств гораздо легче при наличии кодифицированного законодательного акта. Эти доводы нашли свое отражение в пояснительной записке к проекту Оперативно-розыскного кодекса Российской Федерации, внесенного в 2015 г. в Государственную думу первым заместителем председателя Комитета Государственной думы по конституционному законодательству и государственному строительству А.А. Агеевым¹. Приверженцев данного направления мы условно относим ко второй группе. Сюда же мы причисляем Ю.П. Соловья, который утверждает, что наиболее приемлемым вариантом систематизации норм, относящихся к ОРД, является разработка и принятие Полицейского кодекса [24, с. 8]. По нашим данным, сторонников этого направления пока что не так уж много.

Наконец, третье направление. Его сторонники придерживаются более умеренной позиции. Так, например, профессор А.Е. Чечетин не разделяет радикальное совершенствование ФЗ «Об ОРД». По его мнению, данный закон отвечает, прежде всего, требованиям Основного закона Российской Федерации – Конституции Российской Федерации. Однако он не отрицает необходимость глубокой проработки возникающих проблем через призму решений Конституционного суда Российской Федерации [27, с. 65].

Завершая краткий обзор ныне существующих среди специалистов теории ОРД подходов к ее совершенствованию, выскажем свое отношение к ним. Разумеется, все они основаны на вполне убедительных доводах и аргументах, а потому имеют право на существование. Учитывая современное состояние законности и правопорядка в стране, на наш взгляд, не следует торопиться с принятием радикальных решений, нарушив при этом принцип взвешенности и преждевременности.

Полагаем, что, говоря о совершенствовании, нельзя не принимать во внимание роль и значение модельного закона «Об оперативно-розыскной деятельности» государств-участников Содружества Независимых Государств» (далее – СНГ), принятого 6

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 831609-6 «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации» (не действует). URL: <https://base.garant.ru/57721448/> (дата обращения 06.11.2020).

декабря 1997 г. на десятом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств постановлением № 10-12¹, в унификации национальных законов об ОРД. Кроме того, в этих же целях считаем полезным изучить вопрос о возможности использования законодательного опыта ближнего и дальнего зарубежья в сфере регламентации ОРД. На сегодняшний день весьма остро стоит вопрос о разработке проблем, связанных с правовым регулированием ОРД в информационно-телекоммуникационной сети, включая сеть «Интернет» [21].

Таким образом, федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», принятый четверть века тому назад, на сегодня служит действенным инструментом в решении задач, стоящих перед органами, осуществляющими ОРД. Это заметное явление, нашедшее непосредственное отражение в правовой системе России, выстроенной ныне под строительство правового государства. Система правового регулирования отношений, возникающих в сфере ОРД, с принятием указанного закона приобрела стройный и комплексный характер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Азаров В.А. Доктринальные основы формирования отрасли оперативно-розыскного права / В.А. Азаров, Е.В. Кузнецов // Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности сб. материалов всерос. науч.-практич. конф. – Омск, 2014. – С. 22–29.
2. Аتماжитов В.М., Бобров В.Г. Еще раз о нормативном правовом регулировании прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Оперативник (Сыщик). – 2011. – № 4 (29). – С. 3–5.
3. Аتماжитов В.М., Бобров В.Г. К вопросу о нормативном правовом регулировании прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Оперативник (Сыщик). – 2008. – № 2 (15). – С. 10–12.
4. Вагин О.А. Конституционная законность оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности: сб. науч. трудов / под общ. ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. – М., 2017. – С. 84–85.
5. Видные ученые-юристы России (вторая половина XX века): энциклопедический словарь биографий / под ред. В.М. Сырых. – М.: РАП, 2006. – 548 с.
6. Гусев В.А. Становление и перспективы развития оперативно-розыскной отрасли права // История государства и права. – 2010. – № 14. – С. 40–44.
7. Железняк Н.С. Вопросы актуализации федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: монография. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. – 332 с.

¹ О модельном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»: постановление Межпарламентской ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 6 дек. 1997 г. № 10-12 // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ. 1998. № 16.

8. Железняк Н.С. Комментарии к проекту федерального закона «О полиции» (оперативно-розыскной аспект) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2010. – № 4 (8). – С. 6–16.

9. Иванов П.И. Антон Григорьевич Лекарь – основоположник кафедры организации оперативно-розыскной деятельности // Сборник научных статей, посвященный 60-летию образования кафедры оперативно-розыскной деятельности Академии управления МВД России. – М., 2017. – С. 137–145.

10. Иванов П.И. Вклад профессора Е.В. Токарева в разработку частной теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Закон и право. – 2016. – № 7. – С. 145–149.

11. Иванов П.И. Значение трудов доктора юридических наук, профессора Г.К. Синилова в разработке концептуальных основ борьбы с организованной преступностью в сфере экономики // Развитие концептуальных основ оперативно-розыскного противодействия организованной преступности в современных условиях: материалы науч.-практич. конф., посвящ. 90-летней годовщине со дня рождения Григория Карповича Синилова. – М., 2013. – С. 44–59.

12. Иванов П.И. Некоторые проблемы методического обеспечения деятельности подразделений ЭБиПК в свете требований современной оперативно-розыскной науки // Оперативник (Сыщик). – 2014. – № 3 (40). – С. 37–41.

13. Иванов П.И. Частная теория документирования: ее сущность и содержание // Оперативник (Сыщик). – 2016. – № 3 (48). – С. 15–22.

14. Комментарий к федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» с приложением решений Конституционного суда Российской Федерации и обзоров практики Европейского суда по правам человека / вступ. ст. В.Д. Зорькина. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 574 с.

15. Конев А.Н. Обращение главного редактора // Труды Академии управления МВД России. – 2020. – № 3 (55). – С. 8–9.

16. Кузнецов Е.В. Оперативно-розыскное право в системе отраслей российского права: учебное пособие. – М.: ДГСК МВД России, 2018. – 120 с.

17. Луговик В.Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации (авторский проект федерального закона) // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – 1 (31). – С. 109–135.

18. Мазунин Я.М. О введении результатов оперативно-розыскной деятельности в процесс доказывания // 15 лет федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: сб. материалов всерос. науч.-практич. конф. – Омск, 2010. – С. 50–62.

19. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация / под ред. А.С. Овчинского и В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М., 2000. – 365 с.

20. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. И.А. Климова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юнити-Дана, 2019. – 439 с.

21. Осипенко А.Л. Проблемы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в глобальных компьютерных сетях // 15 лет федеральному закону «Об

оперативно-розыскной деятельности»: сб. материалов всерос. науч.-практич. конф. – Омск, 2010. – С. 143–155.

22. Павличенко Н.В. Правовые и теоретические проблемы обеспечения негласности в оперативно-розыскной деятельности: монография. – М., 2016. – 186 с.

23. Скоков И.Е. Некоторые проблемы правового регулирования деятельности оперативных подразделений полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 2 (86). – С. 165–171.

24. Соловей Ю.П. О совершенствовании законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации // 15 лет федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: сб. материалов всерос. науч.-практич. конф. – Омск, 2010. – С. 3–8.

25. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 710 с.

26. Чечетин А.Е. Проект законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий // Полицейское право. – 2006. – № 4 (8). – С. 82–87.

27. Чечетин А.Е. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в решениях Конституционного суда Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. – М., 2020. – № 3 (55). – С. 65–76.

28. Чечетин А.Е., Шатохин И.Д. Права личности и оперативно-розыскная деятельность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 1 (81). – С. 171–181.

29. Чувилев А.А. Оперативно-розыскное право. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 1999. – 75 с.

30. Шумилов А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учебник для вузов. – М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. – 368 с.

31. Шумилов А.Ю. Начала уголовно-розыскного права: монография. – М.: Шумилова И.И., 1998. – 158 с.

32. Эзрохин П.В. Совершенствование положений ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в свете требований повышения эффективности противодействия организованной преступности подразделениями уголовного розыска // Вестник МГЭИ. – 2018. – № 2. – С. 118–136.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Azarov V.A. Doktrinal'nyye osnovy formirovaniya otrasli operativno-rozysknogo prava / V.A. Azarov, Ye.V. Kuznetsov // Aktual'nyye voprosy zakonodatel'nogo regulirovaniya operativno-rozysknoy deyatel'nosti Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Omsk, 2014. – P. 22–29.

2. Atmazhitov V.M., Bobrov V.G. Once again about the normative legal regulation of Prosecutor's supervision of operational investigative activities // Operative (Detective). – 2011. – № 4 (29). – P. 3–5.

3. Atmazhitov V.M., Bobrov V.G. On the issue of regulatory legal regulation of Prosecutor's supervision of operational investigative activities // *Operative (Detective)*. – 2008. – № 2 (15). – P. 10–12.
4. Vagin O.A. Constitutional legality of operational-search activity // «Actual problems of the theory of police intelligence»: collection of scientific papers / under the General editorship of K.K. Goryainov, V.S. Ovchinsky – M., 2017. – P. 84–85.
5. Prominent scientists and lawyers of Russia (the Second half of the twentieth century). Encyclopedic dictionary of biography / under the editorship of doctor. jurid. nauk V.M. Syrykh – M.: RAP, 2006. – 548 p.
6. Gusev V.A. Stanovleniye i perspektivy razvitiya operativno-rozysknoy otrasli prava // *Istoriya gosudarstva i prava*. – 2010. – № 14. – P. 40–44.
7. Zheleznyak N.S. Questions of updating the Federal law «About police intelligence»: monograph. – Krasnoyarsk: Sibui of the MIA of Russia, 2019. – 332 p.
8. Zheleznyak N.S. Comments on the draft Federal law «On police» (investigative aspect) // *Journal of Siberian law Institute of MIA of Russia*. – 2010. – № 4 (8). – P. 6–16.
9. Ivanov P.I. Anton Grigorievich Doctor – the founder of the Department of police intelligence // *Collection of scientific articles dedicated to the 60th anniversary of the Department of police intelligence of the Academy of management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – M., 2017. – P. 137–145.
10. Ivanov P.I. Contribution of Professor E.V. Tokarev to the development of a private theory of police intelligence of Internal Affairs bodies // *The law and the right*. – 2016. – № 7. – P. 145–149.
11. Ivanov P.I. The Significance of the works of doctor of law, Professor G.K. Sinilov in the development of the conceptual framework for the fight against organized crime in the economy // *Materials of the scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of Grigory Sinilov: «Development of the conceptual foundations of operational and investigative counteraction to organized crime in modern conditions»*. – M., 2013. – P. 44–59.
12. Ivanov P. I. Some problems of methodological support for the activities of Ebipk divisions in the light of the requirements of modern operational investigative science // *Operative (Detective)*. – 2014. – № 3 (40). – P. 37–41.
13. Ivanov P.I. Private theory of documentation: its essence and content // *Operative (Detective)*. – 2016. – № 3 (48). – P. 15–22.
14. Comment to the Federal law «About police intelligence»: with the application of decisions of the constitutional Court of the Russian Federation and reviews of the practice of the European Court of human rights / introductory article by V.D. Zorkin. 3rd ed., add. and pererab. – M.: Norma: INFRA-M, 2018. – 574 p.
15. Konev A.N. Address of the editor-in-chief // *Proceedings of the Academy of management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2020. – № 3 (55). – P. 8–9.
16. Kuznetsov Ye.V. Operativno-rozysknoye pravo v sisteme otrasley rossiyskogo prava: uchebnoye posobiye. – M.: DGSK MVD Rossii, 2018. – 120 p.

17. Lugovik V.F. Operational search code of the Russian Federation (author's draft of the Federal law) // Legal science and law enforcement practice. – 2015. – 1 (31). – P. 109–135.

18. Mazunin Ya.M. On the introduction of the results of police intelligence in the process of proof // Collection of materials of the all-Russian scientific and practical conference: «15 years of the Federal law «About police intelligence»». – Omsk, 2010. – P. 50–62.

19. Ovchinsky S.S. Operational search information / ed. A.S. Ovchinsky and V.S. Ovchinsky. – M.: INFRA-M., 2000. – 365 p.

20. Police intelligence: textbook for University students studying in the field of training «Jurisprudence» / ed. I.A. Klimova. 4th ed., reprint. and additional. – M.: Unity-Dana, 2019 – 439 p.

21. Osipenko A.L. Problems of legal regulation of police intelligence in global computer networks // The collection of materials of all-Russian scientific-practical conference «15 years of the Federal law «About police intelligence»». – Omsk, 2010. – P. 143–155.

22. Pavlichenko N.V. Legal and theoretical issues of saglasnosti in police intelligence: monograph. – M., 2016. – 186 p.

23. Skokov I.E. Some problems of legal regulation of the activities of operational police units // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 2 (86). – P. 165–171.

24. Solovey Yu.P. On improving the legislative regulation of operational search activities in the Russian Federation // Collection of materials of the all-Russian scientific and practical conference: «15 years of the Federal law «About police intelligence»». – Omsk, 2010. – P. 3–8.

25. Theory of police intelligence: textbook / ed. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinsky, G.K. Sinilova. 3rd ed., reprint. and add. – M.: INFRA-M, 2014. – 710 p.

26. Chechetin A.E. Legal regulation of operatively-search actions // Police law. – 2006. – № 4 (8). – P. 82–87.

27. Chechetin A.E. Federal law «About police intelligence» in the decisions of the constitutional Court of the Russian Federation // Proceedings of the Academy of management of MIA of Russia. – 2020. – № 3 (55). – P. 65–76.

28. Chechetin A.E., Shatokhin I.D. Rights of the individual and police intelligence // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – M., 2019. – № 1 (81). – P. 171–181.

29. Chuvilev A.A. Operational-search law. – M.: NORM: INFRA-M, 1999. – 75 p.

30. Shumilov A.Yu. Course of fundamentals of police intelligence: textbook for universities. – M.: Publishing house of Shumilova I.I., 2006. – 368 p.

31. Shumilov A.Yu. The Beginning of criminal investigation law: monograph. – M.: Shumilova I.I., 1998. – 158 p.

32. Ezrokhin P.V. Improving the provisions of the Federal law «About police intelligence» in the light of the requirements for improving the effectiveness of countering organized crime by criminal investigation units // Vestnik MGEI. – 2018. – № 2. – P. 118–136.

УДК 343.98

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-169-177

Михайлова Лариса Васильевна

доцент кафедры оперативно-розыскной
деятельности органов внутренних дел
Дальневосточного юридического института
МВД России

доцент, кандидат юридических наук

E-mail: lora.mihailova@mail.ru

Mikhailova Larisa Vasilyevna

Associate Professor of Criminal Intel-
ligence Department of the Far East
Law Institute of the Interior of Russia
Candidate of Law, Associate Profes-
sor

E-mail: lora.mihailova@mail.ru

**ПРОБЕЛЫ ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КРИМИНАЛИЗАЦИЮ ЛЕСНОЙ ОТРАСЛИ**

Введение: в статье исследуются отдельные проблемные вопросы организационно-правового обеспечения лесной отрасли и влияние этих проблем на способы совершения преступлений. Указывается, что имеющиеся пробелы в организации деятельности и нормативной базе способствуют коррупционности отрасли.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составляет общий диалектически метод познания. Используются логический, системный, структурно-функциональный методы, а также методы анализа, описания, обобщения. Эмпирическую основу исследования, составляют материалы 23 уголовных дел, возбужденных по фактам преступлений, предусмотренных ст. ст. 260, 226.1. УК РФ.

Результаты исследования: на основе анализа нормативных источников, материалов уголовных дел сформулированы доводы, обосновывающие недостатки организационно-правового обеспечения лесной отрасли, которые прямо способствуют интегрированию незаконных операций в деятельность законных фирм, задействованных в лесной отрасли, появлению новых способов совершения преступлений.

Выводы и заключения: для решения проблемы требуется комплекс организационно-правовых мер, направленных на изменение структуры региональных органов в лесной отрасли, перераспределение полномочий в области лесных отношений, устранение имеющихся пробелов лесного законодательства, повышение эффективности информационно-аналитического обеспечения, сбора и хранения правовой, оперативной и иной значимой информации о проявлениях преступности в сфере незаконного оборота древесины (объектов СИТЕС).

Ключевые слова: лес, древесина, незаконные порубки, незаконный экспорт древесины, СИТЕС, способы совершения преступлений.

GAPS IN FOREST LEGISLATION AND THEIR IMPACT ON THE CRIMINALIZATION OF THE FOREST INDUSTRY

Introduction: the work examines some of the problematic issues of the organizational and legal support of the forest industry and the impact of these problems on the methods of committing crimes. It is indicated that the gaps in the organization of activities and the regulatory framework contribute to the corruption of the industry.

Materials and Methods: the methodological basis of the study is the general dialectical method of cognition. Logical, system-oriented, structural-functional methods, as well as methods of analysis, description of generalization are used. The empirical basis of the study is the materials of 23 criminal cases initiated on the facts of crimes under Art. 260, 226.1. Criminal Code of the Russian Federation.

Results of the Study: based on the analysis of regulatory sources, criminal case materials, arguments are formulated that justify the shortcomings of the organizational and legal support of the forest industry that directly contribute to the integration of illegal operations in the activities of legitimate companies involved in the forest industry, and the improvement of methods of committing crimes.

Findings and Conclusions: to solve the problem, a set of organizational and legal measures is required aimed at changing the structure of federal bodies in the forest industry, redistributing powers in the field of forest relations, filling in the existing gaps in forest legislation, increasing the efficiency of information and analytical support for the exchange, collection and storage of legal, operational and other relevant information on the manifestations of crime in the field of timber trafficking (CITES facilities).

Key words: forest, timber, illegal logging, CITES illegal export of wood, methods of committing crimes.

Объемы воздействия человека на окружающую среду сегодня принимают угрожающие размеры. Модель современного человеческого общества ориентирована на активное использование природных ресурсов. Предложения о снижении антропогенной нагрузки на природу еще не находят должной поддержки, а технологии, не наносящие вреда биосфере, не развиваются в необходимых масштабах. Однако уже сегодня абсолютно очевидно, что ресурсы нашей планеты не безграничны. В ближайшем будущем человечеству придется искать альтернативные источники энергии и создавать систему не истощительного природопользования, поскольку это станет фактором физического выживания. В таких условиях лесные ресурсы были, есть и будут стратегическим запасом, имеющим огромное значение для поддержания экологического баланса на планете и социально-экономического развития отдельно взятого государства.

Россия по-прежнему остается одной из самых богатых стран мира по объему запасов древесины. Лесопокрытая площадь составляет более 700 млн га¹. Однако си-

¹ Аналитическая записка «Состояние охраны лесов от незаконных рубок». URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/0/> (дата обращения 12.02.2020).

туация в современной лесной отрасли далека от идеальной. Государство несет огромные убытки от лесного браконьерства. По данным Всемирного банка, прямой экономический ущерб от незаконных рубок и сопряженного с ними нелегального оборота лесоматериалов составляет от 10 до 15 млрд дол. ежегодно¹. По данным ВНИИ лесной промышленности, более 21 млн м³ вывезенной древесины, или 22,9 % в общем объеме сокрыто от учета и выведено из-под налогооблагаемой базы.

Лесопромышленный комплекс в Российской Федерации по-прежнему является одной из криминализованных отраслей. Сотрудниками правоохранительных органов проводится комплекс мероприятий, направленных на его декриминализацию, что, несомненно, приносит свои плоды. Так, по данным Федерального агентства лесного хозяйства объем незаконных рубок в Российской Федерации по сравнению с 2017 г. снизился на 500 тыс. кубометров. По данным МВД России, отмечается общая тенденция снижения регистрации преступлений в сфере ЛПК: за 2019 г. зарегистрировано 12 273 незаконных рубок (АППГ – 13622)². Но более детальное изучение криминальных процессов, происходящих в отрасли, а также правоприменительная практика приводят к выводу, что лица, осуществляющие преступную деятельность, переходят на новые схемы и способы совершения преступлений. Преступления, связанные с незаконным оборотом древесины, полученной при незаконных рубках, становятся более интеллектуальными, основанными на манипуляциях с отраслевой нормативно-правовой базой и вовлечением в преступную деятельность должностных лиц учреждений лесного хозяйства.

Несовершенство законодательства способствует преступности в данной сфере как на федеральном, так и на местном уровне. Так, на способы совершения преступлений влияют пробелы в законодательстве, а также несогласованность работы контролирующих органов.

Одним из способов совершения преступлений, связанных с несовершенством лесного законодательства, является заготовка древесины под видом рубок сверх заявленного объема, иного породного состава на участках аренды и санитарных рубок.

В настоящее время, несмотря на дополнения, вносимые в законодательные и нормативные акты, не обеспечена прозрачность учета и контроля древесины. Так, по действующим нормативным актам³ учет заготовленной древесины ведется на основании данных, отраженных в лесных декларациях, отчетах лесопользователей о фактически заготовленной древесине (которые заполняет лесопользователь-арендатор лесного фонда), договоров купли-продажи лесных насаждений для личных нужд граждан.

¹ Мировой экспорт и заготовка деловой древесины в 2016 г. URL: <http://www.umocpartner.ru/statistics/mirovojj-ehksport-i-zagotovka-delovojj-drevesiny-v-2016-godu/> (дата обращения 12.02.2020).

² Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019, 2018 г. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения 25.02.2020).

³ Федеральный закон от 4 дек. 2006 г. № 200-ФЗ «Лесной кодекс Российской Федерации»; Об утверждении правил заготовки древесины и особенностей заготовки древесины в лесничествах, лесопарках, указанных в статье 23 Лесного кодекса Российской Федерации» (с изм. на 11 янв. 2017 г.: приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 13 сент. 2016 г. № 474).

дан, договоров-купли продажи лесных насаждений (которые заключает Управление лесами на свободных лесных участках), а также на основании сведений, полученных в ходе приемки мест заготовки древесины. Лесные декларации и отчеты о фактически заготовленной древесине не являются документами строгой отчетности, сведения в них заполняются самими лесопользователями, которые имеют реальную возможность вносить недостоверные сведения об объемах и породном составе древесины.

Учет количества заготовленной древесины ведется на основании сведений, предоставляемых самими лесопользователями, а также на основании сведений, полученных в ходе проведения лесничествами приемки мест рубки¹. При этом Правилами не предусматривается приемка всех мест заготовки древесины, осуществляемых арендаторами лесного фонда, т.е. объем проверок лесничествами должен охватывать не менее 30 % всех мест заготовки. Кроме того, приемка мест заготовок производится после получения лесничеством уведомления от арендатора о том, что в конкретной лесосеке окончена заготовка древесины. Таким образом, лесопользователь, зная, что на определенном участке у него имеются нарушения, умышленно не уведомляет лесничество об окончании заготовки, и направляет уведомления по тем лесосекам, где имеются минимальные нарушения лесного законодательства, которые не предусматривают уголовную ответственность, для того чтобы избежать расторжения договора аренды за неоднократные нарушения лесного законодательства (за неоднократную незаконную порубку).

При выявлении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом древесины, возникают и другие вопросы, например, в организации управления лесным фондом отмечаются признаки коррупционной составляющей. Так, управления лесами субъектов Российской Федерации (далее – Управление лесами) осуществляют одновременно финансово-хозяйственные, организационно-распорядительные и контрольно-надзорные функции в отношении:

- лесничеств, которые выполняют государственные надзорные и контрольные функции, не являясь самостоятельным субъектом принятия решений (при этом необходимо учесть недостатки в финансировании лесничеств и нехватке квалифицированных кадров), что сказывается на осуществлении на должном уровне функции надзора и контроля на обслуживаемой территории, приводит к коррупционным действиям работников лесничества. Коррупционная составляющая здесь выражается в покровительстве и содействии противоправной деятельности лесопользователей за материальное вознаграждение;

- автономных учреждений, которые являются хозяйственными субъектами, существующими за счет средств, зарабатываемых в ходе ведения лесохозяйственной деятельности. Вместе с тем автономные учреждения показали свою несостоятельность как хозяйствующие субъекты, что выражается в следующем – для выполнения государственных заданий, лесохозяйственных работ и работ по тушению лесных

¹ Об утверждении Видов лесосечных работ, порядка и последовательности их проведения, Формы технологической карты лесосечных работ, Формы акта осмотра лесосеки и Порядка осмотра лесосеки: приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 27 июня 2016 г. № 367.

пожаров привлекаются сторонние организации, имеющие необходимую технику и специалистов, при этом собственная техника и кадры не используются (ввиду низкой заработной платы, отсутствуют квалифицированные работники, парк необходимой лесохозяйственной техникой не пополняется, так как денежные средства, полученные от этих работ, используются нерационально и не вкладываются в развитие организации).

Также в структуру Управления лесами входит Отдел федерального государственного лесного надзора и федерального государственного пожарного надзора в лесах, руководство которым осуществляется начальником Управления в «ручном» режиме, лишая возможности принятия самостоятельного решения.

В связи с тем, что в «руках» Управления лесами находятся все полномочия распорядительного, надзорного и контрольного характера, это создает условия для различных теневых коррупционных схем, связанных с выполнением отраслевых работ:

- при проведении санитарно-оздоровительных мероприятий, когда в целях получения большой коммерческой прибыли в рубку назначаются насаждения ценных древесных пород, не требующих проведения данного вида мероприятий. Выявление и документирование такого способа незаконной рубки очень проблематично, так как до ее проведения на момент назначения в рубку деревьев состав правонарушения отсутствует, а после ее производства, когда деревья вырублены, доказать, что они не имели пороков и не подлежали вырубке, только по пням и брошенным у пней кронам и сучьям невозможно;

- при проведении работ по лесовосстановлению совершаются преступные действия, связанные с фиктивным принятием работ, например, использование не искусственно выращенного посадочного материала, а естественного подростка (дички);

- при проведении рубок по уходу за лесными насаждениями, которые происходят за счет средств государственных субвенций из бюджета, выполняются работы фиктивно, угнетающие и слабые деревья не вырубаются.

Решение данных вопросов возможно следующими мерами:

- передачей функций автономных учреждений по выполнению лесохозяйственных работ организациям, получившим право на их выполнение по результатам проведения открытых аукционов на торговых площадках;

- вернуть лесничествам статус самостоятельных субъектов, наделенных распорядительными, надзорными и контрольными функциями, а также наделить их полномочиями по управлению работами по тушению лесными пожарами;

- передачей Отдела федерального государственного лесного надзора и федерального государственного пожарного надзора в лесах в подведомственность Министерства природных ресурсов;

- за Управлением лесами оставить функцию контроля за деятельностью лесничеств и лиц, использующих леса (арендаторами).

Значительное число нарушений закона связано с экспортом древесины. Оперативные сотрудники правоохранительных органов (таможни и внутренних дел) констатируют, что на фоне увеличения объемов вывозимых лесоматериалов законность вырубki и вывоза значительного количества древесины вызывает большие сомнения.

Традиционными способами совершения преступлений остаются занижение стоимости и сортности вывозимой древесины, перегруз железнодорожных вагонов [1], использование недействительных или подложных СИТЕС¹.

Криминализация экспорта лесоматериалов во многом связана с имеющимися пробелами в нормативной базе, регламентирующей выдачу СИТЕС. В связи со значимостью пробелов отдельных положений «Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере природопользования предоставления государственной услуги по выдаче разрешения на вывоз из Российской Федерации и ввоз в Российскую Федерацию видов дикой фауны и флоры, находящихся под угрозой исчезновения, их частей или дериватов, подпадающих под действие Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, от 3 марта 1973 г., кроме осетровых видов рыб и продукции из них, включая икру»² (далее Административный регламент Росприроднадзора) остановимся на порядке выдачи СИТЕС более подробно. Департамент Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (далее – Департамент) оказывает государственную услугу по выдаче разрешений СИТЕС на древесину определенных пород. При этом порядок выдачи разрешений СИТЕС следующий: изначально заявление на выдачу разрешений СИТЕС с необходимым пакетом документов поступает в канцелярию Департамента. Данные документы могут поступать непосредственно от заявителя, так и почтой или курьером; далее заявление регистрируется в канцелярии Департамента, ему присваивается входящий номер; затем передается в подразделение по надзору в сфере охоты, за особо охраняемыми природными территориями и разрешительной деятельности. Срок рас-

¹ Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, СИТЕС (англ. Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora, CITES) – международное правительственное соглашение, подписанное в результате резолюции Международного союза охраны природы (IUCN) в 1973 г. в Вашингтоне. Вступила в действие 1 июля 1975 г. Также известна как «Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой уничтожения». В соответствии с подпунктом «а» пункта 2 постановления Правительства Российской Федерации «О мерах по обеспечению выполнения обязательств Российской Федерации, вытекающих из Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, от 3 марта 1973 г., в отношении видов дикой фауны и флоры, находящихся под угрозой исчезновения, кроме осетровых видов рыб» от 04.05.2008 № 337 вывоз с территории Российской Федерации видов дикой фауны и флоры, находящихся под угрозой исчезновения, их частей или дериватов, подпадающих под действие Конвенции, допускается при наличии разрешения (сертификата – СИТЕС) Федеральной службы по надзору в сфере природопользования, определенной административным органом, обеспечивающим выполнение обязательств Российской Федерации.

² Об утверждении административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере природопользования предоставления государственной услуги по выдаче разрешения на вывоз из Российской Федерации и ввоз в Российскую Федерацию видов дикой фауны и флоры, находящихся под угрозой исчезновения, их частей или дериватов, подпадающих под действие Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, от 3 марта 1973 г., кроме осетровых видов рыб и продукции из них, включая икру: приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 297.

смотрения заявления не может превышать 30 суток. Исполнитель проверяет комплектность документов для выдачи разрешений СИТЕС, а именно наличие: заявления установленной формы, платежного поручения, контракта внешнеэкономической сделки, уставных документов, свидетельства о регистрации ЕГРЛ, устава организации, лесной декларации (договор аренды лесного участка), государственного контракта, договора купли-продажи. Если комплектность документов нарушена, в течение семи рабочих дней сотрудником отдела направляется запрос заявителю с перечнем недостающих документов и предложением о направлении в Департамент в установленные сроки (семь дней). По результатам рассмотрения заявки принимается решение о выдаче разрешения СИТЕС, либо отказе в выдаче разрешения.

Как видим, регламент указывает только процедурные моменты и не требует проверки законности и обоснованности документов. При строгом соблюдении процедуры практически любое лицо может получить разрешение. При этом Департамент не имеет права проверки документов, подтверждающих законность заготовки и владения древесиной. Например, при подаче документов на выдачу СИТЕС могут прикладываться государственные контракты и лесные декларации 2013–2014 гг. и более ранние, достоверность которых вызывает определенные сомнения, так как сроки хранения необработанной древесины весьма ограничены и приводят к утрате товарной ценности. Административный регламент Росприроднадзора не устанавливает давность заключенного госконтракта, подтверждающего законность заготовки и владения древесиной, что исключает возможность отказа со стороны Департамента в выдаче разрешения на экспорт древесины. Еще один пробел, используемый лицами, занимающимися незаконной деятельностью в сфере экспорта лесоматериалов, это завышение объема выхода древесины. Так, в прилагаемых к заявкам документах указывается завышенный объем выхода товарной древесины (более 80 %), хотя в справочнике для таксации лесов определенного региона средний объем получения товарной древесины, например, для дуба монгольского составляет 70,7 %, ясеня маньчжурского – 75,6 %¹. Заявители объясняют более высокий объем получения товарной древесины использованием современного оборудования и технологий.

Кроме этого, Департаментом был издан нормативный акт, способствующий совершению преступлений. Согласно Административному регламенту Росприроднадзора для получения СИТЕС, помимо прочих документов, должен быть представлен договор купли-продажи. Однако указание № ОД-02-03-31/22443 от 18.12.2015 – ВН 1055 Департамента Федеральной службы по надзору в сфере природопользования разрешает, помимо контракта, использовать договор комиссии, что позволяет лицам, осуществляющим незаконную деятельность в сфере оборота леса, подготавливать документы с использованием договора комиссии от лиц, которые ранее осуществляли сделки по продаже древесины. В 2018 г. в ходе проведения совместных оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками УФСБ по Приморскому краю и ЛО МВД России на ст. Уссурийск была пресечена деятельность группы лиц, занимающихся незаконным экспортом лесоматериалов. Данными лицами в результате указанных пробе-

¹ Данные приведены на примере среднего объема получения товарной древесины для дуба монгольского на основе Справочника для таксации лесов Дальнего Востока (г. Хабаровск, 1990), разработанного Дальневосточным научно-исследовательским институтом лесного хозяйства.

лов Административного регламента Росприроднадзора было совершено более 71 эпизода преступной деятельности с использованием подложных СИТЕС¹.

Еще одним пробелом данного регламента является отсутствие в нем требования о согласовании представленных документов с государственной информационной системой, в которой прописываются сделки хозяйствующих субъектов с древесиной и установленным законом перечнем изделий из нее – ЕГАИС Лес. В Административном регламенте Росприроднадзора нет запрета на выдачу СИТЕС в случаях, когда данные в представленных документах, подтверждающие законность заготовки и владения, не соответствуют сведениям информации в системе ЕГАИС Лес, а также данным, содержащимся в программно-технологическом комплексе «Госконтроль» Федеральной службы по надзору в сфере природопользования.

Несовершенство и недоработка системы ЕГАИС Лес, Административного регламента Росприроднадзора, порядка заполнения и подачи лесной декларации, а также отчетов об использовании лесов привели к созданию недобросовестными лесопользователями преступной схемы по легализации незаконно добытой древесины и лесопродукции с использованием возможностей системы ЕГАИС Лес.

Схема подразумевает под собой алгоритм действий по введению в заблуждение и предоставлению фиктивных данных в органы государственной власти, который состоит из следующих этапов: лесопользователем в соответствии с проектом освоения лесов подается в государственный орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации лесная декларация, содержащая данные о заготовке древесины, включенных в список Конвенции о международной торговле видами дикой флоры и фауны, находящимися под угрозой исчезновения; после чего, не производя заготовку древесины на лесосеках, лесопользователь подает в орган государственной власти субъекта Российской Федерации в области лесных отношений отчет об использовании лесов с указанием ложных сведений о заготовке древесины в соответствии с объемами, указанными в лесной декларации; при этом одновременно проводит по системе ЕГАИС Лес сделки по продаже древесины с подконтрольными лесозаготовительными организациями; после чего им комплектуется и подается в Департамент пакет заявок на получение СИТЕС для последующей отправки древесины за пределы границы Российской Федерации. Получив в Департаменте СИТЕС, злоумышленник продает разрешение заинтересованным лицам из числа теневых преступных лесопользователей для легализации ими незаконно заготовленной древесины по цене в среднем 40 долларов за 1 кубометр древесины [2]. Незаконно добытая древесина экспортируется за пределы границы Российской Федерации. В дальнейшем инициатор противоправной схемы получает в управлении Росгидромета по субъекту справку о неблагоприятных метеоусловиях в местах заготовки древесины на период действия лесной декларации и, пользуясь правами, предоставленными Лесным кодексом Российской Федерации, подает заявку в орган исполнительной власти субъекта на продление сроков действия лесной декларации и вывоза древесины. Получив разрешение на продление сроков, подает новую заявку в Департамент на получение разрешения СИТЕС. Получив его, арендатор экспортирует за пределы границы Российской Федерации древесину, заготовленную на лесосеке, на которую им была подана лесная декларация. В итоге гра-

¹ Уголовное дело № 11801009407000095 – 2019 г. // Электронный архив ЛО МВД России на ст. Уссурийск.

ницу Российской Федерации пересекают две разные партии древесины согласно предоставленным сведениям заготовленные на одной и той же лесосеке в объеме, превышающем разрешенный в два раза. Если орган исполнительной власти отказывает данному арендатору в продлении сроков действия лесной декларации, последний обращается в суд, который принимает сторону недобросовестного арендатора и обязывает орган государственной власти продлить срок действия лесной декларации для заготовки и вывозки древесины.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что основными факторами, способствующими совершению противоправных посягательств в сфере лесопользования, являются пробелы в законодательстве и несовершенство нормативно-правовых актов в сфере лесных отношений, позволяющих уходить от ответственности и применять новые преступные схемы в лесной сфере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бородуля Е. В. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, связанных с незаконным оборотом леса: по материалам Восточно-Сибирского региона дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2008. – 241 с.

2. Скачко А. В. Предупреждение контрабандных преступлений в России: актуальные направления оптимизации в современных условиях: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 213 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Borodulya E. V. Criminological characteristics and the prevention of crimes related to illegal forest circulation: based on materials from the East Siberian region dis. ... cand. legal sciences. – Volgograd, 2008. – 241 p.

2. Skachko A.V. The Prevention of Smuggling Crimes in Russia: Current Trends in Optimization under Modern Conditions: monograph. – M.: Yurlitinform, 2016. – 213 p.

УДК 343.98

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-178-187

Пимонов Борис Викторович

доцент кафедры организации расследования преступлений и судебных экспертиз Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России
кандидат юридических наук
E-Mail: bvpimonov@bk.ru

Pimonov Boris Viktorovich

Associated Professor of the Crime Investigation and Forensic Examinations of Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation
Candidate of Law
E-Mail: bvpimonov@bk.ru

«ПОЛЕВАЯ» ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

Введение: в статье затрагиваются вопросы о необходимости внедрения в деятельность органов внутренних дел России динамично развивающихся технологий в области сбора, хранения, обработки, предоставления информации в цифровом (электронном) виде, обеспечивающих в том числе и «полевую» идентификацию человека.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составили уголовно-процессуальное законодательство, локальные нормативные акты, регламентирующие порядок проведения идентификации человека, научные исследования в области технико-криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов.

Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: в рамках научных положений «полевой криминалистики» в статье детализируется понятие «полевой» идентификации человека. Рассматриваются вопросы возможности повышения эффективности технико-криминалистического обеспечения идентификации человека вне лабораторных условий. Приводятся примеры технических комплексов, позволяющих установить личность человека по биометрическим данным в режиме реального времени.

Выводы и заключения: анализ состояния технико-криминалистического обеспечения «полевой» идентификации человека позволил выявить ряд существенных проблем. Их устранению может способствовать научное исследование положений криминалистического обеспечения «полевой криминалистики».

Ключевые слова: «полевая» идентификация, биометрическая идентификация, идентификация в режиме реального времени, технико-криминалистические средства, цифровые технологии, дактилоскопия, габитоскопия.

«FIELDWORK» IDENTIFICATION OF A PERSON

Introduction: Against the background of dynamically developing technologies in the field of collecting, storing, processing, providing information in digital (electronic) form, reducing the overall size of facilities, that provide these processes, the article touches on the need for their implementation in the activities of the internal Affairs bodies of Russia. Including "fieldwork" identification of a person.

Materials and Methods: the normative basis of the study is made up of criminal procedure legislation, local regulations governing the procedure for conducting human identification, scientific research in the field of technical-criminalistics support of law enforcement agencies.

The methodological basis of the study is the general dialectical method of scientific cognition, which is universal in nature, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, synthesis and description.

Results of the Study: within the framework of the scientific provisions of "field criminalistics", the article elaborates the concept of "fieldwork" identification of a person, considers the possibility of improving the technical-criminalistics support of human identification outside of laboratory conditions. Examples of technical complexes that allow to establish a person's identity using biometric data in real time are given.

Findings and Conclusions: the analysis of the state of technical-criminalistics support for "fieldwork" identification of a person has revealed a number of significant problems. Their elimination can be facilitated by scientific research of the provisions of criminalistic support for "fieldwork criminalistics".

Key words: "fieldwork" identification, biometric identification, identification in real-time, technical-criminalistics tools, digital technology, dactyloscopy, gabitoskopiya.

Одной из главных задач криминалистики является эффективное технико-криминалистическое обеспечение работы с материальными следами на месте происшествия. Её решению на всем протяжении эволюции криминалистических знаний были посвящены усилия многих учёных [1], в результате которых на современном этапе развития науки и техники мы можем констатировать, что являемся очевидцами происходящей революции в идентификации объектов материального мира, в том числе «полевой» идентификации человека. Данный термин используется нами как неотъемлемая часть предложенного в конце прошлого века Р.С. Белкиным научного понятия – «полевая криминалистика», под которой им подразумевались «...те технико-криминалистические средства и методы работы с доказательствами, которые используются или могут быть использованы не в кабинете следователя или в лаборатории эксперта, а непосредственно в “полевых” условиях – на месте происшествия при его осмотре или при производстве на этом месте иных следственных действий или исследовательских экспертных операций» [2, с. 6].

Обозначив понятие, Р.С. Белкин фактически объединил процесс эволюционирования технико-криминалистического обеспечения борьбы с противоправными деяниями, начиная с момента, вероятно, первого применения на месте происшествия увеличительного стекла, дальнейшей разработки специальных криминалистических порошков, следокопировальных пленок, слепочных масс, адаптации средств, заимствованных из иных наук для работы в «полевых» условиях, до комплектования следственно-оперативных групп универсальными наборами технико-криминалистических средств, современные аналоги которых в настоящее время стоят на вооружении в органах внутренних дел России (например, унифицированный криминалистический чемодан для осмотра места происшествия “Криминалист”, унифицированный чемодан “Следователь”, унифицированный чемодан эксперта-автотехника “Автотехэксперт” и др.).

Дальнейшее изучение проблем «полевой криминалистики» нашло свое отражение в исследованиях Г.К. Лобачевой [3], С.В. Маликова [4], И.С. Чижикова [5] и других ученых. Объединяет все исследования общая задача – эффективное технико-криминалистическое обеспечение деятельности сотрудников правоохранительных органов по обнаружению, фиксации, изъятию, исследованию материальных следов на месте происшествия.

В рамках теоретического развития положений «полевой криминалистики» имелись суждения о необходимости создания передвижных криминалистических лабораторий на базе различных грузовых автомобилей и автобусов. Примеры реализации теоретических изысканий в практике приводил в своей работе и Р.С. Белкин, отмечая, что в комплектовании данных лабораторий важное значение имеет принцип отбора соответствующих средств, обозначив три принципа, которыми следует оперировать: универсализм, специализация, принцип смешанного комплектования. Описывая задачи, стоящие перед передвижными криминалистическими лабораториями, Р.С. Белкин, отмечал, что они должны укомплектовываться в максимальном варианте для обеспечения не только следователя и специалиста, но и реализации возможности производства экспертиз непосредственно на месте происшествия [2, с. 9–11].

Аналогичной позиции придерживались и иные исследователи проблем «полевой криминалистики», в том числе и М.В. Афоненков, который предложил передвижные криминалистические лаборатории подразделять на «разъездные» мобильные и центральные. Интересным, хотя и не бесспорным, было предложение оснастить центральные передвижные криминалистические лаборатории конструктивно-специализированным кунгом, который бы позволил разместить в нем технико-криминалистические средства, обеспечивающие проведение практически всех видов традиционных криминалистических экспертиз в полевых условиях [6, с. 172]. По сути, как нам представляется, превратив центральные передвижные криминалистические лаборатории в некоего рода склад материально-технического снабжения, укомплектованного максимальным количеством технико-криминалистических средств. Однако, считаем, что с большой долей вероятности значительная их часть в зависимости от складывающейся ситуации либо не будет востребована вовсе, либо произойдет их устаревание: истечет срок годности их применения или с учетом динамики развития науки и техники в деятельность органов внутренних дел будут внедрены более эффективные средства.

Думаем, что следующий этап развития концепции «полевой криминалистики» должен заключаться во внедрении цифровых технологий в технико-криминалистическое обеспечение деятельности правоохранительных органов России, в том числе и в «полевую» идентификацию человека.

Здесь следует кратко остановиться на термине, обозначенном в заглавии статьи. Мы уже отмечали, что рассматриваем его в рамках предложенного Р.С. Белкиным понятия «полевая криминалистика», которая решает такие основные задачи, как поиск объектов, имеющих доказательственное значение, исследование обстановки того или иного места и запечатление обнаруженного [2, с. 12]. С учетом задач, стоящих перед правоохранительными органами в оперативном получении информации об исследуемых объектах, а также современных возможностей цифровых технологий, считаем, что их перечень можно дополнить предварительным установлением тождества между цифровыми отображениями идентифицируемого и идентифицирующего объектов вне лабораторных условий, т. е. осуществлением «полевой» идентификации в месте производства процессуальных мероприятий.

Что следует понимать под термином идентификация? За основу возьмем определение данное, например, в учебнике по криминалистике под редакцией Л.Я. Драпкина: «Криминалистическая идентификация – это процесс сравнительного исследования свойств (признаков) объектов, отображенных в следах и в сравнительных материалах с целью установления их тождества по совокупности общих и частных признаков для последующего установления единичного объекта и его связей с расследуемым событием и участвующими в нем лицами» [7, с. 38].

Исходя из сказанного, «полевую» идентификацию человека возможно определить как деятельность уполномоченного лица в особых условиях, в рамках которой применяются эффективные технико-криминалистические средства и методы по установлению в режиме реального времени тождества по совокупности общих и частных признаков, отображенных в следах и в сравнительных материалах, образованных человеком.

Учитывая действующее российское законодательство, под уполномоченным лицом мы подразумеваем должностное лицо, наделенное правом производства следственного действия: следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник подразделения дознания, сотрудник органа дознания (далее – следователь). Кроме того, в качестве уполномоченного лица может выступать иное лицо, по должности не являющееся следователем, однако в сложившейся ситуации обязанное идентифицировать человека. В качестве таковых возможно отметить сотрудников дежурной части органа внутренних дел, патрульно-постовой или дорожно-патрульной службы, оперативных или участковых уполномоченных полиции. Специалист-криминалист рассматривается в данном аспекте как лицо, способствующее следователю по применению технико-криминалистических средств.

Под особыми условиями деятельности в рамках данной статьи мы предлагаем подразумевать такие обстоятельства, при которых у обозначенных выше уполномоченных лиц нет возможности организации незамедлительного производства идентификации человека с применением утвержденных экспертных методик лабораторного исследования.

В качестве примера идентификации человека в особых условиях возможно привести его идентификацию по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени с применением электронного бесцветного дактилоскопического сканера, порядок которой определяется приказом МВД России от 19 июня 2018 г. № 384¹.

В рамках реализации поставленных данным приказом задач «полевая» идентификация человека по отпечаткам пальцев рук в режиме реального времени может найти свое широкое применение, например, в установлении биографических данных участников дорожного движения, лиц, привлекаемых к производству следственных действий, задержанных за административное правонарушение или преступление. Кроме того, возможна идентификация человека не способного по состоянию здоровья или возрасту сообщить данные о себе.

Оперативная проверка человека по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени с использованием бесцветного дактилоскопического сканера «ДС-45», стоящего на вооружении в органах внутренних дел России, с локальным банком данных дактилоскопической информации, составляющей более 30 тыс. записей, занимает не более 3 секунд (безусловно, данный показатель достаточно условный и напрямую зависит от технических характеристик системы обработки цифровой информации).

Ключевым положительным эффектом от внедрения данной процедуры в деятельность органов внутренних дел является возможность не в лабораторных условиях в автоматическом режиме без привлечения специалиста узкого профиля и относительно быстро получить на месте производства процессуальных действий биографические данные человека.

Дальнейшая автоматизация процесса идентификации человека распространилась и на работу следователя со следами пальцев (ладоней) рук, обнаруженных на месте происшествия. Так, создаваемые различными странами для решения данных задач аппаратно-программные комплексы в широком ассортименте были представлены на международном московском салоне образования в 2018 г. В качестве примера отечественного аппаратно-программного комплекса, позволяющего на месте происшествия осуществить идентификацию человека по следам пальцев (ладоней) рук, можно отметить мобильный комплект «ПАПИЛОН-ЛАТОП», применение которого позволяет:

1) с использованием различных режимов освещения произвести качественную цифровую фотосъемку:

- поверхностных и объёмных следов рук, обнаруженных на объектах;
- следов со светлых и тёмных дактилоскопических плёнок, на которые было осуществлено перекопирование следов;
- следов, люминесцирующих в ультрафиолетовом излучении;

¹ Об утверждении порядка проведения идентификации личности человека по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени и перечня категорий лиц, в отношении которых обязательная государственная дактилоскопическая регистрация не проводится в случае идентификации их личности в результате проверки по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени: приказ МВД России от 19 июня 2018 г. № 384 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru 9 авг. 2018 г.

2) осуществить мгновенную беспроводную передачу цифровых отображений следов пальцев рук и ладоней на проверку в автоматизированную дактилоскопическую информационную систему;

3) получить результаты проверки по банку данных дактилоскопической информации¹.

По результатам проведенных на кафедре организации расследования преступлений и судебных экспертиз Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России (далее – кафедра) исследований технических возможностей «ПАПИЛОН-ЛАТОП» установлено, что проверка занимает не более 10 минут², в правоохранительной практике это может существенно повысить как общую вероятность раскрытия преступления, так и вероятность его раскрытия «по горячим следам». Обучающимися³ осуществлялись действия по обнаружению следа, его фотофиксации, созданию удаленного запроса на проверку по банку данных дактилоскопической информации, с последующим принятием, обработкой и отправкой результата идентификации инициатора проверки.

Использование указанного аппаратно-программного комплекса в процессе реализации кафедрой различных дополнительных профессиональных программ и основных программ профессионального обучения позволило существенно повысить заинтересованность обучающихся в получении полноценных знаний о современном технико-криминалистическом обеспечении деятельности органов внутренних дел России, в том числе и особенностях работы с уже принятыми на вооружение технико-криминалистическими средствами.

К еще одному направлению развития «полевой» идентификации человека считаем возможным отнести внедрение цифровых технологий в технико-криминалистическое обеспечение криминалистической габитоскопии. Так, например, совершенствование составления субъективных портретов разыскиваемых лиц, пройдя путь от рисованных словесных субъективных портретов, формирования внешнего облика человека композиционно-рисованным и композиционно-фотографическим методами, в настоящее время позволило посредством 3D-моделирования создать объемный образ человека.

В качестве примера отечественного программного обеспечения, позволяющего осуществлять 3D-моделирование внешнего облика человека, можно отметить сетевой программно-технический комплекс, включающий компьютерную программу составления субъективных портретов «KLIM 3D», систему учета и идентификации фотоизображений и субъективных портретов лиц «ПОЛИФЕЙС»⁴.

¹ «Папилон». URL: <http://www.papillon.ru/rus/230> (дата обращения 30.04.2020).

² Использовалось программное обеспечение АДИС «Папилон» версии 8.3.9 с локальным банком данных дактилоскопической информации, составляющей более 30 тыс. записей.

³ В проводимых экспериментах приняли участие более 600 обучающихся института по дополнительным профессиональным программам повышения квалификации и основным программам профессионального обучения профессиональной подготовки лиц среднего и старшего начальствующего состава, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, по должности служащего «Полицейский».

⁴ Папилон: URL: <http://www.papillon.ru/rus/284> (дата обращения 30.04.2020).

Так, программное средство «КЛИМ 3D» дает возможность в режиме «живого» моделирования трёхмерного изображения базовой модели создать объемный образ головы человека с учётом всех основных объективных факторов уникальности его внешнего облика, обеспечить реалистичную визуализацию мысленного образа разыскиваемого лица, сформированного в памяти очевидца преступления. Полученный результат трехмерной модели субъективного портрета разыскиваемого лица можно доработать во встроенном графическом редакторе в 2D-режиме с последующим направлением на автоматическую кодировку и проверку по банку данных фотографических изображений лиц системы «ПОЛИФЕЙС».

Помимо идентификации лиц по их отображениям и предоставления «рекомендательного списка» данное программное обеспечение дополнительно позволяет:

- создавать в банке данных неограниченное количество записей отображений лиц;
- фиксировать изображение особых примет;
- формировать обширные текстовые данные о лице: демографические данные регистрируемого лица для «объект-карты», сопроводительную информацию для фотоследа;
- составлять словесное описание внешности человека с применением встроенного специального справочника-гlossария;
- сохранять изображения образцов и описание почерка человека.

Учитывая широкий инструментарий, предлагаемый данным программным обеспечением, а также осуществление идентификации лиц автоматически в режиме реального времени с формированием «рекомендательного списка», считаем, что оно может существенно повысить вероятность раскрытия преступления «по горячим следам» и оптимизировать служебную деятельность по охране общественного порядка, в том числе в местах массового скопления людей (аэропорты, железнодорожные, речные и автобусные вокзалы, метрополитены, спортивные стадионы, и т.д.), а также интегрировано в аппаратно-программный комплекс «Безопасный город», концепция построения и развития которого определена распоряжением Правительства Российской Федерации¹. Необходимо отметить, что внедрение указанного программного обеспечения в деятельность органов внутренних дел ряда регионов страны позволило оптимизировать процесс ведения криминалистического учета субъективных портретов разыскиваемых лиц, регламентированного приказом МВД России № 70 от 14 апреля 2006 г.²

Развитие технологий в области сбора, хранения, обработки, предоставления информации в цифровом (электронном) виде, уменьшение габаритных размеров средств, обеспечивающих данные процессы, позволило существенно расширить и ряд технико-криминалистического обеспечения. Повысить мобильность и оперативность

¹ Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 03.12.2014 № 2446-р; ред. от 05.04.2019 № 635-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru 9 апр. 2019 г.

² Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 10 февр. 2006 г. № 70; ред. от 11.09.2018 № 585 (Документ официально не опубликован).

обработки информации. Так, например, мобильный биометрический терминал «ПАПИЛОН ДиПП-7», имея габаритные размеры 80x45x180 миллиметров, позволил объединить в себе ряд востребованных в правоохранительной практике функций. Кратко обозначим некоторые из них:

1. Осуществлять оперативные проверки человека по отпечаткам пальцев рук в режиме реального времени по собственному (локальному) либо удаленному банку данных дактилоскопической информации, для достижения чего устройство позволяет:

- проводить бесцветное дактилоскопическое сканирование отпечатков пальцев рук;

- осуществлять фотосъемку внешности человека и особых примет;

- записывать демографические данные о проверяемом лице;

- передавать полученную информацию по беспроводным сетям связи.

2. Проверять предъявляемые человеком документы, в том числе на их подлинность путем считывания информации с:

- визуальной зоны паспорта гражданина Российской Федерации;

- чипа контактной смарт-карты;

- MRZ-строки (от англ. machine-readable zone – машино-читаемая зона) документа любой страны мира;

- бесконтактного чипа электронного документа.

3. Проводить оперативные проверки по получаемому со встроенной фотокамеры изображению лица с кодировкой и автоматической идентификацией человека с использованием платформы «ПОЛИФЕЙС»¹. При этом следователь получит всю информацию из всех дактилоскопических карт, составленных на проверяемое лицо.

По результатам проведенных на кафедре экспериментальных исследований возможностей «ПАПИЛОН ДиПП-7» установлено, что проверка по фотоизображению лица занимает не более 20 секунд². Считаем, что в случае принятия его на вооружение в органах внутренних дел России возможно повысить эффективность осуществления «полевой» идентификации человека.

Описанные в статье возможности в области технико-криминалистического обеспечения «полевой» идентификации человека не свидетельствуют об отсутствии проблем в данной сфере. Так, анализируя вопросы, относящиеся к «полевой криминалистике», Р.С. Белкин обозначил ряд проблем, анализ и решение которых вызывало значительный интерес как в научном, так и практическом планах. В качестве таковых он выделял, например, проблемы технического и организационного характера [2, с. 7], которые во многом до сегодняшнего дня не решены.

Кроме того, перманентное развитие цифровых технологий по увеличению их функциональности, количества обрабатываемой информации в единицу времени с одновременным уменьшением размеров, позволяющих обеспечить их мобильность, обусловили возникновение новых проблем. К ним, в частности, можно отнести такие как:

¹ Папилон: URL: <http://www.papillon.ru/rus/286> (дата обращения 30.04.2020).

² В исследовании использовалось программное обеспечение «Полифейс» версии 3.0.

- обеспечение учебно-методического сопровождения применения «полевых» технико-криминалистических средств;
- обеспечение безопасного обмена информацией между «полевыми» технико-криминалистическими средствами;
- обеспечение безопасного доступа «полевых» технико-криминалистических средств к ведомственным центральным интегрированным информационно-поисковым системам.

Реализация учебно-методического обеспечения «полевой» идентификации позволит актуализировать и детализировать знания сотрудников правоохранительных органов не только в рамках общих вопросов предварительного расследования преступлений, но и повысить их квалификацию по выбору и применению технико-криминалистических средств, исходя из первичной информации о способе и предмете преступного посягательства. В качестве положительного примера можно привести результаты реализации в ТИПК МВД России дополнительной программы повышения квалификации сотрудников органов предварительного расследования по направлению профессионально-служебной деятельности «Организационно-тактические особенности осмотра места происшествия и обыска», по результатам освоения которой 96 % обучающихся отмечают интерес к правовым основаниям и порядку применения современных технико-криминалистических средств при производстве следственных действий.

Безусловно, указанные направления (проблемы) «полевой» идентификации человека в частности, и «полевой криминалистики» в общем постепенно находят свое решение, но всестороннему их внедрению, считаем, будет способствовать дальнейшее научное исследование таких элементов криминалистического обеспечения «полевой криминалистики», как научное, учебно-методическое, кадровое, организационное, технико-криминалистическое.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Лобачева Г.К., Павличенко Н.В., Курин А.А.[и др.]. Портативный малогабаритный многофункциональный осветитель. Патент на полезную модель RU 143416 U1, 20.07.2014. Заявка № 2014109656/07 от 12.03.2014; Шумский И.П., Рогожинский Ю.А., Клец А.А. Прибор экспертный для контроля подлинности акцизных и специальных марок, защищенных бумаг и документов. Патент на изобретение RU 2396600 C2, 10.08.2010. Заявка № 2007138923/09 от 22.10.2007; Прокофьева Е.В. Наноструктурированные материалы и средства обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 2. – С. 203–209 и др.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: В 3 т. – М., 1997. – Т. 3. – 464 с.
3. Лобачева Г.К. Инновационные технические средства – возможности использования для криминалистических исследований // Алтайский юридический вестник. – 2019. – № 1 (25). – С. 108–114.
4. Маликов С.В. Концепция военно-полевой криминалистики // Вестник Владимирского юридического института. – 2010. – № 2 (15). – С. 118–125.

5. Чижиков И.С. Проблемы полевой криминалистики: дис. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2004. – 184 с.
6. Афоненков М.В. Актуальные проблемы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений в районах вооруженного конфликта // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 6. – С. 170–173.
7. Криминалистика: В 3 ч.: учебник для вузов / под ред. Л.Я. Драпкина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2017. – Ч. 1. – 246 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Sm.: Lobacheva G.K., Pavlichenko N.V., Kurin A.A., Prokof'eva E.V., Veselin V.V., Dronova O.B., Barykov V.Yu., Prokof'eva O.Yu. Portativnyj malogabaratnyj mnogo-funktional'nyj osvetitel'. Patent na poleznuyu model' RU 143416 U1, 20.07.2014. Zayavka № 2014109656/07 ot 12.03.2014; Shumskij I.P., Rogozhinskij Yu.A., Klec A.A. Pribor ekspertnyj dlya kontrolya podlinnosti akciznyh i special'nyh marok, zashchishchennyh bumag i dokumentov. Patent na izobrenie RU 2396600 C2, 10.08.2010. Zayavka № 2007138923/09 ot 22.10.2007; Prokof'eva E.V. Nanostrukturirovannye materialy i sredstva obespecheniya raskrytiya, rassledovaniya i preduprezhdeniya prestuplenij // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2016. – № 2. – P. 203–209 i dr.
2. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki: v 3 t. M., 1997. T. 3. 464 s.
3. Lobacheva G.K. Innovacionnye tekhnicheskie sredstva – vozmozhnosti ispol'zovaniya dlya kriminalisticheskikh issledovanij // Altajskij yuridicheskij vestnik. – 2019. – № 1 (25). – P. 108–114.
4. Malikov S.V. Konceptiya voenno-polevoj kriminalistiki // Vestnik Vladimirsogo yuridicheskogo instituta. – 2010. – № 2 (15). – P. 118–125.
5. Chizhikov I.S. Problemy polevoj kriminalistiki: dis. ... kand. yurid. nauk. – Vladivostok, 2004. – 184 p.
6. Afonenkov M.V. Aktual'nye problemy tekhniko-kriminalisticheskogo obespecheniya raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij v rajonah vooruzhennogo konflikta // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2013. – № 6. – P. 170–173.
7. Kriminalistika. V. 3: uchebnik dlya vuzov / pod red. L.Ya. Drapkina. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Yurajt, 2017. Ch. 1. – 246 p.

УДК 343.98

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-188-198

Чернявская Мария Станиславовна
аспирант Московского государственного
юридического университета
им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: mariach96@mail.ru

Chernyavskaya Maria Stanislavovna
Postgraduate of Moscow State Law Univer-
sity named after O. Kutafin (MSLA)
E-mail: mariach96@mail.ru

РОЛЬ РУКОВОДИТЕЛЯ В УПРАВЛЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НЕГОСУДАРСТВЕННОЙ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Введение: в статье рассмотрены различные аспекты деятельности руководителя негосударственной судебно-экспертной организации. На данный момент требования к руководителю, его права и обязанности не закреплены законодательно. Однако можно исходить из правового статуса руководителя государственного судебно-экспертного учреждения. При этом важным вопросом является определение компетентности лица для занятия должности руководителя, в связи с чем рассмотрена возможность создания профессионального стандарта для руководителя судебно-экспертной организации.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, законодательство и международные, а также национальные стандарты в области судебно-экспертной деятельности. Методологической основой послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: сформулированы требования к руководителю судебно-экспертной организации, его права и обязанности, в том числе в виде предложений к профессиональному стандарту. Уточнены дискуссионные подходы к рекламированию негосударственных судебно-экспертных организаций.

Выводы и заключения: необходимо законодательное закрепление требований к руководителю судебно-экспертной организации, его прав и обязанностей с учетом требований международных стандартов в области судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: негосударственные судебно-экспертные организации, руководитель, требования, права, обязанности, профессиональный стандарт, реклама.

THE ROLE OF A HEAD IN THE MANAGEMENT OF NONGOVERNMENTAL FORENSIC ORGANIZATIONS

Introduction: the article discusses various aspects of activities of the head of a non-governmental forensic science organization. At the moment, the requirements for the heads, their rights and obligations are not fixed by law. However, we can proceed from the legal status of the head of a state forensic science institution. At the same time, an important issue is determining the competence of the head of forensic science organization, and for resolve this issue we considered the possibility of creating a professional standard for the head of a forensic organization.

Materials and Methods: the regulatory framework of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, legislation and international and national standards in the field of forensic science. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific cognition, which is universal in nature, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, synthesis and description.

Results of the Study: allowed to formulate requirements to the heads of the forensic science organization, their rights and obligations, including in the form of proposals for the professional standard, and to clarify discussion approaches to advertising non-governmental forensic organizations.

Summary and Conclusion: it is necessary to legislate the requirements for the heads of a forensic science organization, their rights and obligations, taking into account the requirements of international standards in the field of forensic science activity.

Key words: non-governmental forensic science organization, head, requirement, right, obligation, professional standard, advertising.

Роль руководителя в деятельности судебно-экспертной организации (далее – СЭО), несмотря на автоматизацию и цифровизацию производства, трудно переоценить [7, с.102]. Руководитель является лицом, представляющим СЭО перед другими участниками судебного процесса. Компетентный руководитель может проконсультировать субъектов назначения судебной экспертизы, что поможет избежать ошибок в ходе осуществления данного процессуального действия. Например, в ходе производства по делу у суда возникли сомнения по поводу заключений, подготовленных в государственном судебно-экспертном учреждении (далее – ГСЭУ)¹. Эксперт ГСЭУ не смог сделать категорический вывод, что не удовлетворило суд. В связи с этим была назначена повторная почерковедческая экспертиза. Эксперт негосударственной СЭО сделал категорический вывод, объяснив его тем, что в ходе рассмотрения дела был получен оригинал оспариваемого договора. В данном случае важно отметить, что назначение

¹ Решение Ленинского районного суда № 2-1711/2019 2-7/2020 2-7/2020(2-1711/2019;)-М-1461/2019 М-1461/2019 от 28 февр. 2020 г. по делу № 2-1711/2019. URL: https://maglen--chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=f2dded79-7aec-4718-bf62-8ad6fef7ce65&_deloId=1540005&_caseType=&_new=0&_doc=1&srv_num=1 (дата обращения 12.09.2020).

повторной экспертизы является ошибочным, так как негосударственному СЭО был передан оригинал документа, который до этого в принципе не исследовался, повторная экспертиза назначается по тем же объектам и по тем же вопросам. В этой ситуации наиболее целесообразно было назначить новую экспертизу. На это мог бы указать руководитель СЭО, принимая производство судебной экспертизы. Однако этого сделано не было, в связи с чем возникает вопрос о его компетентности или правильности организации структуры СЭО.

На данный момент требования к руководителю негосударственных СЭО не определены законодательно. Однако в федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности» (далее ФЗ ГСЭД) указаны требования к руководителю ГСЭУ¹. Кроме того, в проекте федерального закона «О судебно-экспертной деятельности» (далее ФЗ СЭД) дано понятие руководителя СЭО, под которым понимается директор или начальник (заведующий) государственной судебно-экспертной организации (подразделения), руководитель негосударственной судебно-экспертной организации². Представляется, что такое определение не раскрывает требования к руководителю негосударственного СЭО, так как порядок его назначения на должность отличается от государственного. Руководитель негосударственной СЭО – это лицо, назначенное на руководящую должность в соответствии с ФЗ «О некоммерческих организациях». Также указывается, что руководителем может быть гражданин РФ, имеющий высшее профессиональное образование и прошедший профессиональное обучение в области судебной экспертизы, а также являющийся дееспособным и не имеющий неснятой или непогашенной судимости. Данные требования выдвигаются исходя из обязанностей руководителя.

Права и обязанности руководителя СЭО, указанные в проекте ФЗ СЭД, в целом соответствуют правам и обязанностям руководителя государственного СЭУ из действующего ФЗ ГСЭД за некоторыми исключениями. Так, в проекте ФЗ СЭД дополнительно указано, что руководитель не вправе сообщать кому-либо о результатах судебной экспертизы за исключением органа или лица, ее назначившего. В права руководителя, с одной стороны, добавлено право ходатайствовать перед органом или лицом, назначившим судебную экспертизу, о привлечении граждан иностранных государств, обладающих специальными знаниями. С другой стороны, убрано право требовать в определенных случаях возмещения расходов (ч. 5 ст. 15). С учетом того, что такими случаями являются различного рода компенсации, понесенные не по вине СЭО в связи с производством судебной экспертизы, представляется, что данное право должно быть оставлено.

На основании прав и обязанностей руководителя можно выделить его функции:

- организация взаимодействия с другими участниками процесса;
- консультации по вопросам назначения и производства;

¹ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (принят ГД ФС РФ 05.04.2001 г.) // Консультант-Плюс.

² Текст законопроекта № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6#bh_histras (дата обращения 12.09.2020 г.)

- разъяснение прав и обязанностей, предупреждение об ответственности;
- контроль качества экспертиз с точки зрения соблюдения всех законодательных требований, т.е. без нарушения принципа независимости эксперта.

Исходя из этого, руководитель должен в первую очередь разбираться в правовых аспектах процесса назначения и производства судебных экспертиз. Следовательно, первостепенным является наличие у руководителя соответствующих юридических знаний. Однако в таком случае требования становятся сложнее, так как необходимо определить юридическую специальность и то, каким образом она подтверждается. Исходя из предложенного порядка в проекте ФЗ СЭД можно предусмотреть сдачу экзамена по судебной экспертологии без подтверждения компетенции в рамках отдельной экспертной специальности. При этом можно считать достаточным наличие юридического образования, если в ходе его получения лицом были выполнены научно-исследовательские работы по темам в области судебно-экспертной деятельности.

При определении функций руководителя СЭО не следует забывать и о действующих стандартах в области судебно-экспертной деятельности. В первую очередь следует отметить принятие ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025-2000 «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий». Данный документ последовательно заменялся на ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025-2006 и ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025-2009, а с 1 сентября 2019 г. действует ГОСТ ISO/IEC 17025-2019¹.

В соответствии с данным стандартом лаборатория должна определить руководство, которое несет полную ответственность за нее. При этом стандарте указан ряд обязанностей, которые закреплено непосредственно за руководством. Так, руководство лаборатории должно принять обязательства по беспристрастности. Беспристрастность представляет собой обеспечение реализации принципа объективности за счет отсутствия конфликтов интересов, или их решения таким образом, чтобы это не оказывало негативного влияния на последующую деятельность лаборатории.

Другим требованием является конфиденциальность. Лаборатория должна на основе юридически значимых обязательств нести ответственность за управление всей информацией, поступившей извне или полученной в процессе выполнения лабораторной деятельности. Это требование соотносится с тем, что руководство должно довести до каждого сотрудника его обязанности, ответственность и полномочия. Кроме того, именно руководитель, как лицо, разъясняющее права и обязанности, а также предупреждающее об ответственности, указывает на необходимость сохранения сведений эксперту или экспертам, которым поручено производство судебной экспертизы. И именно руководитель передает имеющиеся у него сведения остальным работникам СЭО. Таким образом, руководитель является тем лицом, которое первым в СЭО получает информацию о предстоящей судебной экспертизе или, во всяком случае, является лицом, получающим ее наиболее подробно. При этом руководитель может указать на невозможность проведения судебной экспертизы, т.е. он может остаться единственным лицом, получившим какие-либо сведения, в том числе и материалы дела. Требования о соблюдении конфиденциальности в первую очередь относятся к руководителю СЭО.

¹ГОСТ ISO/IEC 17025-2019. Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий. М., 2019.

Также стандартом предусмотрено наличие системы менеджмента, которая нацелена на поддержание должного уровня лаборатории. Одним из требований к системе менеджмента является анализ со стороны руководства. Анализ должен учитывать:

- 1) изменения в деятельности лаборатории (например, проведение корректирующих действий, изменение объема и вида работ, объема имеющихся ресурсов и др.);
- 2) итоги и результаты осуществляемой деятельности (достижение целей, обеспечение достоверности результатов, результативность улучшений идентификации рисков);
- 3) пригодность установленной политики и процедур.

По результатам данного анализа руководитель принимает меры, относящиеся к:

- результативности системы менеджмента и ее процессов;
- улучшению деятельности лаборатории, относящейся к выполнению требований настоящего стандарта;
- предоставлению необходимых ресурсов;
- любой необходимости изменений.

Представляется возможным распространить данные обязанности и требования руководителя лаборатории на руководителя СЭО. Во-первых, лаборатория может сама являться СЭО или ее структурным подразделением. Во-вторых, данный стандарт был принят в рамках деятельности Технического комитета по стандартизации 134, созданного в соответствии с приказом Росстандарта от 13 мая 2015 г. № 561. На данный момент действует приказ Росстандарта от 19 мая 2017 г. № 1026 об организации деятельности технического комитета по стандартизации «Судебная экспертиза». Таким образом, стандарт имеет отношение к судебно-экспертной деятельности в целом, следовательно, и к руководителю СЭО.

Исходя из всех вышеперечисленных обязанностей, не следует, что руководитель должен быть экспертом, потому что тогда было бы логично требовать, чтобы он имел компетенции по всем экспертным специальностям, которыми обладают его штатные эксперты, а это не представляется возможным. Однако руководитель должен, во-первых, так организовать внутреннюю структуру СЭО, чтобы у него был контакт с экспертами, осуществляющими руководство отделом по производству определенного рода (вида) экспертиз. Они могут предоставлять руководителю СЭО необходимую информацию. Руководителю СЭО также надлежит организовывать взаимодействие с правоохранительными органами и судом. Именно руководитель при назначении экспертизы должен указать на необходимость проведения комплексной или комиссионной экспертизы, обеспечить надлежащую передачу объектов и материалов дела. Таким образом, руководитель должен иметь представление о тех родах (видах) экспертиз, которые проводятся в СЭО, а также процессуальных аспектах, связанных с применением специальных знаний в судопроизводстве, наличие же экспертной специальности у руководителя необязательно.

При определении возможности лицом занимать должность руководителя необходимо руководствоваться его компетентностью в части выполнения самих функций, а не наличием образования как такового, так как отдельной специальности, позволяющей осуществить подготовку кадров для данной должности, не существует. В связи с этим представляется целесообразным создать профессиональный стандарт для должности руководителя судебно-экспертной организации.

При разработке стандарта нужно учитывать тот факт, что руководитель направляет деятельность всего СЭО, в том числе гарантирует компетентность сотрудников и качество производимых экспертиз. В связи с этим он является гарантом соблюдения принципов судебно-экспертной деятельности [8, с. 71]. Для разработки профессионального стандарта в первую очередь необходимо определить основную цель профессиональной деятельности, трудовые функции руководителя СЭО и его действия в рамках их осуществления.

Основная цель – руководство деятельностью СЭО.

Обобщенная трудовая функция – организация, в том числе через заместителей, управления деятельностью СЭО в различных ее аспектах в соответствии с принципами судебно-экспертной деятельности.

Трудовые функции:

1. Административно-хозяйственное обеспечение деятельности СЭО:

- определение структуры СЭО;
- распределение полномочий;
- обеспечение заключения трудовых договоров с персоналом;
- обеспечение заключения договоров гражданско-правового характера с поставщиками;
- обеспечение ведения бухгалтерского учета;
- обеспечение материально-технических условий для осуществления деятельности СЭО.

2. Руководство процессом производства судебных экспертиз, а также проведения иных исследований с использованием специальных знаний в процессуальных и не процессуальных формах для целей установления истины и содействия правосудию

Трудовые действия:

- разъяснение прав и обязанностей, а также ответственности лицу, которому поручено производство судебной экспертизы;
- разъяснение прав и обязанностей, а также ответственности лицу, которое привлекается в качестве специалиста;
- консультирование работников по вопросам судебно-экспертной деятельности без нарушения принципа независимости судебного эксперта, т.е. без оказания давления;
- организация производства комиссионных экспертиз;
- организация производства комплексных экспертиз;
- организация производства комплекса экспертиз;
- обеспечение проверки качества производимых исследований в соответствии с принятыми стандартами в области судебно-экспертной деятельности.

3. Взаимодействие с другими участниками судебного процесса, лицами, обращающимися для проведения исследований в рамках судебно-экспертной деятельности:

- ответ на запросы органов, должностных лиц, граждан и организаций;
- консультирование по вопросам назначения и проведения судебной экспертизы и привлечения специалиста;
- решение вопросов оплаты;
- организация присутствия других участников при производстве судебной экспертизы.

4. Взаимодействие со СМИ, публичными образованиями:

- представительство СЭО и ее сотрудников перед СМИ и публичными образованиями;
- информирование по вопросам непосредственно осуществляемой деятельности, а также по вопросам судебно-экспертной деятельности в целом.

При этом в зависимости от структуры, количества родов (видов) экспертиз, масштаба и других критериев возможно назначение заместителей. Например, в РФЦСЭ при Минюсте в структуре учреждения предусмотрено наличие заместителей по экспертной деятельности, по организационно-методической деятельности, по информационным технологиям, по общим вопросам. Кроме того, действуют лаборатории по отдельным родам (видам) экспертиз и административный аппарат, осуществляющий обеспечение основной деятельности. Очевидно, что такая структура необходима именно в крупных организациях и не является целесообразной в большинстве негосударственных СЭО. Однако практика распределения полномочий между руководителем и заместителями является эффективной, так как позволяет обеспечить осуществление всех функций СЭО с участием наиболее квалифицированных лиц.

На руководителе лежит обязанность решения вопроса о материально-техническом обеспечении организации. Это означает, что он должен обладать необходимой финансовой грамотностью, а также разбираться в экономических вопросах, иначе говоря, осуществлять функции менеджера или же руководить нанятыми на эту должность лицами [8, с. 70]. С учетом того, что СЭО являются самофинансируемыми и у них есть право на осуществление предпринимательской деятельности, представляется, нет противоречия между целями некоммерческих организаций и наличием в их структуре менеджеров, занимающихся обеспечением финансовой устойчивости СЭО, которое необходимо для эффективного оказания помощи правосудию путем применения специальных знаний и отсутствия заинтересованности в деле. В этом случае руководителем или менеджером решаются вопросы рекламирования СЭО и его работы с обращениями уполномоченных органов, должностных лиц, а также граждан и иных организаций.

Однако здесь необходимо исходить из принципов судебно-экспертной деятельности, ее общественно полезной функции, а также прямой связи с осуществлением правосудия: любой аспект судебно-экспертной деятельности должен рассматриваться и с нравственно-этической стороны, а также с точки зрения недопустимости попадания в финансовую или иную зависимость, равно как и возможности вызывать подозрения в этом, чтобы не подрывать доверия к институту судебной экспертизы и судебной системе в целом. В связи с этим представляется недопустимым, например, использование коммерческой рекламы. В деятельности СЭО не должна присутствовать некая «клиентоориентированность». У НКО, созданной в целях содействия правосудию, не может быть «клиентов». Обращение происходит от участников процесса. И взаимоотношения с ними выстраиваются в соответствии с нормами процессуального права и законодательства о судебной экспертизе, а не гражданского, в том числе закона «О защите прав потребителей». Даже оценка качества произведенной экспертизы затруднительна. Заключение эксперта оценивается в ходе судебного разбирательства. Если суд принял заключение эксперта в качестве доказательства по делу и указал это при вынесении решения, то доброкачественность заключения подтверждена решением суда.

Оспаривать заключение эксперта возможно лишь в рамках разбирательства по делу, в ходе которого заключение было выполнено. При этом если заключение не будет принято судом, это не значит, что оно выполнено некачественно: проблема может быть в объектах, поступивших на экспертизу, в сведениях, сообщенных эксперту, в объективных ограничениях и др. В связи с этим недобросовестность эксперта должна подлежать доказыванию. Но рассмотрение вопроса потребует получения материалов дела, привлечения специалиста и т.д. Таким образом, очевидно, что производство судебных экспертиз не может рассматриваться в качестве услуги или работы в обычном гражданско-правовом смысле [9, с. 84]. Поэтому не может быть речи и об обычном способе рекламирования, так как реклама направлена на продвижение товара, который представляет собой продукт деятельности (в том числе работа, услуга), предназначенный для продажи, обмена или иного введения в оборот. Это нельзя относить к проведению судебной экспертизы. Судебная экспертиза, участие специалиста представляют собой оказание юридической помощи. Однако единый подход к понятию юридической помощи отсутствует.

Подобная ситуация возникает в первую очередь в связи с тем, что не определены критерии, по которым могло бы быть проведено разграничение [4, с. 123; 1, с. 59]. Однако среди подходов к пониманию сущности юридической помощи используется способ ее определения через содействие реализации правовых возможностей субъекта права в целях преобразования проблемной правовой ситуации и максимально благоприятного удовлетворения его индивидуальных интересов [6, с. 21; 5, с. 8; 2, с. 8]. Данное определение, однако, не подходит для целей судебно-экспертной деятельности, так как она не может быть направлена на удовлетворение индивидуальных интересов. При этом содействие признается составной частью юридической помощи как обеспечения и защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц [10, с. 3, 5]. Таким образом, юридическая помощь в самом широком смысле – это деятельность, направленная на предоставление лицам возможности обеспечения своих прав и защиты интересов. Помощь в отличие от услуги может оплачиваться государством [1, с. 59]. С учетом того, что деятельность судебных экспертов и СЭО позволяет другим использовать специальные знания в судопроизводстве для содействия правосудию и может оплачиваться государством, можно сделать вывод, что судебно-экспертная деятельность представляет собой юридическую помощь.

Однако это не решает вопроса с рекламой и связано с тем, что какие-либо сведения о СЭО расположены на сайте организации. При этом ФАС не считает рекламой информацию, размещенную о товарах или услугах производителями и продавцами на своих сайтах¹. Следовательно, к ним неприменимы требования о достоверности и добросовестности рекламы. При этом спорность представленной информации в некоторых случаях достаточно очевидна. Например, представляется необходимым ограничить рекламирование негосударственных СЭО посредством указания на «независимость» организации², так как независимость судебного эксперта и объективность

¹ Письмо ФАС России от 25.09.2019 N АК/83509/19 «О разъяснении по вопросу рекламы в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”» // КонсультантПлюс.

² URL: <https://grafo-logos.ru/company/> (дата обращения 12.10.2020); <https://expertizamise.ru/about> (дата обращения 12.10.2020); <https://otscenka.ru/o-kompanii/> (дата обращения 12.10.2020).

судебно-экспертного исследования являются общими принципами судебно-экспертной деятельности. Правильным представляется практика рекламирования посредством предоставления фактической информации: о родах (видах) проводимых экспертиз, о квалификации и стаже экспертов, о проведенных судебных экспертизах и предоставленных заключениях специалистов, отзывов, обращающихся лиц, а также ссылки на списки СЭО, рекомендованных арбитражными судами¹. Иными словами, сообщаемая информация должна носить фактический, а не оценочный характер, за исключением случаев, когда непосредственно указывается оценочный характер данной информации и ее источник (отзывы). При этом не следует указывать информацию о других СЭО, в том числе противопоставлять себя ГСЭУ², каким-либо образом обсуждать компетентность иных экспертов, обоснованность размера вознаграждения.

Эти и иные вопросы возможно более подробно зафиксировать в этическом кодексе судебных экспертов. Назначение кодексов заключается в том, чтобы восполнить пробелы законодательства, которое в силу ограниченных возможностей правового регулирования как такового, а также самого законодателя не может в полной мере осуществить выработку правил, разрешающих нравственные коллизии [11, с. 23]. Необходимость же подобного контроля возникает в связи с тем, что представители некоторых профессий в силу своего правового статуса имеют чрезвычайно широкий простор субъективного усмотрения [3, с. 40]. Для лиц, обладающих специальными знаниями, ситуация усугубляется тем, что их усмотрение трудно распознать лицам, такими знаниями не обладающими. В связи с этим этический кодекс судебных экспертов является эффективным способом регулирования многих спорных вопросов, связанных с взаимодействием экспертов между собой, а также с обращающимися к ним лицами и органами. Кроме того, учитывая, что этический кодекс разрабатывается всеми представителями профессии, то он способствует консолидации судебно-экспертного сообщества, при этом давая возможность исключения из своих рядов лиц, которые действуют недобросовестно.

Например, спорной может считаться деятельность по созданию рейтингов СЭО³, что можно рассматривать как предоставление оценочной информации о других СЭО. Рейтинг является добровольным, т.е. организации сами направляют сведения о своей деятельности. Однако это усугубляет ситуацию тем, что лица, желающие получить информацию о СЭО, получают ее в крайне ограниченном варианте, так как методика расчета рейтинга не раскрывается. Таким образом, распространяется неполная информация, носящая выборочный и оценочный характер.

Думаем, что информация о СЭО и экспертах может предоставляться только в виде реестра, в случае необходимости с указанием только фактических данных о квалификации, стаже, количестве произведенных экспертиз, выступлений в качестве специалиста. Даже указание на то, что после проведенных данным лицом судебных экспертиз назначались повторные, можно считать излишней информацией, способной вводить в заблуждение, так как причины назначения повторной экспертизы необходимо рассматривать в контексте конкретного дела.

¹ URL: <https://sudexpa.ru/courts/> (дата обращения 12.10.2020).

² URL: <http://sud-expertiza.org/> (дата обращения 12.10.2020).

³ URL: <https://seprf.ru/rating/> (дата обращения 12.10.2020).

При наличии действующего этического кодекса в реестре также могли бы указываться случаи привлечения к дисциплинарной ответственности. Тогда обязанности руководителя должны быть дополнены реализацией дисциплинарной ответственности в отношении экспертов, являющихся сотрудниками СЭО. Если руководитель не осуществил привлечение эксперта, то сам привлекается к ответственности за бездействие.

Функцию по ведению реестра СЭО и экспертов должен осуществлять специально уполномоченный орган при помощи самих СЭО и экспертов. Это необходимо, чтобы у всех заинтересованных лиц был единый официальный реестр. Наличие каких-либо разрозненных сведений ведет к усложнению поиска нужной информации, а также требует дополнительной проверки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Казакова Е.Ю. Юридическая помощь, фактические, правовые, юридические услуги: проблемы соотношения понятий // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии: сб. статей по материалам междунар. науч.-практич. конф. – Калининград, 2016. – С. 58–60.
2. Ларин Е. Г. Обеспечение участников уголовного судопроизводства квалифицированной юридической помощью при производстве следственных действий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2008. – 23 с.
3. Малиновский А.А. Кодекс профессиональной этики: понятие и юридическое значение // Журнал российского права. – 2008. – № 4. – С. 39–44.
4. Мамараджабова Ю.А. Разграничение понятий юридическая помощь и юридические услуги // Устойчивое развитие науки и образования. – 2020. – № 4 (43). – С. 122–125.
5. Мухудинова Н. Р. Обеспечение конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ижевск, 2005. – 26 с.
6. Панченко В.Ю. Подходы к понятию «юридическая помощь» в современном отечественном правоведении // Российский юридический журнал. – 2012. – № 1 (82). – С. 18–27.
7. Суrowая О.А. Деятельность руководителя судебно-экспертного учреждения в свете требований международных стандартов по оценке соответствия // Теория и практика судебной экспертизы. – 2019. – № 2. – С. 100–106.
8. Суrowая О.А. Современные профессиональные компетенции руководителя судебно-экспертной организации // Теория и практика судебной экспертизы. – 2020. – № 1. – С. 68–74.
9. Чубина Е.А. «Любой каприз за ваши деньги», или применимы ли законы коммерческой рекламы к судебной экспертизе? // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. – 2015. – № 12. – С. 82–85.
10. Юридическая помощь в Российской Федерации: Схемы и комментарии : учебно-практическое пособие / В. И. Качалов, О. В. Качалова. – М.: ЭКМОС, 2002. – 208 с.
11. Этика права: От истоков этики и права к мировоззрению: учебное пособие / В. И. Букреев, И. Н. Римская. – М. : Юрайт, 2000. – 336 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Kazakova E. Yu. Legal aid, factual, legal, legal services: problems of correlation of concepts // Law and order in the third millennium: collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference. – Kaliningrad, 2016. – P. 58–60.
2. Larin E. G. Providing participants in criminal proceedings with qualified legal assistance in the course of investigative actions diss. ... cand. jurid. sciences. – Omsk, 2008. – 23 p.
3. Malinovskij A.A. Code of professional ethics: concept and legal meaning // Journal of Russian law. – 2008. – № 4. – P. 39–44.
4. Mamaradzhabova Y.A. Distinctions of concepts legal assistance and legal services // Sustainable development of science and education. – 2020. – N 4 (43). – P. 122–125.
5. Muhudinova N. R. Ensuring the constitutional right to receive qualified legal assistance in Russian criminal proceedings: dis. ... cand. jurid. sciences. – Izhevsk, 2005. – 26 p.
6. Panchenko V. Yu. Approaches to concept of "legal aid" in contemporary domestic jurisprudence // Russian Juridical Journal. – 2012. – 1 (82). – P. 18–27.
7. Surovaya O.A. The Activity of the Chief Executive of a Forensic Organization in the Light of International Standards for Conformity Assessment Requirements // Theory and Practice of Forensic Science. – 2019. – N 2. – P. 100–106.
8. Surovaya O.A. Contemporary Professional Competencies of the Head of a Forensic Organization // Theory and Practice of Forensic Science. – 2020. – N 1. – P. 68–74.
9. Chubina E.A. "Every whim for your money", or is it permissible the commercial advertising of forensics expertise // Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). – 2015. – № 12. – P. 82–85.
10. Legal aid in the Russian Federation: Schemes and comments V. I. Kachalov, O. V. Kachalova. – M.: EKMOS Publishing House, 2002. – 208 p.
11. Ethics of law: From the origins of ethics and law to a worldview : V. I. Bukreev, I. N. Rimskaya. – M.: YUrajt Publishing House 2000. – 336 p.

УДК 343.982.4

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-199-213

Чиненов Евгений Владимирович
начальник кафедры криминалистики
Белгородского юридического
института МВД России
им. И. Д. Путилина кандидат
экономических наук, доцент
E-mail: Chinenovevg@yandex.ru

Chinenov Evgeny Vladimirovich
Head of the Department of Criminalistics of
the Belgorod Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia named after
I. D. Putilin, Candidate of Economic Sci-
ences, Associate Professor
E-mail: Chinenovevg@yandex.ru

ЗАДАЧИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ, И АЛГОРИТМЫ ДЕЙСТВИЙ ПО ИХ РЕШЕНИЮ

Введение: необходимость разработки и последовательного совершенствования теоретических основ расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, обоснована в целом ряде научных публикаций (А. Е. Антонов, О. П. Грибунов, Е. А. Малыгина, А. Л. Пермяков, В. И. Щукин и др.). Однако темп удовлетворения потребностей следственной практики в криминалистических рекомендациях соответствующей направленности пока характеризуется как крайне медленный. Положение усугубляется тем, что ежегодно выявляется не более трети от общего количества таких преступлений. Совершающие преступления лица широко используют свои профессиональные знания, служебное положение, современные информационные технологии, а расследование преступлений немислимо без учета множества факторов, присущих отрасли железнодорожного транспорта, из общего числа которых следует выделить обстановку совершения преступлений, многообразие их механизмов, характер и локализацию оставляемых следов, специфику поисково-познавательной деятельности сотрудников правоохранительных органов. В статье предпринята попытка рассмотрения конкретных проблем, присущих начальному этапу расследования преступлений данной разновидности, в котором с точки зрения судебной перспективы возбужденных уголовных дел решается очень многое.

Материалы и методы: теоретическая основа статьи представлена результатами трудов отечественных криминалистов. Фактическую сторону составили нормативно-правовые источники Российской Федерации, приостановленные и оконченные расследованием уголовные дела, приговоры (решения) судов, результаты анкетного опроса практических работников, а также собственные наблюдения авторов. Методология исследования опирается на использование методов материалистической диалектики. Применялась совокупность общенаучных, специальных и частных методов

изучения процессов и явлений, детерминированных совершением преступлений в сфере экономики железнодорожного транспорта.

Результаты исследования: в статье представлены основные задачи начального этапа расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, названы конкретные действия по их разрешению в условиях типичных следственных ситуаций.

Выводы и заключения: проведенное исследование позволило выработать практические рекомендации для сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих выявление, раскрытие и расследование преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт; криминалистические алгоритмы; криминалистическая методика; начальный этап расследования; преступления в сфере экономики, программы расследования.

TASKS OF THE INITIAL STAGE OF INVESTIGATION OF ECONOMIC CRIMES COMMITTED ON RAILWAY TRANSPORT AND ALGORITHMS OF ACTIONS TO SOLVE THEM

Introduction: The need to develop and consistently improve the theoretical foundations of the investigation of economic crimes committed in railway transport is justified in a number of scientific publications (A. E. Antonov, O. P. Gribunov, E. A. Malykhina, A. L. Permyakov, V. I. Shchukin, etc.). however, the pace of meeting the needs of investigative practice in forensic recommendations of the appropriate orientation is still characterized as extremely slow. the situation is aggravated by the fact that no more than a third of the total number of such crimes is detected annually. The perpetrators, widely use their professional knowledge, official position, modern information technologies, and their investigation is unthinkable without taking into account the many factors inherent in the rail transport industry, the number of which should highlight the situation of committing economic crimes, the diversity of their mechanisms, the character and location leaving traces on the specifics of the search cognitive activity of law enforcement officers. this article attempts to address specific problems inherent in the initial stage of the investigation of crimes of this type, where a lot is solved from the point of view of the judicial perspective of the initiated criminal cases.

Materials and Methods: the theoretical basis of the work is formed by the results of the works of domestic scientists. The actual side of the work was made up of regulatory and legal sources of the Russian Federation, suspended and completed criminal cases, court sentences (decisions), the results of a questionnaire survey of practitioners, as well as the authors' own observations. The research methodology is based on the use of methods of materialistic dialectics. During the research, the results of which are summarized in this article, a set of general scientific, special and private methods of studying the processes and phenom-

ena determined by the commission of crimes in the field of railway transport economy was used.

Results of the Study: the article presents the main tasks of the initial stage of investigation of crimes in the sphere of economy committed on railway transport, offers algorithms of actions for their resolution in the conditions of typical investigative situations.

Findings and conclusions: the conducted research made it possible to develop practice-oriented recommendations for employees of the internal Affairs bodies engaged in the identification, disclosure and investigation of economic crimes committed on railway transport.

Key words: railway transport; forensic algorithms; forensic methodology; initial stage of investigation; crimes in the field of economics, investigation programs.

Познание содержания этапов расследования преступлений обусловлено целеполаганием формируемых рекомендаций о применении наиболее оптимальных криминалистических приемов и методов в той или иной части процесса исследования преступного события. В статье мы остановимся на задачах, присущих начальному этапу расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, и конкретных действиях, направленных на их решение. Следует согласиться с О.П. Грибуновым, что «транспорт всегда был и остается центром притяжения криминальных проявлений» [1; с. 119].

Внимание к начальному этапу расследования обуславливается тем, что он является едва ли не самым важным, в рамках которого проводится большой объем следственных и иных процессуальных действий, осуществляется активное взаимодействие между субъектами расследования, формируется доказательственная база. Его основная задача состоит в формировании познавательных заделов для полного, быстрого и объективного расследования совершенного или готовящегося преступления. Решение этой задачи обеспечивается поисково-познавательной деятельностью следователя, оперативных работников, специалистов, формирующей благоприятные условия для отработки выдвинутых следственных и оперативно-розыскных версий. С учетом специфики выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, считаем наиболее рациональным подход к достижению основных задач расследования через определение и решение промежуточных задач [2; 3; 4]. Анализ содержания начального этапа расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, позволяет выделить ряд его особенностей.

Во-первых, все действия на начальном этапе подчиняются достижению цели процесса доказывания (в том числе установление события преступления и лиц, к нему причастных; определение размера материального ущерба; познание механизма преступления, способов его подготовки, совершения, сокрытия и др.). В их основе лежит должное криминалистическое обеспечение, включающее в себя криминалистические знания, криминалистическую технику и организацию ее практического применения.

Во-вторых, это проблемность, конфликтность, тактический риск, организационная неупорядоченность ситуаций расследования, требующих разрешения [5; 6; 7;

8]. Проблемность проявляется в неполноте и недостаточности информации, складывающейся на начальном этапе расследования, специфике поисково-познавательной деятельности, неизвестности ожидаемого результата, в определенной сложности выявления и доказывания преступлений рассматриваемой категории. Конфликтность ситуаций, как правило, обусловлена активным противодействием расследованию со стороны подозреваемых, свидетелей, администраций железнодорожных организаций, в связи с чем предполагается проведение следователем определенных тактических операций, направленных на собирание и проверку доказательств. Тактический риск обусловлен возможностью возникновения нежелательных событий (прекращение, приостановление уголовного дела), являющихся следствием ошибок в принимаемых организационных и процессуальных решениях, тактических и методических действиях, в использовании технико-криминалистических средств, специальных знаний. Организационная неупорядоченность проявляется в том, что на железнодорожном транспорте значительная часть преступлений экономического характера совершается в условиях неочевидности, это требует дополнительных затрат времени, сил и средств для управления расследованием, должного взаимодействия между его участниками, планирования и систематизации предстоящей работы.

В-третьих, специфический характер условий, оказывающих влияние на процесс слеодообразования. Обстановка, в которой подготавливаются и совершаются преступления, и следовая информация обладают существенными особенностями. В их числе: специфическая материальная среда, объекты, предметы, документально-пространственно-временные связи и отношения, индивидуализируемые железнодорожной транспортной отраслью.

В-четвертых, существование факторов, оказывающих влияние на процесс познания преступного события, которые необходимо учитывать при решении задач расследования. Именно они индивидуализируют работу по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте: круглосуточный режим работы железнодорожного транспорта; линейный принцип организационного построения отрасли; наличие профессиональной преступности; сложность и специфичность механизма преступления, способов его подготовки, совершения и сокрытия; своеобразие следовой информации, проявляющейся в особенностях маскировки преступных деяний.

В-пятых, исходная неопределенность условий задачи, заключающаяся в недостаточности информации о событии преступления, его участниках. Криминалистически значимые сведения о событии преступления в сфере экономики, совершенном на железнодорожном транспорте, кроются в деталях производственной и учетной документации, специфических технологических процессах, что может быть компенсировано выработкой следователем стратегии разрешения ситуации за счет его эвристической деятельности в комплексе с реализуемыми криминалистическими алгоритмами, разработанными в соответствии с положениями теории информации.

В-шестых, сложность ситуаций начального этапа расследования и невозможность ее разрешения только на основе исходной информации, продолжительность во времени, динамичность в развитии, вызванные большим объемом ориентирующей и доказательственной информации, специфическим ее характером.

В-седьмых, многовариантность способов решения задач. Например, решение задачи определения механизма преступления может достигаться за счет производства ревизий, документальных проверок, судебно-экономических экспертиз, аудита железнодорожной организации.

И, наконец, в-восьмых, необходимость комплексного подхода к разрешению стоящих перед следователем задач. Наряду с традиционными криминалистическими, уголовно-правовыми, криминологическими, уголовно-процессуальными, психологическими знаниями целесообразно применение экономического и отраслевого инженерно-технического, технологического подходов к решению задач расследования.

Особое значение на начальном этапе имеет правильная постановка задач и выбор направления расследования. В ходе изучения задач, решаемых следователем в процессе расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, на начальном этапе, мы пришли к выводу о необходимости их деления на две группы в зависимости от особенностей поступающей исходной криминалистически значимой информации.

Первая группа связывается нами с обнаружением очевидного преступления. К таковым мы относим преступления против собственности физических лиц, пользующихся услугами железнодорожного транспорта и его инфраструктуры, коррупционные и некоторые другие.

На начальном этапе расследования очевидных преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, формирование информационного массива начинается с факта установленного преступления до возбуждения уголовного дела. Этот процесс сопряжен с решением двух промежуточных задач: фиксации имеющихся в наличии доказательств и организации раскрытия преступления по горячим следам.

Эффективность решения задач достигается за счет концентрации сил, средств, расширения взаимодействия, составления согласованных планов, применения средств, включающих в себя различные виды осмотров, допросы, выемки, обыски, предъявления для опознания, получение образцов для сравнительного исследования, назначение экспертиз и пр. Следует отметить, что имеющиеся к настоящему времени отдельные работы, посвященные раскрытию и расследованию преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, не дают возможность выделить закономерности, возникающие при их расследовании. Именно этим мотивировано наше исследование в этой области.

Вторая группа включает задачи по раскрытию преступлений, совершаемых в условиях неочевидности, когда уголовное дело возбуждается вследствие реализации оперативной информации либо проверки поступающих в орган внутренних дел сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях, в числе которых мы выделяем преступления против собственности юридических лиц, присвоение или растрату, различные виды мошенничества, должностные преступления и пр. При расследовании преступлений, совершенных в условиях неочевидности, этому будут способствовать: четкое ориентирование следователей и оперативных работников на поиск конкретных следов произошедшего события; постановка основных и промежуточных тактических задач, под-

лежащих решению; определение программы расследования, позволяющей решить их наиболее эффективно и в короткие сроки.

Начальный этап расследования неочевидных преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, как правило, характеризуется тем, что следователь сталкивается с рядом проблем ситуационного характера: недостаточностью доказательственной информации, тактическим риском, возможным наличием фальсификаций (маскировок) следов события преступления, со сложностями в диагностике, идентификации и в целом доказывании преступления. Это требует от следователя применения версионного подхода, организации надлежащего оперативно-розыскного сопровождения, криминалистического обеспечения расследования преступления.

Вторая группа задач реализуется посредством разрешения четырех промежуточных, в числе которых: организация и проведение предварительной проверки сообщения о преступлении; поиск и обнаружение доказательств; их закрепление; определение наиболее оптимального направления расследования. Реализация осуществляется за счет оперативно-розыскных, контрольно-проверочных, организационно-подготовительных, следственных и других действий, объединяемых в комплексы. В следственной практике это обеспечивается:

- привлечением специалистов к проведению проверочных, следственных и иных процессуальных действий [9, с. 17];
- организацией взаимодействия между субъектами расследования [10, с. 122];
- производством специальных исследований: инвентаризаций, документальных проверок и ревизий, судебных экспертиз [11, с. 178; 12, с. 274; 13, с. 45];
- реализацией разнообразных тактических комплексов (комбинаций и операций) [14; 15; 16].

Отдельно следует отметить, что эффективность решения сложных задач в ходе расследования может быть обеспечена применением нестандартных, узкоспециализированных тактических решений, включающих как отдельные тактические приемы, так и их комплексы [17; 18; 19; 20; 21].

Изучение материалов архивных уголовных дел, анкетирование сотрудников следственных и оперативных подразделений органов внутренних дел на железнодорожном транспорте свидетельствует о том, что возможности использования тактических комплексов с целью решения локальных задач в ходе расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, ими реализуются явно недостаточно. Так, только 23,4 % опрошенных нами респондентов отметили, что имеют представление о них и используют в расследовании. По нашему мнению, причинами такого положения дел являются:

- отсутствие вариативности при использовании криминалистических приемов и рекомендаций по тактике производства следственных действий;
- пробелы в тактико-криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, выражающиеся в отсутствии предметных методических рекомендаций, крими-

налистических алгоритмов действий следователей, оперативных работников, их взаимодействия;

- недостаточное понимание следователями процессуальных и организационных возможностей тактических комплексов и их практической пользы при производстве предварительного расследования.

На наш взгляд, тактические комплексы, используемые в целях реализации задач расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, могут быть двойственной природы. Во-первых, это комплексы, направленные на получение ориентирующей информации, характер которой специфичен, в частности, осуществление оперативно-розыскных мероприятий, мероприятий документального и фактического контроля. Например, решение о проведении инвентаризации обеспечит установление факта недостачи (излишка) учетного объекта, вызванного хищением, величины причиненного материального ущерба. Тактическое решение о проведении документальной ревизии позволит определить период образования, способы маскировки хищения. Тактическое решение о проведении оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение» путем непосредственного или опосредованного, с помощью технических средств, визуального, слухового контроля будет способствовать получению криминалистически значимой информации о причастных к деянию материально ответственных лиц, установлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Во-вторых, это тактические комплексы, направленные на осуществление криминалистической диагностики преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте. Например, эффективность проверки сообщения о хищениях, совершаемых должностными лицами железнодорожной организации, может быть повышена за счет комплекса, включающего:

- оперативно-розыскные мероприятия (в том числе опрос; наблюдение; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; наведение справок; сбор образцов для сравнительного исследования; исследование предметов и документов; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; получение компьютерной информации);

- процессуальные мероприятия и следственные действия (в том числе получение объяснений; проведение различных видов осмотров; изучение, изъятие и исследование документов, предметов и пр.);

- мероприятия документального и фактического контроля (в том числе ревизии; судебные экспертизы; инвентаризации; контрольные обмеры; обследования; контрольные запуски сырья и материалов в производство; проверка качества сырья и материалов).

Продуктивным методом диагностирования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, может быть экономико-криминалистический анализ информации, содержащейся в учетных, финансовых, производственных документах, информационных базах данных. Этот метод является

одним из действенных средств решения тактических задач в раскрытии и расследовании экономических преступлений [22, с. 50; 23, с. 104; 24, с. 122].

Как структурный элемент тактической операции криминалистический анализ экономической информации предопределяется тактической задачей, стоящей перед следователем на конкретном этапе расследования. Подобный анализ позволит оценить успешность проведения тактической операции, наметить комплекс оперативно-розыскных и следственных действий.

В-третьих, узкоспециализированные тактические комплексы, направленные на сбор, проверку и оценку доказательств, объединенные общим родовым объектом преступного посягательства – сферой железнодорожного транспорта и совершаемыми в ней экономическими преступлениями. В их числе мы выделяем тактические комбинации со следующими условными наименованиями: «Документы железнодорожной организации»; «Цифровая железная дорога»; «Железнодорожные перевозки»; «Железнодорожная инфраструктура»; «Вещественные доказательства (основные средства и материально-производственные запасы железнодорожной организации)». Примером содержания тактической комбинации «Документы железнодорожной организации» является:

- комплекс оперативно-розыскных мероприятий (в том числе исследование предметов и документов, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, получение компьютерной информации, снятие информации с технических каналов связи и др.);

- комплекс мероприятий документального и фактического контроля (в том числе документальные проверки, ревизии, инвентаризации, контрольные обмеры, обследование объектов, контрольный запуск сырья в производство, лабораторный анализ и пр.);

- комплекс проверочных процессуальных действий.

Результаты анкетирования сотрудников следственных и оперативных подразделений органов внутренних дел на железнодорожном транспорте указывают на необходимость алгоритмизации и программирования тактических решений, которые должны использоваться в рамках доследственной проверки и начального этапа расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте. Реальные потребности совершенствования методико-криминалистического обеспечения начального этапа расследования касаются необходимости разработки типовых алгоритмов начального этапа расследования неочевидных преступлений.

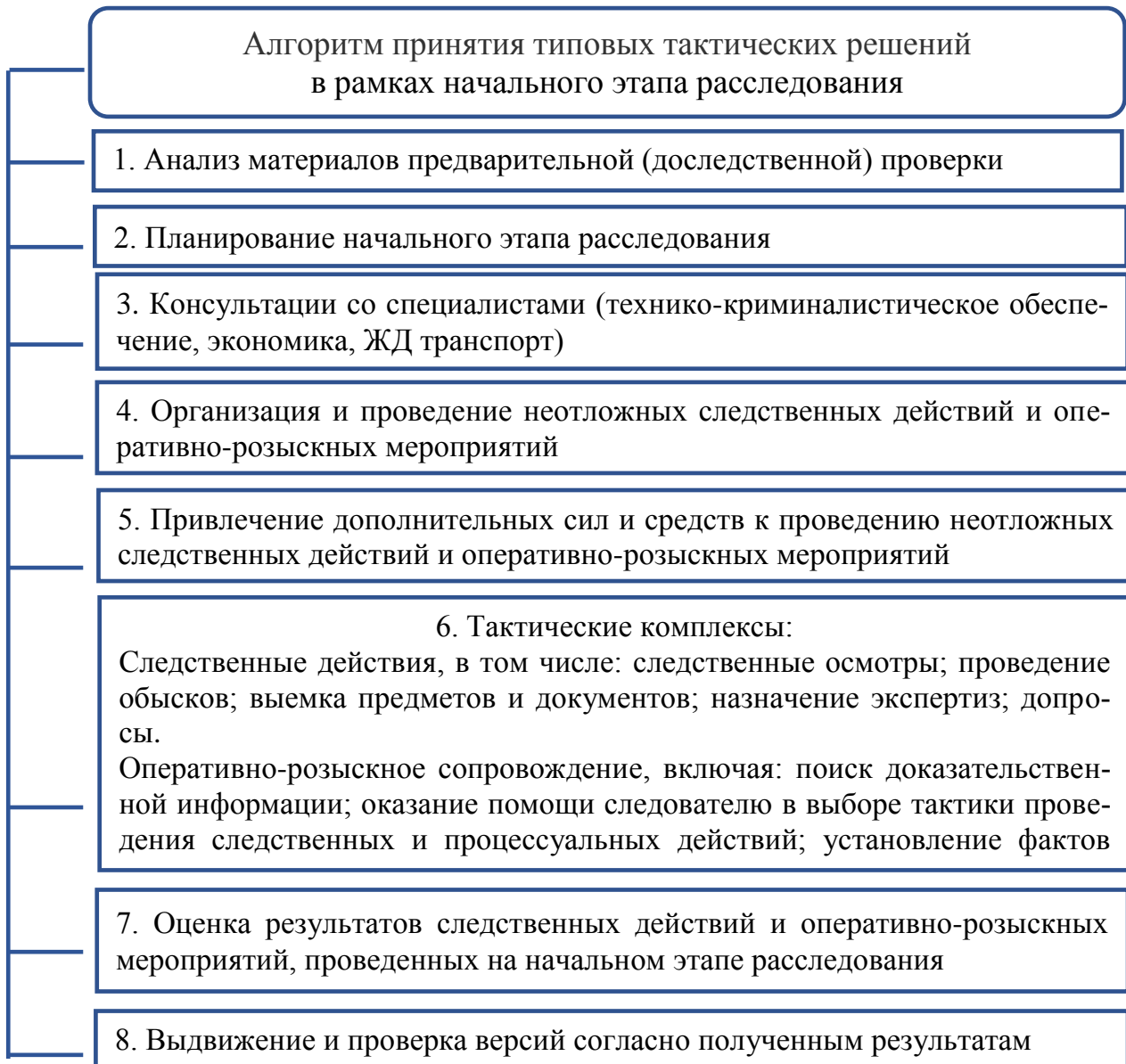
Важность алгоритмизации и программирования расследования преступлений подтверждается учеными-криминалистами на протяжении значительного периода времени. Анализируя существующие научные подходы, заметим, что криминалистические алгоритмы предназначаются для упорядочивания следователем логических структур поиска и познания криминалистически значимой информации об особенностях и характере складывающейся следственной ситуации. База для принятия следователем тактических решений, по мнению А. Н. Колесниченко и Г. А. Матусовского, формируется посредством выработки схем (программ, алгоритмов) типизированных действий,

направленных на проверку типовых версий о способах совершения преступлений [25, с. 43]. В то же время, как указывает И. Е. Быховский, процесс программирования расследования не должен ограничивать следователя в возможностях эвристической деятельности: «... следствие всегда есть и будет не только комплексом научных положений и рекомендаций, но и искусством нахождения истины» [26, с. 66].

В настоящее время криминалистические алгоритмы и программы расследования преступлений занимают особое место в системе криминалистической методики. Они позволяют обеспечить возможность оптимального применения определенного комплекса мероприятий в отдельно взятом расследовании. В частности, анализ ситуаций расследования и алгоритмы, помогая правильному определению хода и направления расследования, выработке оптимальных тактико-криминалистических приемов и рекомендаций, минимизируют ошибки, возникающие при решении криминалистических задач, и представляют собой процесс практического применения частных криминалистических методик. На начальном этапе расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, алгоритм решения задач может включать действия по предотвращению наступления возможных неблагоприятных последствий уже совершенного преступления, меры поисково-познавательного характера, действия, направленные на обнаружение, собирание и закрепление доказательств, их анализ и использование.

Первостепенное значение для решения перечисленных задач имеет алгоритмизация начального этапа расследования. По делам о преступлениях в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, прежде всего необходимо сформировать такой алгоритм, который бы обеспечивал обнаружение и фиксацию доказательств, выяснение механизма преступления, характера и размера причиненного ущерба, данных о личности предполагаемого преступника (преступников). Он реализуется при производстве оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий и их комплексов. В зависимости от обстоятельств совершенного преступления они могут осуществляться в различных комбинациях и последовательности (см. схему).

Представленный алгоритм действий следователя при расследовании рассматриваемых преступлений является базовым и может корректироваться в той или иной следственной ситуации. Это объясняется, во-первых, широким разнообразием видов преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, множественностью реальных следственных ситуаций, возникающих преимущественно при расследовании неочевидных преступлений, что без учета специфики раскрытия и расследования конкретных деяний может создать следователю реальные трудности. Во-вторых, типизация механизмов и способов преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, будет способствовать алгоритмизации комплекса действий и мероприятий, направленных на решение задач начального этапа расследования.

Решаемые следователем задачи могут корректироваться по мере поступления ориентирующей и доказательственной информации. Начальный этап требует максимальной оперативности действий. В качестве реакции на поступающую информацию и прогноза развития того или иного следственного действия, оперативно-розыскного мероприятия следователь может изменять ход их производства, объединять в тактические операции (комбинации).

Выбор тактического решения следователя должен основываться на соблюдении следующих правил:

- ориентация на уже решенные до возбуждения уголовного дела задачи, в соответствии с которыми необходимо формулировать задачи начального этапа;

- обязательность использования специальных знаний в процессуальной и непроцессуальной форме.

На формирование следователем криминалистического алгоритма собственных практических действий влияет предпочтительность выполнения отдельных процессуальных действий и организационных мероприятий; предварительная оценка их эффективности; возможность привлечения дополнительных сил и средств. В этой связи предлагается в процесс разработки криминалистических алгоритмов включить следующие этапы:

- сбор информации о преступлениях;
- определение типичных признаков, характерных для преступлений данного вида;
- выделение типичных следственных ситуаций, складывающихся на начальном этапе процесса расследования;
- определение круга решаемых задач в той или иной следственной ситуации;
- определение средств решения задач расследования применительно к каждому конкретному акту путем включения различных следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий.

Учитывая данные обстоятельства, следует отметить, что эффективность криминалистической деятельности на начальном этапе расследования уголовных дел экономической направленности на железнодорожном транспорте в значительной степени зависит от тактических решений и своевременной алгоритмизации действий и мероприятий, направленных на их реализацию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Грибунов О.П. К вопросу о противодействии преступлениям, совершаемым на объектах транспорта // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 2-2. – С. 117–120.
2. Кудрявцев В. Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: учебное пособие. – М., 1998. – 216 с.
3. Субботина М. В. Задачи первоначального этапа расследования и направления их решения // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 314–316.
4. Кардашевская М. В. Дискуссионные вопросы организации расследования преступлений в структуре криминалистики // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 10. – С. 28–31.
5. Драпкин Л. Я. Проблемные ситуации и основные методы их разрешения в процессе расследования // Проблемы эффективности раскрытия и расследования преступлений: межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск, 1978. – Вып. 72. – С. 6–17.
6. Драпкин Л. Я. Конфликтные ситуации и конфликтное взаимодействие // Вопросы правовой психологии и судебной экспертизы. – Свердловск, 1979. – С. 15–22.

7. Драпкин Л. Я. Ситуации тактического риска и эффективность расследования // Тактические операции и эффективность расследования. – Свердловск, 1986. – С. 7–21.
8. Драпкин Л. Я. Организационно-управленческие решения следователя и повышение эффективности расследования преступлений // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Тюмень, 2010. – Вып. 7. Ч. 2. – С. 45–49.
9. Антонов А. Е., Рудов Д. Н. Об использовании специальных знаний в расследовании преступлений на железнодорожном транспорте // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2019. – № 1. – С. 17–22.
10. Белоусов А. В. Особенности организации следователем взаимодействия при расследовании и раскрытии краж, совершаемых на железнодорожном транспорте из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем // Проблемы экономики и юридической практики. – 2012. – № 1. – С. 122–125.
11. Озеров И. Н., Журбенко А. М. Инвентаризация как метод обнаружения следов экономических преступлений на объектах железнодорожного транспорта // Белгородские криминалистические чтения: сб. научных трудов. – Белгород, 2019. – С. 178–183.
12. Вардьян А. В., Грибунов О. П. Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании хищений на объектах транспорта // Теория и практика противодействия преступности в азиатско-тихоокеанском регионе: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. – Хабаровск, 2016. – С. 274–277.
13. Малыхина Е. А. К вопросу о производстве экспертиз по восстановлению измененных и уничтоженных маркировочных обозначений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта // Современность в творчестве начинающего исследователя: сб. материалов науч.-практ. конф. молодых ученых. – Иркутск, 2018. – С. 45–48.
14. Комаров И. М. Проблемы теории и практики криминалистических операций в досудебном производстве: дис. ... д-ра юрид. наук. – Барнаул, 2003. – 437 с.
15. Годовникова А. М. Основные тактические комбинации при выявлении и расследовании взяточничества и коммерческого подкупа: дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2012. – 195 с.
16. Пономаренко Н. Ю. Тактические операции и оперативно-тактические комбинации как средства расследования преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2017. – 255 с.
17. Тямкин А. В., Годовникова А. М. Роль и значение тактической комбинации «Документы» при раскрытии и расследовании преступлений в сфере экономики // Вестник ВИ МВД России. – 2009. – № 2. – С. 31–35.
18. Черкасов Р. В. Тактические комбинации по делам о преступной экономической деятельности: монография. – М.: ВНИИ МВД России, 2012. – 143 с.

19. Годовникова А. М. Классификация тактических комбинаций, используемых при раскрытии и расследовании преступлений в сфере экономики // Территория науки. – 2014. – № 2. – С. 156–165.
20. Хлус А. М. Тактическая операция «Задержание с поличным»: понятие, содержание, проблемы реализации // Традиции и перспективы развития криминалистической тактики: материалы круглого стола. – 2017. – С. 88–91.
21. Плясов К. А. Криминалистические операции при расследовании преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2018. – № 2-2. – С. 79–88.
22. Леханова Е. С. Экономико-криминалистический анализ как средство обнаружения организованных преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2008. – № 1 (8). – С. 50–53.
23. Епишин В. В., Мельницын С. В. Экономические методы в практике раскрытия преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2010. – № 1 (12). – С. 104–110.
24. Голубятников С. П., Шумак Г. А. Проблемы адаптации положений экономических наук к задачам выявления и расследования преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 2 (34). – С. 122–128.
25. Колесниченко А. Н., Матусовский Г. А. Вопросы программирования деятельности следователя // Криминалистика и судебная экспертиза. – Киев, 1980. – Вып. 21. – С. 43 – 44.
26. Быховский И. Е. Программированное расследование: возможности и перспективы // Актуальные проблемы советской криминалистики. – М., 1980. – С. 66–67.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Gribunov O. P. On the issue of countering crimes committed at transport facilities // Proceedings of the Tula State University. Economic and legal sciences. – 2013. – № 2–2. – P. 117–120.
2. Kudryavtsev, V. N. The Genesis of the crime. Experience in criminological modeling: textbook. – M., 1998. – 216 p.
3. Subbotina M. V. Tasks of the initial stage of investigation and directions of their solution // Gaps in russian legislation. – 2008. – №. 2. – P. 314–316.
4. Kardashevskaya M. V. Debatable issues of organizing the investigation of crimes in the structure of criminalistics // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2015. – №. 10. – P. 28–31.
5. Drapkin L. Ya. Problem situations and the main methods of their resolution in the investigation process // Problems of efficiency of disclosure and investigation of crimes: mezhvuz. SB. nauch. Tr. – Sverdlovsk, 1978. – Vol. 72. – P. 6–17.
6. Drapkin L. Ya. Conflict and conflict interaction // Problems of legal psychology and forensic examination. – Sverdlovsk, 1979. – P. 15–22.

7. Drapkin L. Ya. Tactical Situation of risk and the effectiveness of the investigation // Tactical operation and effectiveness of the investigation. – Sverdlovsk, 1986. – P. 7–21.
8. Drapkin L. Ya. Organizational and managerial decisions of the investigator and improving the effectiveness of crime investigation // Improving the activities of law enforcement agencies to combat crime in modern conditions: materials of the International Scientific and Practical Conf. – Tyumen, 2010. – Issue 7. – Part 2. – P. 45–49.
9. Antonov A. E., Rudov D. N. On the use of special knowledge in the investigation of crimes on railway transport // Problems of law enforcement. – 2019. – №. 1. – P. 17–22.
10. Belousov A. V. Features of the organization of interaction by the investigator in the investigation and disclosure of thefts committed on railway transport from clothes, bags or other hand luggage that were with the victim // Problems of economics and legal practice. – 2012. – №. 1. – P. 122–125.
11. Ozerov I. N., Zhurbenko A. M. Inventory as a method of detecting traces of economic crimes at railway transport facilities // Belgorod forensic readings: collection of scientific papers. – Belgorod, 2019. – P. 178–183.
12. Vardanyan A. V. O. P. Griбанov Forensic examination is assigned when the investigation of the transport // Theory and practice of combating crime in the Asia-Pacific region. Collection of materials of the international scientific and practical conference. – Khabarovsk, 2016. – P. 274–277.
13. Malykhina E. A. On the issue of the production of examinations for the restoration of modified and destroyed marking designations of components of railway transport objects // Modernity in the work of a novice researcher. Collection of materials of the scientific and practical conference of young scientists. – Irkytsk, 2018. – P. 45–48.
14. Komarov I. M. Problems of theory and practice of forensic operations in pre-trial proceedings: dis. ... Doctor of Legal Sciences. – Barnaul, 2003. – 437 p.
15. Godovnikova A. M. The main tactical combinations in the detection and investigation of bribery and commercial bribery: dis. ... Candidate of Legal Sciences. – Voronezh, 2012. – 195 p.
16. Ponomarenko N. Yu. Tactical operations and operational-tactical combinations as a means of investigating crimes: dis. ... Candidate of Legal Sciences. – Belgorod, 2017. – 255 p.
17. Tyamkin A.V., Godovnikova A.M. The role and significance of the tactical combination "Documents" in the disclosure and investigation of crimes in the field of economics // Bulletin of the VI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2009. – №. 2. – P. 31–35.
18. Cherkasov R. V. Tactical combinations in cases of criminal economic activity: monograph. – M.: institute of the ministry of internal affairs of Russia, 2012. – 143 p.
19. Sadovnikova A. M. Classification of tactical combinations used in the detection and investigation of crimes in sphere of economy // Territory of science. – 2014. – №. 2. – P. 156–165.

20. Khlus A. M. Tactical operation "Red-handed detention": concept, content, problems of implementation // Traditions and prospects for the development of forensic tactics: materials of the round table. – 2017. – P. 88–91.

21. Plyasov K. A Forensic operations in the investigation of crimes in the field of foreign economic activity // News of TulSU. Economic and legal sciences. – 2018. – №. 2-2. – P. 79–88.

22. Lekhanova E. S. Economic and forensic analysis as a means of detection of organized crimes // Legal science and practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia. – 2008. – №. 1 (8). – P. 50–53.

23. Epishin V. V., Melnitsyn S. V. Ekonomicheskie metody v praktike razryvaniya predstavleniy // Economic methods in the practice of crime detection. – 2010. – №. 1 (12). – P. 104–110.

24. Golubyatnikov S. P., Shumak G. A. Problems of adaptation of the provisions of economic sciences to the problems of detection and investigation of crimes // Yuridicheskaya nauka i praktika: vestnik nizhegorodskoy akademii mvd rossii. – 2016. – №. 2 (34). – P. 122–128.

25. Kolesnichenko A. N., Matusovsky G. A. Questions of programming the investigator's activity // Criminalistics and forensic expertise. – Kiev, 1980. – Vol. 21. – P. 43–44.

26. Bykhovsky I. E. Programmed investigation: opportunities and prospects // Actual problems of the Soviet criminalistics. – M., 1980. – P. 66–67.

УДК 343.98

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-214-221

Щербаченко Александр Константинович
доцент кафедры криминалистики
и оперативно-розыскной деятельности
Ростовского юридического института
МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: rui@mvd.ru

Scherbachenko A.K.
Associate Professor of Criminalistics and
Criminal Intelligence Department of the
Rostov Law Institute of the Ministry of the
Interior of Russia
Candidate of Law
E-mail: rui@mvd.ru

ГРУППА, СОВЕРШАЮЩАЯ МОШЕННИЧЕСТВО, КАК ЭЛЕМЕНТ БАЗОВОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Введение: в статье рассмотрены как процессы отражения механизма мошенничеств, совершенных группой лиц, в объективной действительности, так и научный результат их познания – базовая криминалистическая характеристика, основанная на взаимосвязях формирования, деятельности и распада группы. Объект – мошенничества, совершенные группой лиц, особенности их раскрытия, расследования и предупреждения. Предмет – закономерности, основанные на познании формирования, деятельности и распада группы, совершающей мошенничества, предусмотренных ст.ст.159, 15.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6 УК РФ. Методика изучения – исследование уголовных дел и опрос субъектов предварительного расследования.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: содержание формирования, деятельности и распада группы, совершающей мошенничества, как элемент соответствующей базовой криминалистической характеристики, имеет особое для нее значение, выражает подчиненность других элементов.

Выводы и заключения: концептуальные основы и исследовательские задачи базовой методики раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных группой лиц, выступают отправной точкой ее формирования, в процессе которого возможны изменения и доработки, направленные на получение эффективной научной криминалистической продукции в борьбе с хищениями путем мошенничеств.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, мошенничество, раскрытие, расследование и предупреждение преступлений, методика расследования

THE GROUP COMMITTING FRAUD AS PART OF THE BASIC FORENSIC CHARACTERIZATION

Introduction: the article examines both the processes of reflection of the mechanism of fraud committed by a group of persons in objective reality, and the scientific result of their knowledge - the basic forensic characteristic based on the relationship between the formation, activity and disintegration of a group. Object - fraud committed by a group of persons, and the specifics of their disclosure, investigation and prevention. Subject - patterns based on knowledge of the formation, activity and disintegration of a group committing fraud, provided for by Articles 159, 15.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation. The research methodology is a study of criminal cases and a survey of the subjects of preliminary investigation.

Materials and Methods: the normative basis of the research is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal and criminal procedural legislation. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as the methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

Results of the Study: the content of the formation, activity and disintegration of a group committing fraud, as an element of the corresponding basic forensic characteristics, is of particular importance to it, expresses the subordination of other elements.

Findings and Conclusions: the conceptual foundations and research tasks of the basic methodology for disclosing and investigating fraud committed by a group of persons are the starting point of its formation, during which changes and improvements are possible, which, first of all, are aimed at obtaining effective scientific forensic products in the fight against theft by fraud, committed by a group of persons.

Keywords: forensic characterization, fraud, disclosure, investigation and prevention of crimes, investigation methodology

Криминалистическая характеристика преступления – результат отражения механизма преступления в объективной действительности [1–5].

А.В. Варданян и другие отмечают: «криминалистическая характеристика преступлений выступает как научная абстракция, систематизировано отражающая результат научного познания закономерностей механизма совершения преступления и служащая высоко информативным подспорьем для повышения результативности организации расследования (в части выдвижения и проверки следственных версий, пла-

нирования расследования, определения предмета, форм и содержания взаимодействия следственных и оперативно-розыскных аппаратов), а также тактики проведения отдельных следственных действий» [6].

Под базовой криминалистической характеристикой М.В. Субботина понимает «систему обобщенных криминалистически значимых сведений о типичных, закономерно связанных между собой элементах определенных категорий преступлений и условиях их совершения, присущих всем этим преступлениям» [7]. Базовая криминалистическая характеристика мошенничеств, совершенных группой лиц, представляет собой систему взаимосвязанных и соподчиненных элементов, обобщенно отражающих механизм мошенничеств и противодействия их расследованию. К элементам базовой криминалистической характеристики мошенничеств, совершенных группой лиц, относятся: а) характеристика формирования, деятельности и распада группы; б) способы мошенничеств; в) способы противодействия расследованию мошенничеств; г) типовая криминалистически значимая информация.

Построение базовой методики как условие успешного раскрытия, расследования и предупреждения мошенничеств, совершенных группой лиц, выражается в исследовании и решении следующих задач:

1. Сформировать концепцию методико-криминалистического обеспечения раскрытия, расследования мошенничеств, совершенных группой лиц:

а) исследовать мошенничества, совершенные группой лиц, как объект криминалистического познания;

б) классифицировать мошенничества, совершенные группой лиц, на основе предмета криминалистики;

в) представить обзор зарубежной практики раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных группой лиц, оценить возможности их адаптации к российским реалиям правоприменения.

2. Разработать криминалистическую характеристику мошенничеств, совершенных группой лиц:

а) рассмотреть группу, совершившую мошенничество, как системообразующий элемент криминалистической характеристики;

б) изучить свойства личности участников преступных групп, совершивших мошенничество;

в) раскрыть связь «группа, совершившая мошенничество – способ преступления»;

г) исследовать объект и последствия мошенничеств, совершенных группой лиц.

3. Проанализировать особенности ситуационного подхода в познании мошенничеств, совершенных группой лиц, и процессов их раскрытия, расследования и предупреждения.

4. Представить специфику построения и проверки версий при раскрытии, расследовании и предупреждении мошенничеств, совершенных группой лиц.

5. Раскрыть основные направления и особенности тактики следственных действий и тактических операций при расследовании отдельных видов мошенничеств, совершенных группой лиц.

6. Исследовать особенности криминалистической превенции мошенничеств, совершенных группой лиц.

7. Систематизировать вопросы повышения эффективности использования специальных знаний при раскрытии и расследовании мошенничеств, совершенных группой лиц.

8. Разработать рекомендации по взаимодействию следователя и оперативных работников при раскрытии, расследовании и предупреждении мошенничеств, совершенных группой лиц.

Представленные концептуальные основы и исследовательские задачи базовой методики раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных группой лиц, выступают отправной точкой ее формирования, в процессе которого возможны изменения и доработки, которые в первую очередь направлены на получение эффективной научной криминалистической продукции в борьбе с хищениями путем мошенничеств, совершенных группой лиц [8; 9].

Содержание формирования, деятельности и распада группы, совершающей мошенничество, как элемент соответствующей базовой криминалистической характеристики, имеет особое для нее значение, выражает подчиненность других элементов. Именно подобные закономерности актуализировали тему данной работы.

В России мошенничество по итогам 2019 г. выступает одним из распространенных преступлений. По данным официальной статистики в РФ, странах СНГ и дальнего зарубежья каждое второе-третье мошенничество совершается группой лиц [10].

Ростовская область по количеству мошенничеств, совершенных в период с января по август 2019 г., в сравнении с предыдущим периодом занимает первое место среди субъектов РФ (+68,2 %).

Постановлением Пленума Верховного суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растраты имущества» обращается внимание на то, что «способами хищения чужого имущества путем мошенничества (ответственность за которые наступает в соответствии со ст. ст. 159, 15.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6 УК РФ) являются обман или злоупотребление доверием. Под воздействием таких способов владелец имущества или иное лицо передает имущество или право на него другому лицу, либо не препятствует изъятию... Обман как способ совершения может состоять в сознательном сообщении или предоставлении заведомо ложных сведений, не соответствующих действительности, либо в умолчании об истинных фактах, либо умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества в заблуждение. Злоупотребление доверием при мошенничестве выражается в использовании в корыстных целях доверительных отношений с владельцем имущества и иными лицами.

В случае признания мошенничеств, совершенных организованной группой, действия всех ее членов, принимавших участие в подготовке и в совершении преступления независимо от их фактической роли, необходимо квалифицировать по соответствующей части ст. ст. 159, 15.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6 УК РФ» [11].

При раскрытии, расследовании и предупреждении мошенничеств, совершенных группой лиц, нами выделяются следующие типичные исходные и другие след-

ственные ситуации: преступная группа или основные участники задержаны непосредственно после совершения мошенничества; задержан мошенник и достаточно информации о совершении преступления группой лиц; задержан мошенник и информация о совершении преступления группой лиц носит ориентирующий характер; задержан мошенник, но информация о нем и о группе лиц отсутствует; мошенничество совершено группой неизвестных; совершено хищение с признаками мошенничества.

По способам мошенничества, совершенные группой лиц, в объективной действительности они подразделяются на:

- а) традиционные (наперстки, цыганское «золото», ясновидение и т.д.);
- б) интернет-мошенничество;
- в) сочетания.

Способы мошенничеств, совершенных группой лиц, в правоохранительной деятельности подразделяются на:

1. Способы мошенничеств, совершенных группой, ранее известны в следственной и судебной практике.

2. Не все приемы, входящие в способы мошенничеств, совершенных группой, известны в следственной и судебной практике.

3. Способы мошенничеств, совершенных группой, ранее не известны следственной и судебной практике России, но активно используются за рубежом.

4. Способы мошенничеств, совершенных группой, ранее не известны.

Состояние криминалистического обеспечения и эффективность применения криминалистических рекомендаций, средств, методов установления способов при расследовании мошенничеств можно оценить как:

- а) достаточное и эффективное;
- б) достаточное, но устаревшее;
- в) недостаточное и неэффективное;
- г) отсутствует.

Типовые ситуации первоначального этапа расследования мошенничеств, совершенных группой лиц, классифицируются с учетом информации о формировании, деятельности преступной группы, ее участниках. Для мошенничеств, совершенных группой лиц, необходимо, чтобы участники совершали заранее подготовленные действия, относящиеся к объективной стороне преступления.

Как показывают проведенные нами исследования, отраженные на страницах криминалистической печати, мошенничества совершаются: группой по предварительному сговору (77,25 %); организованной группой (22,75 %).

В большинстве случаев группы мошенников формируются с учетом имеющегося опыта, включая опыт преступной деятельности в определенных сферах (финансовой, владения IT-технологиями, работы в банковской, кредитной, страховой сфере и т.д.) [13].

Распад групп, совершающих мошенничества, зависит от объективных и субъективных факторов (наступательность при раскрытии и расследовании, отсутствие доходов, превентивные меры государства). Группы мошенников формируются при-

мерно в одинаковых пропорциях по национальному признаку: как однородные, так и состоящие из лиц различных национальностей.

Место совершения и место жительства групповых мошенников совпадает не всегда. Причинами отсутствия такой корреляции выступают особенности формирования групп, количественные показатели, возрастные критерии, переход к высокотехнологичным, либо тиражируемым из-за рубежа способам группового мошенничества, в том числе, группами созданными на этнической основе [14]. Наличие такой корреляции связано с традиционными способами мошенничества.

Количество участников, совершающих мошенничества, выглядит следующим образом: для группы по предварительному сговору – 3–5 человек (86,53 % случаев изученных дел); для организованной группы – 4–11 человек (77,41 % случаев изученных дел). По количеству участников групп, совершающих мошенничества, можно типизировать: малые (3–5), средние (4–11) и крупные (9–15). Среднее количество участников в изученных группах составило 5,07 человек. Изучение временных характеристик существования группы показало следующие статистические данные: для группы по предварительному сговору – в среднем от недели до трех месяцев; для организованной группы – от пяти до девяти месяцев [13].

По возрастному критерию выделяются три группы мошенников:

- а) молодежные группы (возраст участников 18–28 лет);
- б) возрастные группы (участникам 40 лет и старше);
- в) комбинированные группы:
 - молодежные группы с лидерами значительно старше рядовых участников;
 - группы с лидерами до 30 лет и смешанным составом участников;
 - иное.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Варданын А.В. Криминалистическая превенция в системе государственных мер по предупреждению преступности // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 430. – С. 169–173.

2. Варданын А.В. Формирование типичных следственных версий как организационно-методический аспект повышения результативности расследования насильственных преступлений, совершенных лицами, имеющими психические расстройства // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. науч. тр. участников междунар. науч.-практич. конф. – Ростов н/Д., 2018. – С. 7–13.

3. Варданын А.В., Грибунов О.П., Капустюк П.А. [и др.]. Расследование мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях железнодорожного транспорта: учебное пособие. – Иркутск: ВСИ МВД России, 2018. – 92 с.

4. Варданын А.А. Преступления, связанные с торговлей людьми, в контексте тенденции глобализации противоправных посягательств на свободу, честь и достоинство личности // Философия права. – 2011. – № 3 (46). – С. 106–109.

5. Варданыан Г.А. Преступления в сфере теневого фармацевтического рынка как объект криминалистики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 1-2. – С. 250–258.

6. Варданыан А.В., Ларионов И. А. Научные основы формирования криминалистической характеристики преступлений, связанных с организацией незаконной миграции // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2015. – № 4-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-osnovy-formirovaniya-kriminalisticheskoy-harakteristiki-prestupleniy-svyazannyh-s-organizatsiey-nezakonnoy-migratsii> (дата обращения 04.02.2020).

7. Субботина М.В. Концепция формирования базовых методик расследования преступлений: монография. – Волгоград, 2007. – С. 57–59.

8. Щербаченко А.К. Концептуальные основы формирования базовой методики расследования мошенничеств, совершенных группой лиц // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2019. – № 3. – С. 155–162.

9. Щербаченко А.К. Концептуальные основы формирования базовой методики расследования мошенничеств, совершенных группой лиц // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2019. – № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-formirovaniya-bazovoy-metodiki-rassledovaniya-moshennichestv-sovershennyh-gruppoi-lits> (дата обращения 04.02.2020).

10. Состояние преступности в России / ФКУ «Главный информационный-аналитический центр МВД РФ (за январь-август, 2019)». – М., 2019. – 60 с.

11. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растраты имущества: постановление Пленума Верховного суда РФ от 30 нояб. 2017 г. № 48.

12. Щербаченко А.К. Криминалистическая классификация мошенничеств, совершенных группой лиц, как основа формирования базовой методики их раскрытия и расследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 3 (90). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-klassifikatsiya-moshennichestv-sovershennyh-gruppoi-lits-kak-osnova-formirovaniya-bazovoi-metodiki-ih> (дата обращения 04.02.2020).

13. Варданыан А.В. Фиктивные организации как специфические криминальные средства совершения преступлений в сфере экономики: правовые и криминалистические аспекты // Вестник Уфимского юридического института МВД РОССИИ. – Уфа, 2019. – № 3 (85). – С. 56–62.

14. Грибунов О.П., Баских Е.И. Криминологическая профилактика преступлений, совершаемых организованными преступными группами, созданными на этнической основе // Российский следователь. – 2013. – № 22. – С. 23–25.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Vardanyan A. V. Crime prevention in the system of state measures for crime prevention // the Bulletin of Tomsk state University. – 2018. – No. 430. – PP. 169–173.

2. Vardanyan A.V. Formation of typical investigative versions as an organizational and methodological aspect of improving the effectiveness of investigation of violent crimes committed by persons with mental disorders // Criminalistics: current issues of theory and

practice: Collection of scientific papers of participants of the International scientific and practical conference. – Rostov-on-don, 2018. – P. 7–13.

3. Vardanyan A.V., Grybunov O. P., Kapustyuk P. A., Permyakov A. L., Unzhakova S. V. Investigation of fraud related to the implementation of investment projects at railway transport enterprises: tutorial. – Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2018. – 92 p.

4. Vardanyan A. A. Crimes related to human trafficking in the context of the globalization trend of illegal encroachments on freedom, honor and dignity of the individual // Philosophy of law. – 2011. – No. 3 (46). – PP. 106–109.

5. Vardanyan G. A. Crimes in the sphere of the shadow pharmaceutical market as an object of criminalistics // Izvestiya Tula state University. Economic and legal Sciences. – 2016. – No. 1-2. – PP. 250–258.

6. Vardanyan A.V., Larionov I. A. Scientific bases of formation of criminalistic characteristics of crimes related to the organization of illegal migration // Izvestiya Tulgu. Economic and legal Sciences. – 2015. – No. 4-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-osnovy-formirovaniya-kriminalisticheskoy-harakteristiki-prestupleniy-svyazannyh-s-organizatsiey-nezakonnoy-migratsii> (accessed 04.02.2020).

7. Subbotina M. V. Concept of formation of basic methods of investigation of crimes: monograph. – Volgograd, 2007. – PP. 57–59.

8. Shcherbachenko A. K. Conceptual bases of formation of the basic methodology of investigation of frauds committed by a group of persons // Izvestiya Tulgu. Economic and legal Sciences. – 2019. – No. 3. – PP. 155–162.

9. Shcherbachenko A. K. Conceptual bases of formation of the basic methodology of investigation of frauds committed by a group of persons // Izvestiya Tulgu. Economic and legal Sciences. – 2019. – No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-formirovaniya-bazovoy-metodiki-rassledovaniya-moshennichestv-sovershennyh-gruppy-lits> (accessed 04.02.2020).

10. State of crime in Russia. Fku " Main information and analytical center of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation (for January-August, 2019)". M., 2019. – 60 p.

11. Resolution of the Plenum of the Supreme court of the Russian Federation No. 48 of November 30, 2017 "on judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement of property".

12. Scherbachenko A. K. Criminalistic classification of fraud committed by group of persons as the basis of formation of the basic methods of investigation and solution // Bulletin of the East Siberian Institute of MIA of Russia. – 2019. – No. 3 (90). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-klassifikatsiya-moshennichestv-sovershennyh-gruppy-lits-kak-osnova-formirovaniya-bazovoi-metodiki-ih> (accessed 04.02.2020).

13. Vardanyan A.V. Fictitious organizations as specific criminal means of committing crimes in the economic sphere: legal and forensic aspects // Bulletin of the Ufa law Institute of the Ministry of internal Affairs of RUSSIA. – Ufa, 2019. – No. 3 (85). – P. 56–62.

14. Gribunov O. P., Barskikh E. I. Criminological prevention of crimes committed by organized criminal groups created on an ethnic basis // Russian investigator. – 2013. – No. 22. – P. 23–25.

УДК 342.9

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-222-230

Добров Алексей Николаевич

начальник кафедры административного права и административной деятельности ОВД Восточно-Сибирского института МВД России
кандидат юридических наук,
доцент
E-mail: dobson@bk.ru

Dobrov Aleksey Nikolaevich

Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of the Internal Affairs bodies, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Candidate of Law,
Associate Professor
E-mail: dobson@bk.ru

Баранова Светлана Анатольевна

доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД Восточно-Сибирского института МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: svetlana.myshenko@gmail.com

Baranova Svetlana Anatolievna

Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of the Internal Affairs bodies, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law
E-mail: svetlana.myshenko@gmail.com

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА
ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ:
ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ**

Введение: в статье исследуются основные проблемы, связанные с осуществлением административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, а также современное состояние практической деятельности органов внутренних дел по осуществлению данной деятельности.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют нормы действующего законодательства, регламентирующие общественные отношения, складывающиеся в сфере осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Методологической основой послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, методы логической дедукции, индукции, познавательные методы, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили сформулировать рекомендации и предложения, направленные на совершенствование деятельности органов внутренних дел

по осуществлению административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Выводы и заключения: в целях совершенствования деятельности органов внутренних дел по осуществлению административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, необходимы следующие меры: своевременное проведение профилактических мероприятий с лицами, состоящими под административным надзором; надлежащий ведомственный контроль за исполнением законодательства об административном надзоре со стороны руководителей органов внутренних дел; надлежащее взаимодействие подразделений органов внутренних дел с учреждениями уголовно-исполнительной системы; своевременная постановка на учет ранее судимых лиц; полнота и качество процессуальных проверок по фактам уклонения от административного надзора.

Ключевые слова: надзор, административный надзор, поднадзорный, органы внутренних дел, профилактика преступлений, уклонение от надзора.

ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES ON ADMINISTRATIVE SUPERVISION OF PERSONS RELEASED FROM DETENTION CENTRES: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Introduction: the article examines the main problems associated with the implementation of administrative supervision over persons released from detention centres. The current state of the practical activities of the Internal Affairs for the implementation of this activity is subject to study.

Materials and Methods: the norms of the current legislation form the normative basis of the study; the norms regulate social relations developing in the sphere of administrative supervision over persons released from detention centres.

The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, the methods of logical deduction, induction, cognitive methods, comparison, analysis, synthesis and description.

Results of the Study allowed to formulate recommendations and proposals aimed at improving the activities of Internal Affairs on implementation of administrative supervision over persons released from detention centres.

Findings and Conclusions: To improve the activities of the Internal Affairs bodies on implementation of of administrative supervision over persons released from detention centres the following measures are required: timely preventive measures with persons under administrative supervision; proper departmental control over the implementation of the legislation on administrative supervision by the Heads of Internal Affairs bodies; proper interaction of subdivisions of Internal Affairs bodies with institutions of the penal system; timely registration of previously convicted persons; completeness and quality of procedural checks on the facts of evasion of administrative supervision.

Key words: supervision, administrative supervision, supervised, authorities, Internal Affairs, crime prevention, evasion of supervision.

Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы (далее – административный надзор), представляет собой наблюдение со стороны ОВД за соблюдением ими временных ограничений прав и свобод, а также выполнением установленных обязанностей [3, с. 35; 2, с. 19]. Российский и зарубежный опыт борьбы с преступностью доказывает целесообразность установления надзора за лицами, которые освободились из мест лишения свободы [1, с. 87; 10, с. 180]. Это продиктовано тем, что такой вид надзора позволяет закрепить положительные результаты применения к лицам, вышедшим на свободу, мер уголовно-правового воздействия, а также способствует предупреждению рецидива преступлений. Административный надзор является мерой профилактического характера, применяемой к указанным выше лицам, поведение которых дает основание опасаться совершения ими новых противоправных деяний. Это обусловлено тем, что, как известно, преступная деятельность ранее судимых лиц представляет собой существенный фактор, ухудшающий криминогенную ситуацию в обществе. Иногда в отношении лиц, осужденных к лишению свободы, цели наказания остаются до конца нереализованными и недостижимыми, поэтому такие лица продолжают сохранять и нести высокую степень криминальной активности после отбывания наказания. Административный надзор также представляется возможным рассматривать как некий переход от условий исправительного учреждения к условиям жизни в социуме, целью которого является снижение рисков возникновения новых криминогенных ситуаций, криминализации поднадзорного лица и его ближайшего окружения.

Правовой основой осуществления данного вида надзора выступает федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Данный закон

- предусматривает виды административных ограничений;
- закрепляет основания для установления, продления, прекращения надзора;
- содержит права и обязанности поднадзорных лиц;
- регламентирует полномочия органов внутренних дел;
- устанавливает правовые основы для осуществления надзора в отношении

поднадзорных лиц – освобожденных из мест лишения свободы.

Так, например, по данным статистической формы «Надзор» за январь–март 2020 г. в Российской Федерации количество лиц, освобожденных из мест лишения свободы и имеющих непогашенную либо неснятую судимость, подпадающих под административный надзор составляет 126 500 чел., в том числе осужденных за совершение умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего 332 чел., за преступления при рецидиве преступлений 13 930, тяжкого или особо тяжкого преступления 114 922, преступления в период нахождения под административным надзором 226, двух и более преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ст. 228.3, ч. 1 ст. 231, ч. 1 ст. 234.1 УК РФ 356 чел.

Институт административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, играет большое значение в профилактике рецидивной преступности [5, с. 16; 6, с. 417; 7, с. 28; 8, с. 62], поскольку имеет своей целью предупреждение совершения лицами, освобожденными из мест лишения свободы, новых преступлений и

иных правонарушений, оказание на них индивидуального профилактического воздействия для защиты государственных и общественных интересов, прав и законных интересов граждан. Как справедливо отмечает ряд авторов, очевидно, что преступления лучше предупреждать, чем потом пресекать, раскрывать и привлекать лиц к уголовной ответственности. Профилактика (предупреждение) преступлений наиболее эффективная, менее затратная и самая логичная из всех форм борьбы с преступностью [9, с. 5]. Более того, профилактика преступности является важнейшим элементом в охране общественного порядка [4, с. 107]. Согласно статистическим данным количество лиц, состоящих под административным надзором и повторно совершивших противоправное деяние, остается значительным. Так, в Российской Федерации за январь–март 2020 г. число лиц, находящихся под административным надзором, в отношении которых возбуждены уголовные дела составило 6 712 чел., из них совершили преступления по ст. 314.1 УК РФ 3 080 чел., по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ 1 532 чел. Число лиц, состоявших под административным надзором, привлеченных к административной ответственности – 43 318 чел.; количество протоколов об административных правонарушениях, составленных в отношении лиц, состоявших под административным надзором – 122 537, в том числе за административные правонарушения, связанные с несоблюдением административных ограничений и невыполнением обязанностей, устанавливаемых при административном надзоре – 83 868.

Приведенные данные свидетельствуют о наличии проблем при установлении и осуществлении органами внутренних дел административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Рассмотрим основные из них.

1. Наличие фактов непринятия к поднадзорным лицам мер административного воздействия за нарушения административных ограничений и невыполнение обязанностей, предусмотренных указанным выше Федеральным законом.

Согласно данным обзора МВД России от 28 августа 2019 г. «О состоянии работы органов внутренних дел по осуществлению административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в том числе розыску лиц, уклоняющихся от административного надзора, привлечению к уголовной ответственности, по ч. 1 ст. 314.1 УК РФ» в ряде субъектов РФ (Забайкальский край, Архангельская, Липецкая, Иркутская области, г. Санкт-Петербург, Чукотский автономный округ, Республика Северная Осетия-Алания) существует данная проблема. Так, в Забайкальском крае имеют место случаи, когда поднадзорные за неприбытие на регистрацию согласно графику и несоблюдение «ночных» ограничений не были привлечены к ответственности. В Республике Северная Осетия-Алания поднадзорные, совершившие правонарушения в области дорожного движения в период действия установленных судом ограничений (в том числе запрета пребывания вне жилого помещения в ночное время суток) также не были привлечены к ответственности по ст. 19.24 КоАП РФ.

Игнорирование или несвоевременное реагирование на допущенные правонарушения формирует у поднадзорных чувство безнаказанности, что впоследствии приводит к совершению ими более тяжких деяний. Так, в Московской области к лицу, находящемуся под административным надзором, за нарушение установленных ограничений не было принято мер по привлечению к административной ответственности. Спустя

месяц им было совершено убийство двух лиц. В Республике Бурятия поднадзорному лицу, неоднократно совершавшему правонарушения, предусмотренные главой 20 КоАП РФ, не были установлены дополнительные ограничения. Позднее данным лицом были нанесены телесные повреждения сыну сожительницы, повлекшие тяжкий вред здоровью потерпевшего.

2. Нарушение требований нормативных правовых актов МВД РФ в части организации профилактической работы с лицами, состоящими под административным надзором.

Речь идет о несоблюдении положений о заведении дела и графика прибытия на регистрацию поднадзорных лиц, выявлении в ходе проверок документов о посещении умерших поднадзорных по месту жительства, а также отбывающих административный арест, проходящих стационарное лечение, находящихся в местах лишения свободы. Такие нарушения имели место в Ленинградской, Архангельской, Тюменской, Иркутской областях, Республиках Татарстан и Хакасия.

Указанный подход уполномоченных должностных лиц органов внутренних дел к организации профилактической работы с поднадзорными нередко является одной из причин уклонения от административного надзора. Согласно данным указанного выше обзора за 6 месяцев 2019 г. от административного надзора уклонялись 5 646 лиц, что составило 5 % от состоящих под надзором, из них 2 851 – разыскано, местонахождение 2 795 осталось неустановленным. При этом по ч. 1 ст. 314.1 УК РФ возбуждено только 2 738 уголовных дел (в 48,5 % случаев формального наличия признаков данного состава).

3. Исполнение не в полной мере требований приказа МВД России от 29 марта 2019 г. № 186дсп, определяющего порядок розыска лиц, не прибывших к месту осуществления административного надзора либо самовольно оставивших его. Так, в Липецкой области с момента заведения контрольно-наблюдательного дела по розыску поднадзорного лица было взято только одно объяснение у его сестры, иных розыскных мероприятий (наведение справок, направление запросов) не проводилось. В Архангельской области участковый уполномоченный полиции не проинформировал сотрудника, осуществляющего розыск поднадзорного лица, о его обнаружении, который беспрепятственно убыл в г. Санкт-Петербург, далее в Республику Татарстан. В результате бездействия должностных лиц поднадзорный избежал ответственности.

4. Использование не в полной мере сотрудниками территориальных органов внутренних дел предоставленных им законодательством полномочий при рассмотрении судами дел об установлении административного надзора. Так, в Республике Татарстан лицо, совершившее в начале 2019 г. убийство двух лиц, в предыдущем году 19 раз было привлечено к административной ответственности. Сотрудниками полиции дважды были направлены исковые заявления в суд для установления в отношении данного лица административного надзора. Однако в связи с неявкой ответчика был заявлен отказ от исковых требований. Сотрудники названного региона не использовали возможность рассмотрения искового заявления в отсутствие ответчика в соответствии с п. 11 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 16 мая 2017 г. №

15 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре, освобожденными из мест лишения свободы».

5. Практика возбуждения и расследования подразделениями дознания уголовных дел по ч. 1 ст. 314.1 УК РФ показала, что большинством территориальных органов проведена работа во взаимодействии с органами прокуратуры по выработке единой позиции уголовного преследования без получения объяснения от поднадзорного лица. Согласно данным обзора в 47,6 % регионах сформировался такой опыт возбуждения уголовных дел по ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, а в 19 % регионов он имеет широкое распространение.

Как показывает практика, отсутствие в материалах предварительной проверки объяснения не является препятствием для возбуждения уголовного дела. Факт уклонения от надзора устанавливается в ходе опроса родственников, знакомых и лиц, совместно отбывавших наказание с поднадзорным лицом. Так, например, в ГУ МВД России по Ставропольскому краю одним из оснований для возбуждения уголовного дела выступила информация, представленная лицом, совместно отбывавшим наказание с подозреваемым, о его нежелании прибывать к установленному месту административного надзора. В УМВД России по Вологодской области в суд было направлено уголовное дело, в материалах предварительной проверки которого содержались сведения от супруги и родителей поднадзорного, свидетельствующие об умышленных действиях последнего, направленных на уклонение от административного надзора. В данных случаях решения о возбуждении уголовных дел были приняты при наличии фактических обстоятельств, указывающих на умысел преступного деяния.

Вместе с тем существуют факторы, снижающие эффективность применения рассматриваемой нормы, среди которых можно выделить следующие: освобождение из исправительных учреждений лиц без установления административного надзора при наличии обязательных оснований; выдача поднадзорным лицам предписаний с ошибками либо о прибытии к месту жительства, по которому проживание невозможно; ненадлежащая проверка факта получения поднадзорным лицом решения суда об установлении административного надзора, вступившего в законную силу. Так, например, в Кемеровской области в 2018 г. в результате ненадлежащей проверки возможности проживания поднадзорных лиц после освобождения из мест лишения свободы прекращено производство по 6 уголовным делам. В МВД по Республике Марий Эл два уголовных дела прекращены по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с тем, что в предписании, выданном исправительным учреждением, не был указан точный адрес, куда должен явиться поднадзорный. Основной причиной таких решений явился формальный подход сотрудников полиции к рассмотрению предварительной проверки в части рассмотрения причин уклонения от административного надзора как необходимой составляющей субъективной стороны преступного деяния.

Таким образом, основными проблемами деятельности органов внутренних дел по осуществлению административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, являются следующие:

- непринятие мер административно-правового воздействия к поднадзорным лицам за нарушение временных ограничений и невыполнение обязанностей, предусмотренных Федеральным законом № 64-ФЗ;

- нарушение требований нормативных правовых актов МВД РФ в части организации профилактической работы с лицами, состоящими под административным надзором;

- исполнение не в полной мере требований нормативных правовых актов МВД РФ (в частности, приказа МВД России, определяющего порядок розыска лиц, не прибывших к месту осуществления административного надзора либо самовольно оставивших его);

- использование не в полной мере сотрудниками органов внутренних дел предоставленных им законодательством полномочий при рассмотрении судами дел об установлении административного надзора;

- неполнота процессуальных проверок по фактам уклонения от административного надзора.

Для разрешения указанных проблем и в целях совершенствования деятельности органов внутренних дел по осуществлению административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, необходимо:

- более качественное и своевременное проведение профилактических мероприятий с лицами, состоящими под административным надзором;

- проводить надлежащий ведомственный контроль за исполнением законодательства об административном надзоре со стороны руководителей органов внутренних дел;

- надлежащее взаимодействие подразделений органов внутренних дел с учреждениями УИС, другими субъектами профилактики правонарушений, судами по вопросам осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы;

- своевременная постановка на учет ранее судимых лиц с использованием данных ведомственных информационных ресурсов и учреждений УИС;

- полнота и качество процессуальных проверок по фактам уклонения от административного надзора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Астахова А.О. Социально-правовая обусловленность института административного надзора // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2017. – № 2 (27). – С. 86–93.

2. Барышников М.В. Отдельные аспекты участия участковых уполномоченных полиции в осуществлении административного надзора // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2018. – № 4 (77). – С. 18–21.

3. Ваньков А.В. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2014. – № 4 (71). – С. 33–36.

4. Дубровин А. К., Бажгеева А. В. Профилактика преступлений как важный элемент охраны общественного порядка // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. – № 6-1. – С. 104–109.

5. Курбатова О.В. Роль административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в системе профилактики преступности // Актуальные проблемы административного права и процесса. – 2018. – № 1. – С. 16–19.

6. Ляхова Т.Т. Проблемы административного надзора // Вестник современных исследований. – 2018. – № 9.4 (24). – С. 417–420.

7. Облицова З.Г., Ежов А.А., Облицова Е.В. Роль органов внутренних дел в надзоре за лицами, освободившимися из мест лишения свободы // На пути к гражданскому обществу. – 2020. – № 1 (37). – С. 28–31.

8. Попова О.О. Проблемы осуществления органами внутренних дел административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Алтайский юридический вестник. – 2020. – № 4 (32). – С. 61–64.

9. Проблемы осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: учебно-метод. пособие / А.Н. Добров, А.К. Дубровин, Н.Э. Егорова, А.В. Ваньков. – Иркутск: ВСИ МВД России, 2019. – 40 с.

10. Строева О.А. Административный надзор как одно из средств профилактики правонарушений и преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2020. – № 3 (84). – С. 179–184.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Astakhova A.O. Social and legal conditionality of the institution of administrative supervision // Vestnik of the Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2017. – No. 2 (27). – P. 86–93.

2. Baryshnikov M.V. Separate aspects of participation of functional authorized policies in the implementation of administrative supervision // Scientific Vestnik of Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2018. – No. 7 (77). – P. 18–21.

3. Vankov A.V. Administrative supervision of persons released from places of imprisonment // Vestnik of the Eastern Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2014. – No. 4 (71). – P. 33–36.

4. Dubrovin A.K., Bazhgeeva A.V. Crime prevention as an important element of the protection of public order // Matters of Russian and International Law. – 2019. – Vol. 9. No. 6–1. – P. 104–109.

5. Kurbatova O.V. The role of administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty in the system of crime prevention // Actual problems of administrative law and process. – 2018. – No. 1. – P. 16–19.

6. Lyakhova T.T. Problems of administrative supervision // Bulletin of modern research. – 2018. – No. 9.4 (24). – P. 417–420.

7. Oblitsova Z.G., Ezhov A.A., Oblitsova E.V. The role of the internal affairs bodies in the supervision of persons released from places of confinement // On the way to civil society. – 2020. – No. 1 (37). – P. 28–31.

8. Popova O.O. Problems of administrative supervision over persons released from detention facilities by internal affairs bodies // Altai Law Journal. – 2020. – No. 4 (32). – P. 61–64.

9. Problems of the implementation of administrative supervision over persons released from places of deprivation of liberty: study guide / A.N. Dobrov, A.K. Dubrovin, N.E. Egorova, A.V. Vankov. – Irkutsk: Eastern Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2019. – 40 p.

10. Stroeва O.A. Administrative supervision as a means of preventing offenses and crimes // Scientific Vestnik of Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2020. – No. 3 (84). – P. 179–184.

УДК 338.2: 351.74

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-231-240

Дубровин Алексей Кириллович
доцент кафедры административного
права и административной
деятельности ОВД Восточно-
Сибирского института МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: akddubrovin@mail.ru

Dubrovin Alexey Kirillovich
Associate Professor of the Department of
Administrative Law and Administrative
Activity of the Internal Affairs bodies, East-
Siberian Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: akddubrovin@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ И ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Введение: в статье рассматриваются проблемы подготовки и принятия управленческих решений в органах внутренних дел. Определена нормативная основа подготовки и принятия управленческих решений в органах внутренних дел, общие признаки управленческого решения. Дана классификация управленческих решений в органах внутренних дел, обозначены требования к ним.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют нормы административного права, регламентирующие вопросы, связанные с подготовкой, принятием управленческих решений в органах внутренних дела. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, методы логической дедукции, индукции, познавательные методы, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили сформулировать рекомендации и предложения, направленные на совершенствование подготовки и принятия управленческих решений, определены общие признаки управленческого решения, предложена их классификация.

Выводы и заключения: управленческие решения в практике ОВД не стоит рассматривать только в качестве детализированных директивных решений вышестоящих органов. Их четкость, гибкость обеспечивает эффективность организации деятельности служб и подразделений подчиненных им территориальных органов МВД России на каждом уровне с целью реализации поставленных задач. Определены проблемы на этапе подготовки и принятия управленческих решений в органах ОВД, в основе которых лежат причины организационно-управленческого (субъективного) общесистемного характера.

Ключевые слова: подготовка, принятие, управленческое решение, ОВД, требования.

PROBLEMS OF PREPARATION AND ADOPTION OF MANAGERIAL DECISIONS IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

Introduction : the article deals with the problems of preparing and making managerial decisions in the Internal Affairs bodies. The regulatory framework for the preparation and adoption of management decisions in the Internal Affairs bodies, general features of management decisions made in the Internal Affairs bodies are defined. The classification of management decisions in the internal Affairs bodies is given, and the requirements for them are indicated.

Materials and Methods: the normative basis of the research is formed by the norms of administrative law regulating issues related to the preparation and adoption of managerial decisions in the Internal Affairs bodies. The methodological basis of the research is the General dialectical method of scientific knowledge, which has a universal character, methods of logical deduction, induction, cognitive methods, comparison, analysis, generalization and description.

Results of the Study allowed us to formulate recommendations and suggestions aimed at improving the preparation and adoption of management decisions, identify common features of management decisions, and propose a classification of management decisions.

Findings and Conclusions: management decisions in the practice of Internal Affairs should not be considered only as detailed policy decisions of higher authorities. Their clarity, flexibility, ensures the effectiveness of organization of services and departments, their subordinate territorial bodies of the MIA of Russia at every level to implement the tasks. Problems at the stage of preparation and adoption of managerial decisions in the Internal Affairs bodies are identified, which are based on organizational and managerial (subjective) reasons of a system-wide nature.

Key words: preparation, acceptance, management decision, ATS, requirements.

Целью органов внутренних дел является обеспечение надлежащей защиты личности, общества и государства от правонарушений. Для выполнения данных задач необходима эффективная организация деятельности подразделений территориальных и линейных органов внутренних дел, достигаемая оптимальной постановкой задач и путей их выполнения, что возможно при правильной системе управления.

Проводимые в период с 2015 по 2020 г. анкетирования слушателей, обучающихся по программам профессиональной переподготовки сотрудников, включенных в кадровый резерв территориальных органов МВД России на районном уровне, отметили ряд проблем, которые послужили основанием данного исследования.

В результате анкетирования было определено, что к основным задачам управления следует отнести:

- повышение эффективности управления и уровня профессиональной подготовки сотрудников ОВД, их профессиональных компетенций и исполнительской дисциплины;
- обеспечение безопасности населения, институтов государственного общества, а также безопасности системы ОВД;
- обеспечение исполнения нормативно-правовых норм.

Соответственно, для обеспечения указанных задач управления в органах ОВД предусмотрены управленческие решения.

Управленческое решение представляет собой сознательно выбранное решение руководителя, основанное на операциях анализа, синтеза, сравнения, сопоставления, умозаключения и вывода [3, с. 29].

Управленческое решение применительно к системе ОВД представляет собой определенный нормативный акт, характеризующийся направленностью на конкретного индивида, группу, орган власти или социальный институт. В связи с этим можно утверждать, что «социальный характер» управленческого решения ОВД имеет целью удовлетворение потребностей большинства граждан, а также обеспечение их защиты, разрешение проблемных ситуаций с учетом норм права.

Нормативной основой подготовки и принятия управленческих решений в органах внутренних дел является ряд документов:

- приказ МВД России от 27.06.2003 № 484 (ред. от 25.05.2020) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России»;
- постановление Правительства Российской Федерации от 22.09. 2009 № 754 «Об утверждении Положения о системе межведомственного электронного документооборота»;
- приказ МВД России от 27.08. 2009 № 661 «О вводе в эксплуатацию единой автоматизированной информационной системы дежурных частей органов внутренних дел Российской Федерации»;
- приказ МВД России от 21.06. 2011 № 699 «Об утверждении Положения об Организационно-штатном управлении Министерства внутренних дел Российской Федерации»;
- приказ МВД России от 27.06. 2011 № 727 «Об утверждении Положения об Организационно-аналитическом департаменте Министерства внутренних дел Российской Федерации» и ряд других документов [1, с. 4–5].

Исходя из анализа данных документов, целесообразно отметить, что управленческое решение в системе ОВД – социально ориентированное, принимаемое в установленном порядке компетентными органами власти или должностными лицами и требующее обязательного исполнения.

Рассмотрим классификацию управленческих решений в органах внутренних дел, предлагаемую разными авторами в научных и методических изданиях:

1. По уровням управления:

- уровень всей системы ОВД (уровень МВД России);
- региональный уровень (УВД (ГУВД) края, республики, области, автономных образований);
- городской уровень;
- районный уровень;
- уровень конкретных служб, подразделений и структур.

Распределение управленческих решений по уровню управления позволяет оценить масштабность влияния решения.

2. По кругу решаемых управленческих вопросов:

- общие – охватывают всю систему органов внутренних дел;
- частные – относятся к отдельным направлениям деятельности ОВД;
- локальные – относятся к деятельности подразделений, групп, отдельных работников.

3. По характеру:

- нормативные – содержат нормы права, т. е. официально принятые документы (приказы, положения, правила, инструкции, уставы) [2, с. 23];
- общезначимые – направлены на решение проблем управления (например, решение об увеличении штатной численности подразделения или о создании новой структуры);
- индивидуальные – касаются конкретных вопросов управления;
- смешанные – могут содержать в себе как нормы права, так и нормы общего и индивидуального характера.

4. По сроку действия – оперативные (текущие), среднесрочные и досрочные. По данному критерию также разделяют стратегические, рассчитанные на действие в течение длительного времени, и тактические или оперативные управленческие решения.

5. По наименованию – приказы, распоряжения, акты, издаваемые руководителями органов, служб, учреждений и подразделений.

6. По форме выражения – устные и письменные. В органах ОВД решения выражаются преимущественно устно, письменные решения принимаются в процессе оперативного решения вопросов управления.

7. По целенаправленности – внутренние и внешние. В первом случае речь идет о решениях в целях разрешения организационных вопросов, касающихся управления деятельностью нижестоящих по подчиненности органов и подразделений. Внешние управленческие решения принимаются для обеспечения выполнения возложенных на органы внутренних дел задач и функций.

8. По содержанию – предписывающие, уполномочивающие, запрещающие, разрешающие [6, с. 61].

9. По характеру инициативы принятия – принимаемые по инициативе органа, должностного лица, от которого они исходят, и принимаемые по указанию, предложению или просьбе заинтересованных органов, должностных лиц, организаций, объединений, граждан.

10. По функциям управления – плановые (планы работы), финансовые, хозяйственные, контрольные и др.

К управленческим решениям предъявляются следующие требования:

1. Требование научной обоснованности решения зависит от объективности принимаемого решения, компетентности руководителя, его профессионализма, необходимости обсуждения возникшей проблемы с представителями служб и подразделений, которые:

- компетентны в вопросах решения подобных проблем;
- или которым предстоит организовать исполнение данного решения.

2. Соблюдение законности подготовки, принятия, оформления решения и его последующего исполнения.

3. Конкретность управленческого решения, эффективность которого зависит от четкости сформулированных целей и задач, определения круга компетенций исполнителей, ресурсного обеспечения, календарных сроков исполнения, обязанностей по исполнению у соответствующих структур и служб, соблюдения контроля и критериев оценки результатов исполнения [9, с. 95].

4. Своевременность управленческого решения, соблюдение которого позволяет ориентироваться в сложившейся обстановке, оперативно решить проблему и снизить возможные негативные риски.

5. Логичность, доступность и непротиворечивость позволяет быстро и верно воспринять управленческое решение. Это обеспечивается согласованностью с методами и средствами их выполнения, отсутствием противоречий и нарушений компетенции соответствующего органа внутренних дел.

6. Адресность управленческого решения направлена на его исполнение конкретными сотрудниками [8, с. 59].

7. Гибкость управленческого решения заключается в учете всех возможных факторов в процессе его принятия, позволяющем при необходимости скорректировать уже принятое решение при возможном изменении управленческой ситуации [10, с. 47].

8. Мотивированность. «Мотивирование – это процесс управления деятельностью посредством оказания влияния на поведение сотрудников. Ни одна система управления не способна функционировать на условиях максимальной эффективности, если она не будет включать в себя действенную систему мотивации» [4].

Отметим, что деятельность ОВД основана на подготовке и принятии различного рода решений. Важным моментом является стадия подготовки и принятия решений, которая характеризуется как самостоятельностью, так и взаимосвязанностью с последующими и предшествующими стадиями, наличием как общих задач и документационного обеспечения, так и свойственных только данной стадии частных задач. При этом решение каждой задачи регламентируется определенными документами, предназначенными для правомерного исполнения решения и оформления итогов проведенной деятельности.

Сущность деятельности органов внутренних дел заключается в повседневном исполнении законов, подзаконных актов, направленных на регулирование обще-

ственного порядка. Принятие и исполнение управленческих решений является важной частью деятельности ОВД. В процессе выполнения своих обязанностей сотрудники различных подразделений ОВД – ГИБДД, отделение паспортно-визовой службы, инспекция по делам несовершеннолетних, сотрудники дежурной части, участковые инспекторы полиции вступают в административно-правовые отношения с организациями, учреждениями, гражданами. При этом принимаемые управленческие решения ОВД имеют общие черты:

- наличие нормативно-правовой основы (издается от имени государственного учреждения, влечет за собой последствия в случае неисполнения);

- обязательный характер исполнения: выражение в форме предписания, обязательного для адреса – это обеспечивается либо добровольным исполнением предписаний, либо принудительным посредством ряда мер в отношении нарушителя;

- содержат обязательные правила поведения или регулирования существующих нормативно-правовых управленческих отношений;

- регулирующая функция, направленная на координацию общественных отношений, например, в соответствии с ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в обязанности сотрудников ОВД входит обязательное сообщение непосредственному руководителю о возникновении личной заинтересованности, которая может привести к конфликту интересов;

- односторонний порядок принятия выражает волю субъекта исполнительной власти;

- принимается субъектом исполнительной власти в рамках его компетенций и подкреплено определенными правовыми документами;

- субъективный характер с учетом объективных условий среды, системы управления, особенностей конкретной ситуации, профессиональных и личностных качеств лиц;

- дисциплинарная, административная, уголовная, гражданско-правовая ответственность;

- возможность оспаривания в судебной инстанции субъектом исполнения;

- управленческие решения принимаются в рамках компетенции субъектов управления (органов власти и должностных лиц), за которыми закреплен круг задач, функций, прав и обязанностей;

- процедурный характер принятия управленческого решения – четкий регламент процедуры подготовки проектов, к которым относятся рассмотрение, согласование, правовая экспертиза, принятие;

- подготовка на основе анализа и оценки нескольких вариантов с выбором наиболее оптимального;

- принятие со стороны уполномоченных лиц на основе соответствующих нормативных правовых актов;

- ориентированность на улучшение, совершенствование условий, состояния среды [5, с. 78].

Стадия подготовки и принятия управленческих решений имеет в своей структуре две стадии: подготовка решения и его принятие.

В процессе подготовки решение проходит этап правовой инициативы, анализа ситуации и вариантов ее разрешения, а также подготовки проекта.

Основанием для принятия либо отмены решения могут выступать заявление гражданина, поручение вышестоящего органа, инициатива субъекта власти, обращение организации и т.д. В случае, если есть юридические основания и объективная потребность, то решение принимается.

Анализ ситуации позволяет выяснить реальное положение дел, оценить масштабы проблемы, а также определить возможные варианты ее решения.

Проект подготавливается на основании имеющейся информации: определяется один из предложенных вариантов правового регулирования, согласовывается, обсуждается, оформляется.

Эффективность принятия решения зависит от того, насколько полно и качественно проведена предварительная работа. Большая часть нормативно-правовых актов принимается единолично, однако возможно коллегиальное обсуждение и голосование. При единоличном принятии на данной стадии происходит подписание проекта либо внесение изменений.

При оформлении решение проходит окончательное редактирование, подписание, ему присваивается порядковый номер.

Самостоятельной стадией является доведение решения до исполнителей и заинтересованных лиц или граждан посредством индивидуального ознакомления (устно, отправка письменных копий, повесток, определений, решений) либо в СМИ (к примеру, об изменениях законов).

Этап подготовки и исполнения отличается сложностью, высокой ответственностью, требует большого количества времени и усилий специалистов разного уровня и профессиональных компетенций субъектов, принимающих решения.

Среди основных проблем, возникающих на этапе подготовки и принятия управленческих решений, можно отметить:

1. Недостаток информации: недостаточный учет специфики деятельности и компетенции службы – исполнителя, объем, содержание, качество информации, реальные возможности принятия решения, количественные и качественные характеристики исполнения не позволяют подготовить объективное, конкретное и непротиворечивое решение.

2. Несвоевременность донесения и получения информации до исполнителей и (или) смежных подразделений и служб (несоблюдение сроков поступления отдельных видов информации).

3. Несвоевременная корректировка управленческих решений с длительными сроками действия [7, с. 74]. Ввиду постоянно развивающейся окружающей среды и системы управления, целевых установок системы управленческие решения требуют либо частичной корректировки, либо полного обновления, что ведет к увеличению документооборота, сложностям в понимании и усвоении «цепочки» решений по одному и тому же вопросу. Примером могут служить управленческие решения с кор-

ректировками типа «пункт (такой-то) документа (такого-то) изложить в следующей редакции», «пункт... решения... считать утратившим силу» и т. п.

4. Отсутствие коммуникативности информации, проявляющееся в нелогичности построения сообщения, сложности восприятия информации, однозначности и последовательности изложения, что допускает разночтение решения.

5. Возрастающий объем разнообразной управленческой информации. Данная ситуация обусловлена большим количеством решаемых ОВД комплексных задач по борьбе с правонарушениями и нехваткой сотрудников для аналитической работы. Совершенствование служб и подразделений по информационно-аналитической работе в штабных подразделениях позволит возложить обязанности по сбору, анализу, обобщению входящей информации, обеспечить своевременную квалифицированную обработку, хранение и выдачу информации и оперативность ее использования, а также освободить исполнителей от излишней документации. Более того, централизация и интеграция информации в рамках одного подразделения или единой системы деятельности органов внутренних дел позволит улучшить контроль исполнения управленческих решений и повысить эффективность их исполнения.

Данные проблемы целесообразно объединить в следующие группы:

- проблемы административно-организационного характера;
- проблемы организационно-кадрового управления;
- проблемы организационного управления.

Первая группа проблем заключается в недостаточно эффективной деятельности подразделений как организационных звеньев. Так, О. А. Кнаус отмечает, что «эффективность управления в той или иной сфере общественных отношений прямо зависит от правильной ее организации, где исполнителю понятна и мотивирована его цель» [4, с. 173].

Организационно-кадровые проблемы связаны с неэффективным выбором исполнителей, недостаточной компетентностью руководителей, принимающих решение. К данной группе можно отнести проблемы, связанные с реформированием структуры МВД, начатой в 2014 г. К примеру, Росгвардия не входит в структуру МВД, а подчиняется непосредственно Президенту. В результате ввиду появления большого объема работы, выполняемого меньшим количеством сотрудников, в обеих структурах появились дублирующие функции. Возрастающий объем информации, уменьшение численности и нестабильность кадрового состава, отток высококвалифицированных сотрудников сопряжен с увеличением бумажной работы, снижением мотивации выполнения служебной деятельности, ухудшением психологического состояния сотрудников.

Группа проблем организационного управления охватывает все этапы организации исполнения управленческих решений, что, в свою очередь, влечет за собой проблемы на этапах планирования, контроля и подведения итогов процесса управления деятельностью исполнителей. Сущность проблем данной группы заключается в недостаточной подготовке планов, проектов, их корректировки и внесения изменений, недостаточном анализе опыта работы и действий исполнителей, а также ресурсного обеспечения их деятельности. В современном обществе решения должны принимать-

ся оперативно и целенаправленно. Однако проблемы ресурсобеспечения в большинстве случаев ограничены и не соответствуют требованиям времени.

Таким образом, управленческие решения ОВД целесообразно рассматривать как комплексные явления, четкость, детализированность, директивность и гибкость которых обеспечивает эффективность деятельности подразделений ОВД на каждом уровне с целью реализации поставленных задач. Тем не менее в основе большинства проблем подготовки и принятия управленческих решений в органах ОВД лежат причины организационно-управленческого (субъективного) характера, которые в большинстве случаев имеют общесистемный характер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Амельчаков И. Ф., Голева Т. В. Делегирование полномочий как инструмент формирования компетентности и развития личностного потенциала сотрудников в управленческой деятельности руководителя органов внутренних дел / И.Ф. Амельчаков, Т.В. Голева // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2017. – № 1. – С. 4–9.
2. Бавсун И.Г. Документирование управленческой деятельности в органах внутренних дел: учебно-методическое пособие / И.Г. Бавсун. – Омск: Образование Информ, 2017. – 100 с.
3. Кильмашкина Т. Н. Управленческое решение: сущность, классификация, предъявляемые требования / Т. Н. Кильмашкина // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 2 (46). – С. 28–33.
4. Кнаус О. А. Мотивирование сотрудников органов внутренних дел в системе оценки оперативно-служебной деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 1 (88). – С. 172–179.
5. Логинов В. Н. Методы принятия управленческих решений: учебное пособие / В.Н. Логинов. – М.: КноРус, 2017. – 224 с.
6. Москвитин Г.И. Теория и практика принятия управленческих решений: учебник / под ред. Г.И. Москвитина. – М.: КноРус, 2017. – 340 с.
7. Основы управления в органах внутренних дел: учебник для вузов / А.Г. Маркушин, В.В. Казаков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2017. – 270 с.
8. Основы управления в органах внутренних дел: курс лекций. – 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. В.Г. Булавчика. – СПб.: ООО «Р-КОПИ», 2016. – 164 с.
9. Петрова О. В. Методы принятия управленческих решений / О.В. Петрова // Приоритетные направления развития современной юридической науки: сб. тезисов и статей междунар. науч.-практич. конф. / ред. кол. Г.М. Калашников, Д.В. Кайргалиев, Е.А. Тришкина. – Ульяновск, 2019. – С. 94–99.
10. Управленческие решения в органах внутренних дел: теоретические и методологические аспекты: монография / И.Ф. Амельчаков, Т.В. Голева. – Белгород: БелЮИ МВД РФ им. И.Д. Путилина, 2018. – 104 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Amelchakov I.F., Goleva T.V. Delegation of powers as a tool for the formation of competence and development of the personal potential of employees in the management ac-

tivities of the head of the internal affairs bodies / I.F. Amelchakov, T.V. Goleva // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – No. 1. – 2017. – P. 4–9.

2. Bavsun I.G. Documenting management activities in the internal affairs bodies: a teaching aid / I.G. Bavsun. – Omsk: Education Inform, 2017. – 100 p.

3. Kilmashkina T.N. Management decision: essence, classification, requirements / T.N. Kilmashkina // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – No. 2 (46). – P. 28–33.

4. Knaus O. A. Motivation of employees of internal affairs bodies in the system of assessment of performance evaluation // Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation. – 2019. – No. 1 (88). – P. 172–179.

5. Loginov V.N. Methods for making managerial decisions: textbook / V.N. Loginov. – M.: KnoRus, 2017. – 224 p.

6. Moskvitin G.I. Theory and practice of managerial decision-making: textbook / ed. G.I. Moskvitin. – M.: KnoRus, 2017. – 340 p. Organization of management of internal affairs bodies: textbook. 2nd ed., Add. and revised / under total. ed. Kononova A.M., Zakhvatova I.Y. – M.: Sputnik +, 2016.

7. Fundamentals of management in the internal affairs bodies: a textbook for universities / A.G. Markushin, V.V. Kazakov. – 2nd ed., Rev. and add. – M.: Yurayt, 2017. – 270 p.

8. Fundamentals of management in the internal affairs bodies: a course of lectures, 3rd ed., Rev. and add. / ed. V.G. Pin. Publishing house of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – SPb.: LLC R-KOPI, 2016. – 164 p.

9. Petrova O.V. Methods for making managerial decisions / O.V. Petrova // Priority directions of development of modern legal science: a collection of abstracts and articles of the International Scientific and Practical Conference / ed. count G.M. Kalashnikov, D.V. Kairgaliev, E.A. Trishkina. – Ulyanovsk: Sirius Publishing House, 2019. – P. 94–99.

10. Management decisions in the internal affairs bodies: theoretical and methodological aspects: monograph / I.F. Amelchakov, T.V. Goleva; BelYul Ministry of Internal Affairs Ros. Them. I. D. Putilina, 2018. – 104 p.

УДК 342.9

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-241-248

Костин Сергей Геннадьевич

научный сотрудник отдела по изучению социальных процессов и разработке комплексных проблем обеспечения правопорядка Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России
E-mail: sergei-k@inbox.ru

Kostin Sergey Gennadyevich

The Scientific employee of a Department on studying Social Processes and Development of Complex Problems of maintenance of the law and order of the Research Center of Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: sergei-k@inbox.ru

**ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ
АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ**

Введение: в статье рассматриваются меры административной ответственности, принимаемые к лицам, совершившим правонарушения, связанные с потреблением алкогольной продукции. Автор обращает внимание на их недостаточное профилактическое воздействие на правонарушителей. Акцент направлен на анализ отраслевого законодательства и судебную практику по делам об административных правонарушениях в сфере потребления алкогольной продукции, проблемы их применения.

Материалы и методы: нормативной основой исследования являются административное законодательство и нормативные акты, направленные на предупреждение и пресечение правонарушений в сфере потребления алкогольной продукции. Методологической основой послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы системного анализа, сравнительного правоведения и контент-анализ.

Результаты исследования позволили сформулировать предложения в законодательство, которые, по мнению автора, будут способствовать более результативному предупреждению правонарушений в исследуемой сфере.

Выводы и заключения: проанализировав меры административной ответственности, автор приходит к выводу об их недостаточном правовом воздействии на лиц, совершающих правонарушения, связанные с потреблением алкогольной продукции, и необходимости наиболее эффективного нормативно-правового и исполнительского механизма предупреждения противоправных деяний в данной сфере.

Ключевые слова: меры административной ответственности, административный штраф, обязательные работы, административный арест, предупреждение административных правонарушений.

PROBLEMS OF APPLICATION OF MEASURES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR OFFENSES IN THE SPHERE OF CONSUMPTION OF ALCOHOLIC BEVERAGES

Introduction: the article considers administrative liability measures taken against persons who have committed offences related to the consumption of alcoholic products. The author draws attention in the article to their insufficient preventive impact on offenders. The focus is on the analysis of sectoral legislation and judicial practice in cases of administrative offences in the field of consumption of alcoholic products, problems of their application.

Materials and Methods: the normative basis of the study is: administrative legislation, normative acts aimed at preventing and suppressing offences in the field of alcohol consumption. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal, as well as methods of system analysis, comparative law and content analysis.

Results of the Study: made it possible to formulate proposals for legislation, which, according to the author, would contribute to more effective prevention of offences in the field under study.

Findings and Conclusions: having analysed the administrative liability measures, the author concludes that there is insufficient legal impact on the perpetrators of alcohol-related offences and that there is a need for the most effective regulatory and enforcement mechanism to prevent unlawful acts in this area.

Key words: measures of administrative responsibility, administrative penalty, compulsory work, administrative arrest, the prevention of administrative offenses.

Одним из основных и самых важных с точки зрения предупредительного воздействия на граждан видов административной правоприменительной деятельности является деятельность административно-публичных органов и их должностных лиц по привлечению физических и юридических лиц к административной ответственности. В юридической научной литературе отмечается, что административная ответственность используется как важное средство правовой охраны, борьбы с особым видом нарушений – административными правонарушениями, опасность которых заключается в их значительной распространенности [11, с. 153].

Привлечение к административной ответственности лиц, совершивших правонарушения, связанные с потреблением алкогольной продукции, также является важным и наиболее эффективным средством предупреждения данных правонарушений.

Учитывая, какой вред приносит злоупотребление алкоголем (преступления, совершаемые в состоянии алкогольного опьянения, бытовое насилие, дорожно-транспортные происшествия), можно отметить, что предупреждение административных правонарушений в сфере потребления алкогольной продукции способствует предупреждению более тяжких противоправных деяний.

В юридической научной литературе административная ответственность большинством авторов рассматривается как негативные последствия для правонарушите-

ля, связанные с применением к нему административно-правовых санкций. Например Ю.М. Козлов и Л.Л. Попов определяют административную ответственность как «реализацию административно-правовых санкций, т. е. применение уполномоченным органом или должностным лицом административных наказаний к гражданам и юридическим лицам, совершившим правонарушение» [2, с. 337].

О. С. Рогачева предлагает более широкое определение, отмечая административную ответственность как особый вид юридической ответственности: «мера административно-правового принуждения, состоящая в применении санкций административно-правовых норм судьями, иными уполномоченными органами, в предусмотренном законом процессуальном порядке к субъекту, совершившему административное правонарушение, выразившееся в привлечении к административной ответственности либо освобождении от нее» [9, с. 20].

Интересное авторское толкование предложено А.В. Мурашовым, он называет административную ответственность как «отрицательную государственно-правовую оценку административного правонарушения и лица, его совершившего, путем наложения на виновного административного взыскания, повлекшего для него обязанность претерпевать лишения, определенные административно-юрисдикционным органом, в пределах санкции нарушенной нормы, а также исполнение этой обязанности под воздействием государственного принуждения, в целях воспитания граждан и предупреждения новых правонарушений» [6, с. 7].

В научной литературе имеет место другая концепция, в которой административная ответственность рассматривается не только как явление «негативное», т. е. как реакция государства на совершенное правонарушение, но и как явление «позитивное», предполагающее сознательное, ответственное отношение индивида к своим поступкам, образу жизни, людям, работе, как основа поведения субъектов права, исключающая нарушение правовых предписаний [3, с. 29]. Ответственность в какой-то мере стимулирует правомерное поведение граждан и устанавливается не только для применения наказания за неисполнение правовых норм [10, с. 10].

Согласимся, что главное назначение административной ответственности состоит в профилактическом, превентивном применении.

Как один из наиболее быстро развивающихся институтов административного права, административная ответственность все чаще обращает на себя внимание ученых-исследователей, а также законодателя. Тем не менее анализ нормативных правовых актов, регулирующих данную отрасль права, показывает, что большинство изменений в законодательстве в сфере административной ответственности носят точечный характер и не решают множество проблем института административной ответственности, которые ученые-административисты неоднократно выделяют еще с момента принятия КоАП [7, с. 38; 12, с. 185].

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает ситуация с исполнением назначенного административного наказания по делам об административных правонарушениях, а также его превентивного воздействия на правонарушителя. Общепринято, что эффективность предупреждения любых административных правонарушений во многом зависит от исполнения административного наказания, назначенного за их совер-

шение. Это вполне логично, поскольку неисполнение постановлений по делам об административных правонарушениях препятствует реализации общеправового принципа неотвратимости ответственности, что, в свою очередь, способствует перерастанию административных правонарушений в преступные проявления, укрепляет позиции правового нигилизма, дискредитирует цели применения административного наказания [5, с. 140].

Речь здесь идет в первую очередь, конечно, не об ужесточении административно-деликтного законодательства. Ещё в XIX в. известный немецкий ученый, публицист и политик Ф. Меринг писал: «Самое простое, но также и самое незначительное и самое безрезультатное оружие государства – это угроза алкоголизму наказанием» [1, с. 348]. Реализуя принцип неотвратимости ответственности за совершенное правонарушение, законодателю необходимо учитывать наличие оптимального сочетания административных наказаний за конкретное деяние в целях оптимального предупреждающего воздействия как на самих правонарушителей, так и на законопослушных граждан. Игнорирование такого правила способствует тому, что правовая норма, направленная на защиту каких-либо определенных общественных отношений, становится по сути декларативной и не способствует в полной мере решению задач административно-деликтного законодательства, а также достижению целей применения административного наказания [4, с. 80].

Взаимосвязь указанных обстоятельств особенно проявляется в деятельности полиции по предупреждению и пресечению правонарушений, предусмотренных ст. ст. 20.20, и 20.21 КоАП.

Изучение статистических материалов и судебных решений по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. ст. 20.20, 20.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹, показывает, что за данные правонарушения чаще всего назначается мера наказания в виде административного штрафа.

Здесь в первую очередь следует обратить внимание на низкую «взыскаемость» административных штрафов, налагаемых за нарушения, предусмотренные деликтными нормами. Согласно данным ГИАЦ МВД России доля взысканных штрафов от наложенных сотрудниками органов внутренних дел по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.20 КоАП, в период с 2012 по 2019 г. колебалась от 14 до 33 %. Такая же ситуация наблюдается по взысканию штрафов по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.21 КоАП (от 7 до 32 %). При этом доля взысканных административных штрафов увеличивалась, когда уменьшались суммы наложенных штрафов по данной категории дел².

Как показывает анализ правоприменительной практики в исследуемой сфере, исполнению административного наказания в виде штрафа препятствуют следующие обстоятельства.

В первую очередь категория лиц, наиболее чаще привлекаемая за административ-

¹ Далее – КоАП.

² Сборники по России. Сведения об административной практике органов внутренних дел Российской Федерации за январь–декабрь 2012–2019 гг. М.: ГИАЦ МВД России, 2020.

ные правонарушения, предусмотренные ст. 20.20, 20.21 КоАП, как правило, это лица, злоупотребляющие алкогольной продукцией, и на этой почве совершающие правонарушения в быту, являются «хронически неплатежеспособными» [8]. Изучение административных материалов наглядно отражает, что они нигде не работают, не имеют источника постоянного дохода. В связи с этим применение административного штрафа к ним в качестве меры наказания в некоторой степени не оказывает должного превентивного воздействия. Как правило, они уклоняются от уплаты штрафов. Сотрудникам полиции впоследствии необходимо вновь их разыскивать для привлечения к административной ответственности за уклонение от исполнения административного наказания (ч. 1 ст. 20.25 КоАП). Санкцией данной статьи предусмотрен штраф в двойном размере от ранее назначенного и в то же время правонарушитель не освобождается от исполнения обязанности по предыдущему наказанию. Не способствует «взыскаемости» отсутствие имущества, на которое может быть обращено внимание судебными приставами-исполнителями при административном взыскании.

Исходя из изложенного, необходимо отметить, что увеличение размера штрафа за правонарушения, связанные с потреблением алкогольной продукции, не будет способствовать повышению эффективности превентивного воздействия административного наказания. Учитывая невысокую долю взысканных штрафов по данной категории дел об административных правонарушениях, ужесточение санкции создаст предпосылку для увеличения латентности этих административных правонарушений, поскольку их фиксация фактически ставится в прямую зависимость от «платежеспособности» правонарушителя.

Санкцией ч. 1 ст. 20.20 КоАП предусмотрено административное наказание только в виде административного штрафа. Более строгое наказание (кроме административного штрафа) предусматривает санкция ст. 20.21 КоАП – административный арест.

Как мы уже отметили, одной из мер воздействия на лиц, систематически совершающих административные правонарушения, предусмотренные ст. 20.20 и 20.21 КоАП, уклоняющихся от уплаты штрафа, является привлечение их к административной ответственности по ст. 20.25 КоАП. Санкцией данной статьи, кроме административного штрафа, также предусмотрены обязательные работы либо административный арест.

Административный арест, как санкция, предусмотренная ст. 20.21 КоАП, не всегда, на наш взгляд, способствует предупреждению совершению вновь подобных правонарушений. В частности, некоторыми лицами, не имеющими постоянного заработка или иного источника дохода, либо не имеющими постоянного места жительства, административный арест может рассматриваться не как мера ответственности, а как мера социальной поддержки, так как на их содержание будут тратиться бюджетные средства, они будут обеспечены трехразовым горячим питанием, чистым бельём, горячим душем и т. п.

Фактически для большинства лиц, привлекаемых к административной ответственности за правонарушения в сфере потребления алкогольной продукции, наказания в виде штрафа и административного ареста не имеют определенного воспитательного воздействия. Штрафы не взыскиваются в связи с отсутствием источников дохода, арест также не принимается правонарушителями, злоупотребляющими алко-

голем, всерьез.

Такое положение с исполнением административных наказаний в виде административного штрафа наблюдается по многим другим статьям КоАП. В поисках путей решения проблем предупреждающего воздействия административных наказаний к лицам, систематически уклоняющихся от уплаты штрафа и не имеющих источника дохода, стоит обратиться к зарубежному опыту.

Интересной, на наш взгляд, является система назначения наказаний в Германии. Согласно законодательству Германии сумма денежного штрафа назначается в дневных ставках. В случае невозможности уплаты штрафа предусмотрена замена наказания в виде ареста. Одной дневной ставке соответствует один день лишения свободы¹.

Конечно, речь идет не о полном копировании данной нормы, а возможности использования в российском законодательстве некоторых аспектов в целях разработки эффективного механизма противодействия административным правонарушениям, связанным с потреблением алкогольной продукции. В нашем случае при рассмотрении категории административных дел, связанных с потреблением алкогольной продукции, необходимо учитывать каждого правонарушителя индивидуально, т. е. если лицо ранее привлекалось к административной ответственности, не имеет источника дохода, систематически уклоняется от уплаты штрафов, то нужно заменять наказание в виде административного штрафа обязательными работами. В случае уклонения от обязательных работ применять более строгую санкцию в виде административного ареста.

С учетом категории лиц, привлекаемых к административной ответственности, их экономического и психологического положения такой подход имел бы более предупредительно-воспитательный эффект и позволил решить ряд правовых и организационных проблем, в том числе и по повышению уровня «взыскаемости» штрафов.

На наш взгляд, более результативному предупреждению правонарушений в сфере потребления алкогольной продукции будет способствовать интеграция в законодательство Российской Федерации об административной ответственности института замены административного штрафа обязательными работами для лиц, не имеющих постоянного источника дохода или систематически уклоняющихся от уплаты штрафа.

Считаем целесообразным главу 4 КоАП (Назначение административного наказания) дополнить следующей статьей:

Статья 4.1.1. Замена административного наказания в виде административного штрафа обязательными работами

1. Лицам, не имеющим постоянного источника дохода, либо систематически уклоняющимся от уплаты штрафа за ранее совершенные административные правонарушения, в случаях, если назначение административного наказания в виде обязательных работ не предусмотрено соответствующей статьей раздела II настоящего Кодекса

¹ § 43 Strafgesetzbuch. Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/> (дата обращения 05.04.2020).

или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, административное наказание в виде административного штрафа подлежит замене на обязательные работы.

2. Сумма административного штрафа в пятьсот рублей соответствует двадцати часам обязательных работ.

Либо санкции статей КоАП, предусматривающие ответственность за противоправные деяния, связанные с потреблением алкогольной продукции, дополнить наказаниями в виде обязательных работ.

На наш взгляд, внесение этих изменений в административно-деликтное законодательство будет способствовать достижению следующих целей.

Во-первых, более гибкой индивидуализации мер наказания в отношении лиц, допускающих совершение правонарушений в сфере потребления алкогольной продукции. Судьи при определении меры административной ответственности будут иметь возможность объективно учесть имущественное положение и в определенной мере пожелания правонарушителей, не имеющих постоянного источника заработка или иного дохода.

Во-вторых, позволят повысить результативность деятельности полиции МВД России по предупреждению административных правонарушений, связанных с потреблением алкогольной продукции.

Подводя итоги, также следует отметить, что дополнение санкций ч. 1 ст. 20.20 и ст. 20.21 КоАП таким административным наказанием, как обязательные работы, отразится положительно на состоянии правопорядка в общественных местах, поскольку в данном случае их применение будет ориентировано на более широкий круг лиц, а не только тех, кто не имеет постоянного места жительства или заработка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Franz Mehring. Die Trunksucht und ihre Bekämpfung. Eine brennende Frage der Gegenwart // Die Gartenlaube, Heft 21, Verlag von Ernst Keil. 1881. – S. 346–350.

2. Козлов Ю.М., Попов Л.Л. Административное право. – М.: Юристъ, 2000. – 728 с.

3. Максимов И.В. Концепции позитивной административной ответственности в теории и праве // Государство и право. – 2006. – № 8. – С. 29–37.

4. Малыхина Т.А. Проблемы предупреждения преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – № 2 (89). – С. 70–81.

5. Мотрович И.Д. Предупреждение и пресечение органами внутренних дел (полицией) административных правонарушений в сфере общественного порядка, связанных с потреблением алкогольной и спиртосодержащей продукции и появлением в состоянии алкогольного опьянения в общественных местах: дис. ... канд. юрид. наук. – Хабаровск, 2014. – 316 с.

6. Мурашов А.В. Освобождение правонарушителей от административной ответственности органами внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1982. – 23 с.

7. Николаев А.Г. Меры административной ответственности, реализуемые должностными лицами органов внутренних дел (полиции) Российской Федерации // Тенденции науки и образования в современном мире. – 2017. – № 28-3. – С. 37–42.
8. Пронин К.В. Административный арест и дисквалификация // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.04.2020).
9. Рогачева О.С. Административная ответственность. – Воронеж, 2005. – 192 с.
10. Рыбаков В.А. Позитивная юридическая ответственность (воспитательные аспекты). – Рязань, 1988. – 47 с.
11. Хаматова С.Х. Административно-правовое регулирование в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 251 с.
12. Шевцов А.В. К вопросу о проблемах привлечения к административной ответственности за хищение имущества // Административное право и процесс. – 2018. – № 1. – С. 184–196.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Franz Mehring. The alcoholism and her fight. A burning question of the present // The arbour, notebook 21, publishing company of Ernst Keil. In 1881. – PP. 346–350.
2. Kozlov Yu.M., Popov L.L. Administrative Law. – М.: Lawyer, 2000. – 728 p.
3. Maksimov I.V. Concepts of Positive Administrative Liability in Theory and Law // State and Law. – 2006. – № 8. – PP. 29–37.
4. Malyhina T.A. Problems of prevention of crimes committed in the state of alcohol // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – № 2 (89). – P. 70–81.
5. Motrovich I.D. Prevention and suppression by the internal affairs agencies (police) of administrative offences in the field of public order related to consumption of alcoholic and alcoholic products and appearance in the state of alcoholic intoxication in public places: Dis.... edging. юрид. sciences. – Khabarovsk, 2014. – 316 p.
6. Murashev A.V. Release of offenders from administrative liability by internal affairs agencies: autoref. yew. ... edging. юрид. Sciences. – М., 1982. – 23 p.
7. Nicholas A.G. Administrative liability measures implemented by officials of internal affairs (police) agencies of the Russian Federation//Trends of science and education in the modern world. – 2017. – № 28-3. – PP. 37–42.
8. Pronin K.V. Administrative Arrest and Disqualification // Access from the Help-legal system (date of the address 01.04.2020).
9. Rogacheva O.S. Administrative Responsibility. – Voronezh, 2005. – 192 p.
10. Rybakov V.A. Positive legal responsibility (educational aspects). – Ryazan, 1988. – 47 p.
11. Hamatov S.H. Administrative and legal regulation in the sphere of production and turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products: dis.... edging. juridical sciences. – М., 2003. – 251 p.
12. Shevtsov A.V. To the issue of problems of administrative liability for theft of property // Administrative law and process. – 2018. – № 1. – PP. 184–196.

УДК 342.9

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-249-259

Пролетенкова Светлана Евгеньевна
главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России (г. Москва)
доктор юридических наук, доцент
E-mail: proletenkova@mail.ru

Proletenkova Svetlana Evgenievna
Chief Scientific Officer of All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Doctor of Law, Associate Professor
E-mail: proletenkova@mail.ru

Беликов Александр Павлович
ученый секретарь Всероссийского научно-исследовательского института МВД России (г. Москва)
кандидат юридических наук
E-mail: a.belikov13@mail.ru

Belikov Aleksandr Pavlovich
Scientific Secretary of All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Candidate of Law
E-mail: a.belikov13@mail.ru

О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: в статье раскрываются отдельные правовые и организационные проблемы реализации Концепции общественной безопасности в Российской Федерации 2013 г. Авторами обосновывается необходимость введения риск-ориентированного подхода в сфере обеспечения общественной безопасности, усиление ее региональной составляющей, а также привлечение к данной деятельности структур гражданского общества.

Материалы и методы: нормативной основой исследования являются правовые нормы, реализующие административно-правовое регулирование обеспечения общественной безопасности, а также положения Концепции общественной безопасности в Российской Федерации 2013 г. В статье использованы библиографические источники по теме исследования.

Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, методы логической дедукции, индукции, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: сформулированы проблемы реализации Концепции общественной безопасности в Российской Федерации 2013 г., предложены новые административно-правовые механизмы обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации.

Выводы и заключения: предлагается разработать и принять новую Концепцию общественной безопасности в Российской Федерации на срок до десяти лет с использованием обновленного теоретико-методологического инструментария, предлагаемого в статье.

Ключевые слова: концепция, проект, общественная безопасность, МВД России, риск, механизм реализации.

ON THE CONCEPTUAL FRAMEWORK FOR ENSURING PUBLIC SAFETY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Introduction: The article reveals some legal and organizational problems of the implementation of the Concept of Public Security in the Russian Federation in 2013. The authors substantiate the need to introduce a risk-based approach in the field of public security, strengthening its regional component, as well as the need to involve civil society structures in this activity.

Materials and Methods: the normative basis of the study is the legal norms that implement the administrative and legal regulation of public security, as well as the provisions of the Concept of Public Security in the Russian Federation (2013). The article uses bibliographic sources on the research topic.

The methodological basis of the study is the general dialectical method of scientific knowledge, which has a universal character, methods of logical deduction, induction, comparison, analysis, generalization and description.

Results of the Study: the problems of implementing the Concept of Public Security in the Russian Federation (2013) are formulated, new administrative and legal mechanisms for ensuring public security in the Russian Federation are proposed.

Findings and Conclusions: it is proposed to develop and adopt a new Concept of public Security in the Russian Federation for a period of up to ten years, using the updated theoretical and methodological tools proposed in the article.

Key words: concept, project, public safety, Ministry of Internal Affairs of Russia, risk, implementation mechanism.

Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ в ноябре 2013 г. [1], является первостепенным документом стратегического планирования в обозначенной сфере, содержит указание об источниках угроз общественной безопасности, определяет цели, задачи, принципы, а также основные направления деятельности по ее обеспечению. В соответствии с находящимися в тексте Концепции указаниями срок ее действия истекает по окончании 2020 г.

Учитывая этот факт, федеральными органами исполнительной власти готовится к принятию проект новой Концепции общественной безопасности в Российской Федерации до 2030 г. [2].

На сегодняшний день наряду с исполнением указанной задачи назрела необходимость корректировки концептуальных подходов к системе обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации, получивших свое отражение в действующей Концепции. Прежде всего это связано с объективными обстоятельствами, отражающими динамику развития общественных отношений в сфере общественной безопасности.

Как справедливо отмечает профессор С.И. Гирько, «...уместно напомнить, что состояние общественной безопасности в Российской Федерации и в прошлом, и в

настоящее время характеризуется нестабильностью. И речь в данном случае не идет исключительно о состоянии преступности, а выходит далеко за пределы негативной динамики криминальной ситуации в стране» [3].

Со времени подписания Концепции законодательство Российской Федерации существенным образом изменилось. Так, начал действовать федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который закрепил принципиальные требования к документам стратегического планирования. С 2015 г. действует Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [4], определившая направления обеспечения государственной и общественной безопасности. С 2018 г. по настоящее время активно развиваются нормативные документы стратегического планирования в узкоспециальных сферах общественной безопасности: защиты от чрезвычайных ситуаций, пожарной, ядерной и радиационной, промышленной, экономической, химической и биологической и иных видов безопасности [5].

Есть также обстоятельства, вызванные недостаточной реализацией положений, предусмотренных действующей Концепцией. Так, например, согласно тексту Концепции на первом этапе (2013–2016 гг.) ее реализации должна быть разработана «единая межведомственная многоуровневая автоматизированная информационная система наблюдения за состоянием общественной безопасности». Подобная система в указанный срок не была сформирована. Также обстоят дела и с «системой оценки текущего положения дел в сфере общественной безопасности», которая должна была включить в себя соответствующие критерии, показатели и индикаторы.

Не были разработаны комплексные целевые региональные программы обеспечения общественной безопасности, которые согласно тексту Концепции должны являться частью ее реализации.

С теоретической точки зрения Концепции так и не удалось нормативно определить границы общественной составляющей в структуре национальной безопасности, четко отмежевать ее от государственной, личной и экономической безопасности, что, безусловно, на всем протяжении действия сказывалось на выполнении провозглашенных ею задач.

Такие основополагающие понятия, как «общественный интерес», «общественное место», «общественный порядок» и другие по-прежнему остаются предметом юридического толкования. Основное понятие общественной безопасности, под которой сегодня понимается «состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [6], – ненормативно и размыто, что приводит к смешению видов безопасности.

Предполагаемые отдельными исследователями надежды, связанные с принятием Концепции и введением с ее помощью в нормативный оборот определений основных используемых в рассматриваемой сфере понятий, во многом не оправдались. В частности, М.А. Камиллов указывал, что «определение, которое дано в Концепции общественной безопасности Российской Федерации, позволяет сделать вывод о наибо-

лее рациональном подходе к сущности и содержанию общественной безопасности... Определение в Концепции общественной безопасности Российской Федерации отражает некоторые реалии российского общества» [7].

По итогам реализации Концепции можно говорить о том, что ее действие действительно коснулось лишь «некоторых реалий», поскольку охватить мерами противодействия все поле общественных отношений, заложенных в понятие «общественная безопасность» вряд ли было возможно изначально.

При подготовке нового проекта Концепции должны быть учтены изменения, внесенные в 2020 г. в Конституцию Российской Федерации. Это обусловлено тем обстоятельством, что в п. д. 1 ст. 83 Конституции Российской Федерации в структуре федеральных органов исполнительной власти наряду с традиционными органами, ведающими вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, однопорядково выделяется сфера общественной безопасности, что может повлечь за собой создание отдельной федеральной структуры по вопросам общественной безопасности.

Кроме того, п. 3 ст. 132 Конституции Российской Федерации предусмотрено, что «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории», что неминуемо повлечет изменение задач данных органов в сфере обеспечения общественной безопасности.

В связи с указанным следует подчеркнуть, что разработчикам нового проекта Концепции необходимо решить сложную задачу, обеспечив, с одной стороны, преемственность и непрерывность государственного управления, его результативность и эффективность, с другой – ввести в практику целый ряд теоретико-методологических инноваций, способных существенно укрепить основы обеспечения общественной безопасности с учетом стратегических прогнозов на ближайшие 10 лет.

В первую очередь, на наш взгляд, изменения должны коснуться понимания сущности государственной политики в рассматриваемой сфере общественных отношений. Наиболее конструктивно было бы обозначить ее как часть системы государственного управления в сфере национальной безопасности Российской Федерации, которая представляет собой совокупность правовых, административно-организационных, правоохранительных, финансовых, коммуникационных, информационных и других мер, направленных на защиту населения от преступных и иных противоправных посягательств в общественных местах, на объектах транспорта и инфраструктуры, а также от чрезвычайных ситуаций социального, природного и техногенного характера.

Корректировке должны быть подвергнуты принципиальные подходы к критериям выделения современных угроз общественной безопасности.

В этом отношении было бы эффективным применение в рамках новой Концепции риск-ориентированного подхода. С его помощью система общественной безопасности была бы в большей степени ориентирована на максимально конкретизированные

вызовы, риски и угрозы, их анализ и формирование системы противодействия им.

Относительно «вызовов» представляется интересным и перспективным подход, реализованный в Доктрине энергетической безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216). Согласно ему под вызовом понимается совокупность условий и факторов, с одной стороны, создающих новые стимулы для развития определенной сферы, с другой – способные привести к возникновению угрозы безопасности. Здесь совершенно очевидно, что любые вновь возникающие факторы и обстоятельства, способные усложнить или дезорганизовать состояние общественной безопасности, должны вести к разработке новых мер противодействия им, что в конечном итоге приводит к совершенствованию системы обеспечения общественной безопасности.

Риски в сфере общественной безопасности, по нашему мнению, должны быть сформулированы на основании глубокого научного анализа состояния общественной безопасности, а также утвержденных основ государственной политики по отдельным ее направлениям.

Среди них наиболее актуальными, по нашему мнению, являются:

- снижение уровня правосознания и правовой культуры населения;
- рост социального и имущественного неравенства населения;
- коррупция;
- возникновение очагов межнациональной и религиозной розни в результате попыток пропаганды в стране экстремистской идеологии;
- гипертролизация региональных интересов и сепаратизм;
- неконтролируемые и нежелательные миграционные процессы;
- наркотизация и алкоголизация населения;
- ухудшение технического состояния объектов транспортной и энергетической инфраструктуры, критически важных и потенциально опасных объектов;
- увеличение количества промышленных объектов, технические и технологические ресурсы которых близки к предельным или полностью исчерпаны.

Внедрение в новую Концепцию общественной безопасности системы управления рисками способствовало бы повышению контроля и надзора, а также профилактической деятельности в рассматриваемой сфере. Указанное, несомненно, позволило бы снизить экономические издержки, а также ресурсные затраты на обеспечение общественной безопасности.

Особое внимание при разработке нового документа должно быть сосредоточено на том, чтобы система рисков и угроз общественной безопасности была сформирована не самозамкнуто (что является одним из основных недостатков действующей Концепции), а подтверждалась разработкой (в рамках плана реализации Концепции) системы оценки рисков и угроз, а также системы мер контроля и их минимизации.

Безусловно, проектируемая структура и содержательное наполнение положений новой Концепции должны отвечать требованиям федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Примерная структура документа могла бы включать в себя:

- 1) общие положения, определяющие цель, принципы, приоритетные направле-

ния, основные задачи, инструменты обеспечения общественной безопасности, ожидаемые результаты, терминологический аппарат Концепции;

2) оценку состояния общественной безопасности, включающую вызовы, главные стратегические риски и основные угрозы общественной безопасности;

3) цели, принципы, задачи, приоритетные направления деятельности государственных сил обеспечения общественной безопасности в пределах их компетенции;

4) механизмы реализации Концепции, включающие соответствующие уровни;

5) раздел предусматривающий участие граждан и негосударственных организаций, функционирующих в сфере безопасности, в обеспечении общественной безопасности.

Отдельно следует обратить внимание на важность научной проработки механизмов реализации Концепции, а также механизмов контроля за ее выполнением.

Представляется, что основой реализации Концепции должно быть четкое администрирование всех элементов системы Президентом Российской Федерации, Правительством Российской Федерации при координирующей и совещательной роли Совета Безопасности Российской Федерации.

При этом реализацию системных мероприятий целесообразно было бы обеспечить на плановой основе путем утверждения Правительством Российской Федерации планов мероприятий по обеспечению общественной безопасности на период, не превышающий двух лет.

Механизмом реализации Концепции могла бы стать трехуровневая система обеспечения общественной безопасности, включающая федеральный, региональный и местный уровни. Предметы ведения и полномочий при такой системе могли бы быть распределены по уровням власти с максимальной эффективностью для решения как стратегических, так и текущих задач.

Существенной опорой органов государственной власти и правоохранительных органов в сфере обеспечения общественной безопасности могло бы стать сотрудничество с институтами гражданского общества. Как показывают материалы «круглых столов» и научных конференций, проводимых с участием общественных структур правоохранительной направленности на базе Общественной палаты Российской Федерации, Государственной думы Российской Федерации, различных правоохранительных органов, подобные структуры с готовностью рассматривают возможность взаимодействия [8]. Ими накоплен значительный опыт объектовой охраны, охраны общественного порядка, а также они располагают достаточным арсеналом технических средств охраны и заинтересованных участников.

Значимость привлечения общественных структур правоохранительной направленности к функционированию системы обеспечения общественной безопасности могла бы найти свое проявление не только в их непосредственном участии в правоохране или связанных с ней направлениях деятельности, но и в формировании общественного сегмента контроля за состоянием общественной безопасности.

Рассматривая далее концептуальные моменты совершенствования государственной системы обеспечения общественной безопасности, отметим, что, по нашему мнению, центральным звеном общественной безопасности является не отдельный че-

ловек, как носитель прав и свобод, общество в целом или общественная группа (объединенная одним или рядом признаков, возможно территориальным, временным, социальным или др.), также объединенные той угрозой деструктивного характера, которая действует в отношении них.

Таким образом, общественный или публичный интерес выступает основным признаком общественной безопасности.

В этой связи логично предположить, что наиболее эффективным было бы концептуальное смещение основного акцента деятельности и объема полномочий в сфере обеспечения общественной безопасности на региональный уровень. Именно на уровне органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также территориальных правоохранительных органов наиболее остро проявляются общественные интересы и проблемы безопасности. На этом уровне эффективно могла бы осуществляться профилактическая и контрольно-надзорная деятельность органов власти субъектов Российской Федерации за состоянием правопорядка, реализована продуктивная реакция на системные и вновь возникающие угрозы в сфере общественной безопасности. Как справедливо замечает Р.М. Султанова, ежедневно органы государственной власти Российской Федерации «участвуют в формировании правовых, социальных, экономических и иных основ безопасной эксплуатации опасных производственных объектов, мер по предупреждению аварий, пожаров, природных и техногенных катастроф, по их локализации и ликвидации. Они также разрабатывают и принимают унифицированные правила обращения с различными опасными веществами и источниками, регулируют их правовой режим, осуществляют контроль и надзор за соблюдением установленного порядка приобретения оружия, движения транспорта, проведения операций по ликвидации последствий катастроф и т.п.» [9].

Кроме того, перемещение основного вектора управленческого воздействия в отношении обеспечения общественной безопасности на региональный уровень позволило бы оптимизировать деятельность в рамках региональных программ правоохранительной направленности, в том числе сократить расходы бюджетов различного уровня. То же самое касается деятельности многочисленных коллегиальных органов региональной исполнительной власти по обеспечению отдельных направлений общественной безопасности.

Общественные отношения в рассматриваемой сфере, обладают исключительной широтой и многогранностью, в связи с чем и система ее обеспечения имеет полифункциональный характер. В подобных условиях с учетом недостатков действующей Концепции оптимальным было бы введение многоуровневого контроля за выполнением разрабатываемого ей на смену документа. Предполагаемыми элементами подобного контроля могли бы быть:

1) мониторинг общественной безопасности, предполагающий сбор, аккумуляцию и анализ сведений о состоянии общественной безопасности, а также изучение общественного мнения в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях об уровне общественной защищенности;

2) подготовка самостоятельного раздела о состоянии общественной безопасности в докладе о состоянии национальной безопасности Российской Федерации и ме-

рах по ее укреплению Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Президенту Российской Федерации;

3) ежегодный отчет глав субъектов Российской Федерации перед населением о состоянии общественной безопасности в регионе;

4) регулярные отчеты о состоянии общественной безопасности перед населением главами органов местного самоуправления.

Полагаем, что механизмы реализации разрабатываемой Концепции общественной безопасности должны выступать логичным продолжением действующих основ в рассматриваемой сфере. Так, неотъемлемой ее частью должно остаться дальнейшее совершенствование единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (в том числе территориальных и функциональных подсистем), её взаимодействие с аналогичными зарубежными системами, а также развитие приграничного сотрудничества в данной сфере.

В качестве отдельного перспективного направления обеспечения общественной безопасности, которое целесообразно было бы отразить во вновь разрабатываемой Концепции, является привлечение к этой деятельности «гражданских» общественных организаций, а также негосударственных структур безопасности.

Возможными направлениями участия подобных негосударственных общественных структур в системе обеспечения общественной безопасности являются:

- предоставление ставшей им доступной или выявленной ими информации о реальных и потенциальных угрозах в сфере общественной безопасности;
- пропаганда активного участия в процессе обеспечения общественной безопасности среди населения;
- формирование идеологии правомерного поведения, правовой культуры, патриотизма, взаимопомощи и др.;
- создание системы организованного взаимодействия с органами государственной власти различного уровня;
- инициирование предложений, касающихся изменения действующего законодательства в контексте создания негосударственного сегмента в рамках системы обеспечения общественной безопасности;
- участие в оценке состояния общественной безопасности в регионах.

По нашему мнению, качественное формирование механизмов взаимодействия государственных субъектов, действующих в сфере общественной безопасности и негосударственных структур способных оказать помощь на данном направлении, могло бы способствовать установлению как государственного, так и общественного контроля, максимально приближенного к общественной среде, а также, как справедливо отмечают А.М. Воронов и Р.Н. Лapidус, «вплотную подвести субъектов обеспечения общественной безопасности к реализации сервиса предварительного исключения рисков в сфере общественной безопасности» [10]. В связи с указанным Концепция, которая должна прийти на смену после 2020 г., должна быть максимально доступна и понятна населению, ориентирована на диалог с общественными объединениями, со-

держат стимулы участия граждан в построении общей системы обеспечения безопасности в общественных местах.

При выстраивании системы обеспечения общественной безопасности с привлечением общественных структур следует признать, что формирование негосударственного сегмента обеспечения общественной безопасности вопрос длительного времени и кропотливой работы. Важнейшим принципом в этом отношении должна стать добровольность и заинтересованность институтов гражданского общества и отдельных граждан. При этом в ближайшей перспективе наладить полноценное и комплексное сотрудничество в сфере обеспечения общественной безопасности вряд ли возможно ввиду полной разрозненности негосударственных структур, отсутствия у них консолидированных центров. Вместе с тем отдельные его формы вполне жизнеспособны и перспективны. Речь идет о так называемом киберучастии посредством информационных порталов, обращений, участия в оценке деятельности органов власти на различном уровне. Заложив в Концепцию основы для такого сотрудничества, можно было бы рассчитывать на его дальнейшее расширение и совершенствование.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) // СПС Консультант (дата обращения 03.03.2021).

2. В соответствии с пунктом 7 Перечня документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, подлежащих разработке (корректировке) и утверждению в период 2019–2021 годов, утвержденного Президентом Российской Федерации от 28.12.2018 (№ Пр-2533), МВД России совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти поручено подготовить проект Концепции общественной безопасности в Российской Федерации на период до 2030 г.

3. Гирько С.И. Современный вектор развития концепции общественной безопасности в Российской Федерации // Административное право и процесс. – 2020. – № 8. – С. 26–30.

4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // СПС Консультант (дата обращения 03.03.2021).

5. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на период до 2030 г.: указ Президента РФ от 11 янв. 2018 г. № 12; Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области пожарной безопасности на период до 2030 г.: указ Президента РФ от 01.01.2018 № 2; О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.: указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208; Об Основах государственной политики Российской Федерации в области промышленной безопасности на период до 2025 г. и дальнейшую перспективу: указ Президента РФ от 6 мая 2018 г. № 198; Об утверждении Основ государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. и дальнейшую перспективу: указ Президента

РФ от 13 окт. 2018 г. № 585; Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 г. и дальнейшую перспективу: указ Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97.

6. Пункт 4 Концепции общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 N Пр-2685).

7. Камилов М.А. Определение общественной безопасности в соответствии с новой Концепцией общественной безопасности в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. – 2014. – № 8 (80). – С. 775–787.

8. Доценко Д.А. Роль и место негосударственных структур безопасности в системе антитеррористической защищенности страны // Власть. – 2019. – Т. 27. № 3. – С. 114–120; Российское информационное агентство «Индустрия безопасности»: «Негосударственная сфера безопасности – партнер государства» от 04.07.2016. URL: https://www.securitymedia.ru/news_one_4505.html (дата обращения 22.07.2020); Общественная палата Российской Федерации: «В ОП РФ уверены, что необходимо координировать деятельность организаций в сфере НСБ» от 20.01.2016. URL: <https://www.oprf.ru/press/news/2016/newsitem/32394> (дата обращения 18.10.2020).

9. Султанова Р.М. Реализация конституционно-правовых полномочий по обеспечению общественной безопасности органами государственной власти субъектов Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 3. – С. 48–53.

10. Воронов А.М., Лapidус Р.Н. Теоретико-методологические основы проектирования концепции обеспечения общественной безопасности на период до 2030 г. // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации (Москва). – 2020. – № 2 (54). – С. 12–17.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. The concept of public safety in the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on 14.11.2013 No. Pr-2685) // SPS Consultant (accessed 03.03.2021).

2. In accordance with item 7 of the List of Strategic Planning Documents in the Field of National Security of the Russian Federation to be Developed (adjusted) and Approved in the period 2019-2021, approved by the President of the Russian Federation on 28.12.2018 (No. Pr-2533), the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, together with the interested federal executive authorities, is instructed to prepare a draft Concept of public Security in the Russian Federation for the period up to 2030.

3. Girko S. I. Modern vector of development of the concept of public security in the Russian Federation // Administrative law and Process. – 2020. – No. 8. – P. 26–30.

4. On the Strategy of national security of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 683 of 31.12.2015 // SPS Consultant (accessed 03.03.2021).

5. On Approval of the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Protection of the Population and Territories from Emergency Situations for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation No. 12 of 11 January

2018; On Approval of the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Fire Safety for the Period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation No. 2 of 01.01.2018; On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the Period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation No. 208 of 13.05.2017; On the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the field of Industrial Safety for the period up to 2025. and further perspective: Decree of the President of the Russian Federation No. 198 of May 6, 2018; On Approval of the Fundamentals of the State Policy in the Field of Nuclear and Radiation Safety of the Russian Federation for the Period up to 2025 and Beyond: Decree of the President of the Russian Federation No. 585 of October 13, 2018; On the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Chemical and Biological Safety for the period up to 2025 and Beyond: Decree of the President of the Russian Federation No. 97 of March 11, 2019.

6. Item 4 the concept of public security in the Russian Federation (app. Russian President 14.11.2013 N PR-2685).

7. Kamilov, M. A. Determination of public security in accordance with the new Concept of public security in the Russian Federation // Administrative and municipal law. – 2014. – № 8 (80). – P. 775–787.

8. Dotsenko, D. A. the Role and place of non-state security structures in the system of anti-terrorist protection of the country // Power. – 2019. – Vol. 27. No. 3. – P. 114–120; Russian News Agency " Security Industry»: "Non-state security sphere-partner of the state" from 04.07.2016. URL: https://www.securitymedia.ru/news_one_4505.html (accessed 22.07.2020); Public Chamber of the Russian Federation: "The RF CC is confident that it is necessary to coordinate the activities of organizations in the field of NSB" dated 20.01.2016. URL: <https://www.oprf.ru/press/news/2016/newsitem/32394> (accessed 18.10.2020).

9. Sultanova R. M. Implementation of constitutional and legal powers to ensure public safety by state authorities of the subjects of the Russian Federation // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2018. – No. 3. – P. 48–53.

10. Voronov A.M., Lapidus R.N. Teoretiko-metodologicheskie osnovy proektirovaniya kontseptsii obespecheniya obshchestvennoy bezopasnosti na period until 2030. // Vestnik Vserossiyskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotsialnykh Ministva vnutrennykh delov Rossiyskoy Federatsii (Moscow). – 2020. – № 2 (54). – P. 12–17.

Информация для авторов

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.
2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.
3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее — Институт) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащем его полнотекстовую версию.
4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет редакционный совет.
5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.
6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.
7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.
8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.
9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.
10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.
11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.
12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.
13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в сети «Интернет».
14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.
15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.

16. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия даёт всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, учёная степень, учёное звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передаётся рецензентом для учёта и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении.

25. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

26. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования, предъявляемые к материалам

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, а также подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде. Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора размещён на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу неисключительных

прав на произведение. Лицензионный договор является типовым, собственноручно заполняется и подписывается автором.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем — 7 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем — 15 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc.

Шрифт: Times New Roman (Сур).

Размер шрифта: 13 кегль.

Междустрочный интервал: 1.

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм).

Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине». Сноски (если есть) — концевые, нумерация сквозная.

Фотографии, рисунки представлять отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в чёрно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации не представлять как сканированное изображение (т. к. изображение уже невозможно отредактировать).

Список используемой литературы оформляется как «Библиографические ссылки». Ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (*например, [2, с. 46]*).

Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003 или ГОСТ Р 7.0.5—2008 (обязательно с указанием издающей организации (издательства) и полным количеством страниц).

НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЕМ ИСПОЛЬЗОВАТЬ: SNOSKA.INFO — онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников. В тексте ссылки нумеруются в квадратных скобках, номер указывает на источник в списке литературы.

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи, перед ее названием, автор должен указать: УДК, свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, учёное звание, учёную степень, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не менее 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять-семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи). Аннотация должна содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения (при этом данные разделы не должны дублировать слово в слово текст разделов научной статьи). Образец оформления статьи размещен на сайте журнала в сети Интернет: www.vestnikesiirk.ru

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утверждённым приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 23 октября 2017 г. № 1027 Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. Отзыв не является рецензией на статью, а лишь помогает рецензенту всецело оценить научный материал.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России

К представленному научному материалу должна прилагаться **справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати**, заверенная личной подписью.

6. Порядок направления рукописей и издания журнала

Статья представляется в адрес института в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии (на CD), соответствующей бумажному варианту.

При этом рукопись статьи должна быть пронумерована и подписана лично автором.

Рукопись, ее электронная копия, отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов), справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, может быть направлена по электронной почте в адрес: **esiirk-vestnik@mvd.gov.ru**. При этом оригиналы направленных по электронной почте документов должны быть предоставлены не позднее двух недель со дня направления их по электронной почте.

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта www.esiirk.mvd.ru.

ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ

Научно-практический журнал
№ 1 (96) 2021

Редактор: Л.В. Югова
Технический редактор: Л.Е. Ким
Редактор-переводчик: О.Ю. Полонская
Дизайн обложки: М.А. Полянская

НИиРИО ФГКОУ ВО ВСИ МВД России,
ул. Лермонтова, 110